

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026 – 4

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 2.6

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор (ИЯ РАН, г. н.с.),
Е.О. Опарина – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН РАН, с. н.с. отд. языкознания), *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН РАН, в. н.с. отд. языкознания), *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук, акад. РАН (Институт языкознания РАН, г. н.с.), *Н.Г. Брагина* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. Пушкина, РГГУ, проф.), *А.Б. Бушев* – д-р филол. наук (ТвГУ, проф.), *Е.А. Казак* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, н. с.), *В.И. Карасик* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, проф.), *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, в. н.с.), *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *А.П. Лободанов* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук (НИУ ВШЭ, проф.), *В.А. Пищальникова* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук (МГЛУ, дир. Института прикладной и математической лингвистики), *В.В. Потапов* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, с. н.с.), *М.М. Раевская* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук (Гильдия «Мастера литературного перевода»), *О.А. Сапрыкина* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *И.А. Шаронов* – д-р филол. наук (РГГУ, зав. кафедрой), *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук (МГТУ им. Н.Э. Баумана, проф.).

Ответственный секретарь – *М.Б. Раренко*
Ответственные за выпуск – *Е.О. Опарина, М.Б. Раренко*

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» включен в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77-80875 от 21.04.2021

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2026.04.00

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INION RAN

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

SERIES 6

LINGUISTICS

2026 – 4

Published since 1973
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.6

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the “Linguistics” Series:

V.Z. Demyankov – Doctor of Philology, Editor-in-Chief (Institute of Linguistics RAS, Chief Researcher), *E.O. Oparina* – Candidate of Philology, Deputy Editor-in-Chief (INION RAN, Senior Researcher), *M.B. Rarenko* – Candidate of Philology, Deputy Editor-in-Chief (INION RAN, Leading Researcher), *V.M. Alpatov* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, Chief Researcher), *N.G. Bragina* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, RGGU, Prof.), *A.B. Bushev* – Doctor of Philology (Tver’ State University, Prof.), *E.A. Kazak* – Candidate of Philology (INION RAN, Researcher), *V.I. Karasik* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, Prof.), *L.R. Komalova* – Doctor of Philology (INION RAN, Leading Researcher), *V.G. Kuznetsov* – Doctor of Philology (MSLU, Prof.), *A.P. Lobodanov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Prof.), *A.V. Nagornaya* – Doctor of Philology (HSE University, Prof.), *V.A. Pishchal’nikova* – Doctor of Philology (MSLU, Prof.), *R.K. Potapova* – Doctor of Philology (MSLU, Prof.), *V.V. Potapov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher), *M.M. Raevsкая* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Prof.), *S.A. Romashko* – Candidate of Philology (Literary Translators’ Guild), *O.A. Saprykina* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Prof.), *I.A. Sharonov* – Doctor of Philology, Head of Department, RGGU), *E.B. Jakovleva* – Doctor of Philology (Bauman Moscow State Technical University, Prof.).

Executive Secretary – *M.B. Rarenko*
Responsible for the Issue – *E.O. Oparina, M.B. Rarenko*

The information-analytical journal “Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykovedenie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics” is included into the Index of Peer-reviewed Academic Journals and Publications that must publish academic results of doctoral and candidate degrees, recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, and is indexed in the Russian Science Citation Index.

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИИ No ФЦ 77-80875 от 21.04.2021.

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2026.04.00

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Братчикова М.И. Испанский язык на Филиппинах	9
--	---

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Томская М.В. Эмоциональный аспект креативности: исследование спонтанной устной речи	27
Раренко М.Б. Языковые индикаторы дискурса социальной гармонии	40
Опарина Е.О. Городские легенды: Мифологемы и символы как средство формирования содержания в фольклорном жанре	54
Огнева Е.А. Кинемные координаты информативного кода в утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида»	70

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Фадеева Г.М. Комплексные амбивалентные понятия «родина», «миграция» и «идентичность» в современном немецком обществе как объект междисциплинарных исследований	84
Русакова И.Б. Р Репрезентация концепта «пьянство» в русских и английских пословицах	98

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА

Васильева Н.В. О терминологическом инструментарии литературной ономастики: ономастический ландшафт	114
---	-----

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Ковшова М.Л. Об одном случае фразеологической деривации: «след» исходных образов в актуальной семантике идиомы ..	131
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Раренко М.Б. Рецензия на книгу: Германова Н.Н.,
Костева В.М., Радченко О.А. Женщины в лингвистике
XVIII века: Великобритания, Россия, Германия / отв. ред.
О.А. Радченко. – Москва: ЛЕНАНД, 2025. – 200 с. 146

CONTENTS

SOCIOLINGUISTICS

Bratchikova M.I. Spanish Language in the Philippines	9
--	---

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

Tomskaya M.V. Emotional Aspect of Creativity: A Case Study of Spontaneous Spoken Discourse	27
Rarenko M.B. Language Indicators of the Discourse of Social Harmony	40
Oparina E.O. Urban Legends: Mythologemes and Symbols as a Content Creation Tool in a Folklore Genre	54
Ogneva E.A. Kinemes Coordinates of the Informative Code in Francis Bacon's Utopia "The New Atlantis"	70

COGNITIVE LINGUISTICS

Fadeeva G.M. Complex Ambivalent Concepts of "Homeland", "Migration", and "Identity" in Contemporary German Society as an Object of Interdisciplinary Research	84
Rusakova I.B. The Concept "Hard Drinking" in Russian and English Proverbs	98

LEXICOLOGY. ONOMASTICS

Vasilyeva N.V. On Terminological Instruments of Literary Onomastics: The Onomastic Landscape	114
--	-----

PHRASEOLOGY

Kovshova M.L. Traces of the Original Underlying Metaphors in the Figurative Meaning of the Idioms: A Case Study of Phraseological Derivation	131
--	-----

REVIEWS

Rarenko M.B. Book Review: Guermanova N.N., Kosteva V.M., Radchenko O.A. Women in Linguistics of the 18 th Century: Great Britain, Russia, Germany / ed. by O.A. Radchenko. Moscow: LENAND Publ., 2025, 200 p.	146
---	-----

СОЦИОЛИНГВИСТИКА SOCIOLINGUISTICS

УДК 811.134.2(599):81'27

DOI: 10.31249/ling/2026.04.01

Братчикова М.И.¹

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК НА ФИЛИППИНАХ

Аннотация. Несмотря на 333-летнее присутствие в качестве языка колониального управления, испанский язык на Филиппинах не приобрел функций лингва франка для многоязычного населения архипелага. Это обусловлено как спецификой языковой политики Испанской Короны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и сменой колониальной администрации на рубеже XIX–XX вв., которая закрепила за испанским языком маргинальный статус. К настоящему времени испанское наследие на Филиппинах представлено разнообразными компонентами: остаточным территориальным диалектом испанского, креольским языком на испанской основе (чабакано) и значительным пластом лексических заимствований, сохранившихся в автохтонных языках. Анализ каждого из этих компонентов позволяет реконструировать языковой след метрополии и оценить витальность испанского языка на Филиппинах в постколониальную эпоху.

Ключевые слова: испанский язык; миноритарный язык; Филиппины; чабакано; креольский язык; филипино; постколониализм.

Для цитирования: Братчикова М.И. Испанский язык на Филиппинах // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 4. – С. 9–26. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.01

¹ Братчикова Мария Игоревна – младший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; maryriddle1926@gmail.com

Поступила в редакцию: 29.05.2026.

Принята в печать: 30.07.2026.

Bratchikova M.I.*

SPANISH LANGUAGE IN THE PHILIPPINES

Abstract. Despite having served as the language of colonial administration for 333 years, Spanish never attained the status of a lingua franca among the multilingual population of the Philippine archipelago. This outcome can be attributed both to the specific language policies pursued by Spain in this region and to the subsequent change of colonial rule at the turn of the 19th–20th centuries, which entrenched the marginal position of Spanish. Today, the Spanish heritage in the Philippines is represented by heterogenous components: a residual regional dialect, a Spanish-based creole (Chabacano), and a significant layer of lexical borrowings preserved in the indigenous languages. An examination of each of these components allows us to reconstruct the linguistic footprint of the colonial metropole and to assess the vitality of Spanish in the postcolonial Philippines.

Keywords: Spanish language; minority language; Philippines; Chabacano / Chavacano; creole language; Filipino; postcolonialism.

For citation: Bratchikova M.I. Spanish Language in the Philippines // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 4. – Pp. 9–26. DOI: 10.31249/ling/2026.04.01

Введение

Испанский язык в настоящий момент входит в число коммуникативно мощных языков, что связано со значительным числом носителей по всему миру¹ и его официальным статусом в 21 государстве, включая помимо Испании 19 стран Латиноамериканского региона и Экваториальную Гвинею в Африке. В Азии и Океании испанский официально не закреплён ни в одной стране. Однако на Филиппинах на протяжении более чем 300 лет испанский язык

* Bratchikova Mariya Igorevna – Junior Researcher of the Department of Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; maryriddle1926@gmail.com

¹ Согласно ежегодному отчету Института Сервантеса, в 2025 г. число потенциальных носителей испанского языка по всему миру превысило 635 млн человек, из которых примерно для 519 млн испанский является родным.

служил средством колониального управления и администрирования, образования и культуры, так и не став при этом языком повседневного общения для большинства населения. Сегодня он практически исчез из активного устного употребления местных жителей, уступив свое место автохтонным языкам Филиппин, в частности тагальскому, а также английскому языку. Утрата испанским языком своих позиций после длительного присутствия на архипелаге ставит перед исследователями вопрос об эффективности языковой политики в регионе, проводившейся Испанией в колониальный период, и одновременно актуализирует проблему изучения испанского языкового наследия в бывшей колонии.

Работы, изучающие испанское колониальное наследие на Филиппинах, определяют ряд ключевых исследовательских направлений. Во-первых, это исследования, рассматривающие языковую политику испанской администрации и католических миссионерских орденов на архипелаге в колониальный период во взаимосвязи с текущей языковой ситуацией в регионе [Fernández, 2015; Fernández, 2019; Barrón Soto, 2025]. Во-вторых, работы в области контактной лингвистики, анализирующие формирование и состав иберо-креольских языков, прежде всего чабакано (*chabacano*) [Lipsky, 2001; Lipski, 2010; Fernández Rodríguez, 2020; Steinkrüger, 2006; Sippola, 2025; Melchor, Blázquez-Carretero, 2022]. В-третьих, труды, описывающие современное состояние испанского языка, его демографическую динамику и функциональную дистрибуцию на Филиппинах в синхронии и диахронии, а также анализирующие языковую политику Испании и Филиппин в постколониальную эпоху [Elizalde, 2018; Galván Guijo, 2021; Madrid Álvarez-Piñer, 2018a; Barrón Soto, 2025; Fernández, 2022; Molina Martos, 2006]. Наконец, в ряде работ изучаются лексические заимствования – филиппинизмы (*filipinismos*) в испанском языке и испанизмы (*hispanismos*) в филиппинском и других местных языках [Quilis, Casado-Fresnillo, Quilis-Sanz, 1997; Fernández, 2022]. Отечественные исследователи только последние годы начинают проявлять интерес к данной проблематике, фокусируясь преимущественно на исторических и политических аспектах (например, [Григина, Романова, 2019; Панарина, 2024; Раевская, 2021; Цапина, 2025; Ivushkina, 2024]).

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении истории развития испанского языка на Филиппинах.

Филиппины в колониальную эпоху

История испанского языка на Филиппинах¹ начинается в 1521 г. с экспедиции Фернана Магеллана [Раевская, 2021], хотя фактическое образование колонии происходит в 1565 г., после прибытия Мигеля Лопеса де Легаспи на архипелаг из Мексики и основания города Себу [Elizalde, 2018; Andrijević, 2023]. В 1571 г. испанцы обосновываются в Маниле, окончательно присоединяя территории нынешних Филиппин к владениям Испании [там же]. На протяжении 333 лет (1565–1898 гг.) Филиппины находятся под испанским управлением, причем до 1821 г. они зависят от вице-королевства Новой Испании (Мексика), что объясняет значительное влияние мексиканского варианта испанского языка на местный территориальный диалект [Andrijević, 2023, p. 236]. Ключевую роль в этом процессе сыграл «манильский галеон» (*El Galeón de Manila*) – морской путь между Манилой и Акапулько, который на протяжении двух с половиной веков соединял Азию, Америку и Европу и служил каналом передачи не только товаров, но и языковых, культурных и религиозных традиций [там же, p. 239]. В 1898 г. архипелаг переходит под влияние США, а полный суверенитет Филиппины обретают в 1946 г. [Galván Guijo, 2021].

Несмотря на трехвековую историю, испанский, в отличие от того, что произошло в Испаноамерике, так и не стал «языком большинства» на Филиппинах [Barrón Soto, 2025; Galván Guijo, 2021; Fernández, 2019]. Исследователи связывают это, прежде всего с малочисленностью испанских переселенцев. За период 1571–1841 гг. из Испании на Филиппины отправилось менее 2500 человек, а в наиболее активную декаду (1600–1609 гг.) – менее 750 (прив. по: [Fernández, 2019, p. 179]). В течение колониального периода на 1 млн коренных жителей архипелага приходилось не более 600 испанцев [Galván Guijo, 2006, p. 163; Galván Guijo, 2021,

¹ Свое название (исп. *Filipinas*) страна получила от имени испанского короля Филиппа II (*Felipe II*). В 1543 г. мореплаватель Руй Лопес де Вильялабос дал это имя в честь тогдашнего принца Астурийского. Этимологически оно образовано от антропонима *Felipe* с помощью суффикса *-ino*, обозначающего принадлежность (относящийся к Филиппу). Согласно в роде и числе с определяемым существительным *islas* (острова; ж. р., мн. ч.), это прилагательное приняло форму *filipinas* (*las Islas Filipinas*). Впоследствии, в результате эллипсиса определяемого слова, форма закрепилась как самостоятельный топоним, сохранив грамматический облик женского рода множественного числа, что типично для испанских названий архипелагов (*las Malvinas*, *las Canarias*).

р. 599]. Это объясняется большей привлекательностью американского направления для жителей Пиренейского полуострова в связи с удаленным географическим положением Филиппин и их ландшафтом [Molina Martos, 2006, p. 3].

Важнейшим инструментом языковой политики Испании на первых этапах колонизации была евангелизация. Миссионеры предпочитали проповедовать на местных языках, не насаждая испанский в качестве единственного языка католической веры и настаивая на его добровольном изучении [Barrón Soto, 2025, p. 16]. Во многом из-за этого испанский стал не инструментом культурной ассимиляции, а маркером социального престижа, доступным элите. По различным оценкам, к концу XIX в., в момент наибольшего распространения испанского языка, им владело 8–10% населения архипелага [Galván Guijo, 2021]. На момент получения страной независимости от Испании языком могли пользоваться немногим менее 757 тыс. филиппинцев [Elizalde, 2018]. Это была преимущественно городская, образованная прослойка – так называемые *ilustrados* («просвещенные»), выходцы из местной знати и метисов, получившие образование в испанских школах и университетах.

В целом, политика Испанской Короны в отношении языка была крайне непоследовательной [Madrid Álvarez-Piñer, 2018a]. До середины XIX в. продвижение испанского среди населения Филиппин было обязанностью местных властей (класс *principalía*). Единых правил и постановлений не существовало, каждый представитель власти самостоятельно избирал меры продвижения языка. Многочисленные королевские указы (например, 1634 и 1686 гг.) о преподавании испанского языка при Габсбургах (XVI–XVII вв.) не имели системного характера и не подкреплялись разработкой соответствующих ресурсов. Ситуация должна была измениться в XVIII в. с приходом династии Бурбонов, проводивших политику централизации. Изданный Карлом III Королевский указ от 16 апреля 1770 г. предписывал «искоренить различные языки»¹ колоний и «говорить только на испанском» (прив. по: [Fernández, 2019, p. 189]). На Филиппинах эта мера не получила практической реализации, поскольку «Филиппины были, вероятно, территорией, где в наименьшей степени соблюдались последовательные предписания в этом отношении» [Fernández, 2019, p. 189–190].

¹ Здесь и далее перевод наш. – М. Б.

Настоящий перелом наступил лишь в 1863 г. – 20 декабря вышел королевский указ, регулировавший план начального обучения на островах. С этого момента начальное образование (дети 7–12 лет) на Филиппинах должно было вестись на испанском языке. Владение им открывало местному населению доступ к высшему образованию и, соответственно, было средством продвижения по социальной лестнице. Предполагалось, что благодаря этому испанский язык укрепится в обществе и войдет в сферу бытового общения последующих поколений филиппинцев. Также это могло облегчить взаимодействие коренного населения и испаноговорящей администрации, укрепляя колониальный режим. До этого посредниками выступали религиозные ордены, заведовавшие и образованием в колонии. Однако ожидаемого влияния указ не оказал [Elizalde, 2018; Fernández, 2019]. Испанский носил «письменно-официальный характер» [Гринина, Романова, 2019, с. 74] и продолжал обслуживать институционально опосредованные формы коммуникации (дело- и судопроизводство, образовательные учреждения, торговля и др.), но между собой филиппинцы продолжали говорить на местных языках [Elizalde, 2018]. Несмотря на языковое многообразие архипелага и существовавшую необходимость в лингва франка, испанский язык так и не смог претендовать на эту роль [Molina Martos, 2006].

Поражение Испании в войне с США в 1898 г. и подписание Парижского договора (1899 г.), по которому Филиппины перешли под американское управление за 20 млн долл., окончательно остановили развитие испанского языка в регионе [Barrón Soto, 2025]. Парадоксально, что именно рубеж XIX–XX вв. считается расцветом испанского как средства «литературного выражения» на архипелаге [Galván Guijo, 2021, p. 601].

В отличие от Испании, США проводили целенаправленную и последовательную языковую политику: в стране была поставлена задача уничтожения испано-филиппинской культурной традиции, что достигалось созданием условий для распространения английского языка [Molina Martos, 2006; Панарина, 2024]. Уже в 1901 г. было принято положение (*School Act N 74*), устанавливавшее английский в качестве единственного языка обучения в системе государственного образования [Fernández, 2015, с. 434]. В страну прибыли сотни американских учителей (так называемые *Thomasites*), что привело к росту грамотности филиппинского населения. В 1935 г. английский был объявлен официальным языком [Гринина, Романова, 2019, с. 74]. В этот период процент филипп-

пинцев, владевших испанским, сократился и составил к середине XX в. около 6% [Гринина, Романова, 2019, с. 75].

Хотя некоторое время испанский был для филиппинцев символом сопротивления насаждению английского языка [Galván Guijo, 2021], вскоре, как отмечает М. Фернандес, интернализовав новую языковую идеологию, «филиппинцы проложили путь для новых хозяев-американцев, которым оставалось лишь заменить испанский английским, связав его с объявленной будущей демократией и превратив испанский в символ тирании и угнетения» [Fernández, 2019, p. 190].

Окончательный удар по позициям испанского языка был нанесен в 1987 г., когда новая Конституция уже независимых Филиппин лишила испанский статуса официального языка, закрепив в качестве таковых филиппинский и английский. Испанский был переведен в разряд «языков добровольного и факультативного изучения и продвижения» (прив. по: [Elizalde, 2018, p. 111]). Одновременно была отменена обязательность изучения испанского в университетах [Madrid Álvarez-Piñer, 2018a, p. 122].

Современное положение испанского языка на Филиппинах

В настоящий момент связь Филиппин с испаноязычным миром поддерживается на институциональном уровне через Филиппинскую академию испанского языка (*Academia Filipina de la Lengua Española*), основанную в 1924 г. Эта академия входит в Ассоциацию академий испанского языка (*ASALE – Asociación de Academias de la Lengua Española*), но ее состав немногочислен, а влияние ограничено. Как отмечает М. Фернандес, «испанский язык не является родным даже для некоторых членов Филиппинской академии испанского языка» [Fernández, 2022, p. 423].

Ключевую роль в популяризации испанского языка играет Институт Сервантеса в Маниле, основанный в 1993 г. На 2019–2020 учебный год число студентов центра достигало 5353 человек. Центр является одним из лидеров по объему академической нагрузки [Galván Guijo, 2021, p. 607].

Проблема сохранения и продвижения испанского языка на Филиппинах остается в центре внимания на различных международных форумах, проводимых Институтом Сервантеса в сотрудничестве с консорциумом *Casa Asia*. Предметом пленарного обсуждения становится положение испанского языка на архипелаге, перспективы развития его преподавания и роль в филиппинском

обществе, а также варианты расширения испано-филиппинского культурно-экономического и языкового сотрудничества. В частности, весной ежегодно, под лозунгом “*Celebrando la conexión hispano-filipina a través del comercio y la cultura*”, проводятся форумы «Испания–Филиппины».

По данным переписи 1990 г., испанский язык считали родным лишь около 3 тыс. филиппинцев [Elizalde, 2018, с. 110]. При этом, согласно данным Института Сервантеса за 2025 г., в настоящий момент испанский является родным уже для примерно 7 тыс. человек¹ [El español en el mundo 2025..., 2025, p. 46, 50]. Вместе с тем, как отмечает М. Фернандес, филиппинцы, использующие испанский язык для повседневного общения, – это люди в возрасте от 60 лет [Fernández, 2022]. Таким образом, за последние десятилетия количество носителей испанского на Филиппинах формально увеличилось в 2,5 раза, однако использование испанского языка преимущественно представителями старшего поколения указывает на сохранившуюся неустойчивость его положения в регионе.

Число филиппинцев, ограниченно владеющих испанским языком (*Grupo de Competencia Limitada*)², включая носителей чабакано, превышает 547 тыс. человек. Однако эта цифра не учитывает выпускников высших учебных заведений до 1986 г., изучавших испанский язык. Сведения о них отсутствуют, хотя они потенциально могли бы увеличить приведенный показатель.

Количество изучающих испанский язык в качестве иностранного на Филиппинах в настоящий момент составляет от 30 до 40 тыс. человек [El español en el mundo 2025..., 2025]. Данный показатель постепенно растет. Прежде всего, это связано с принятым в 2007 г. решением о возвращении испанского в систему филиппинского школьного образования. Существенным стимулом к выбору испанского языка в качестве иностранного выступают экономические причины. Испанский востребован в индустрии аутсорсинга бизнес-процессов (*BPO*), а также открывает дополнительные воз-

¹ При подсчете общего числа носителей (*Grupo Dominio Nativo*) учитывались также резиденты из Испании и стран Латинской Америки.

² В эту группу включаются люди, которые владеют испанским языком на бытовом уровне, способны воспринимать речь на слух, но испытывают трудности в говорении, письме и использовании формальных регистров. Например, сюда могут быть отнесены наследственные (эритажные) говорящие (*hablantes de herencia*), т.е. потомки носителей испанского языка во втором или третьем поколении, выросшие в испаноязычных семьях, но не получившие систематического образования на этом языке.

возможности для трудоустройства за рубежом. Наконец, особую роль играет деятельность Института Сервантеса, расширяющего свои образовательные программы на Филиппинах.

Несмотря на положительную динамику, рост интереса к испанскому языку в регионе проходит на фоне высокого спроса на английский язык как язык глобальной коммуникации, а также китайский, японский и корейский. Популярность последних объясняется культурными и экономическими связями Филиппин со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, растущими инвестициями и трудовой миграцией.

Испанский языковой след на Филиппинах

Испанский язык оставил на Филиппинах заметный след. Здесь продолжают функционировать филиппинский «территориальный диалект» испанского языка (термин см.: [Фирсова, 2007]) (*español filipino / español de Filipinas*) и чабакано (*chabacano*)¹. Помимо этого, испанский изучается на архипелаге как иностранный (*ELE – español como lengua extranjera*), а в филиппинском и других автохтонных языках активно используются заимствования из испанского языка (*adstrato lingüístico*)² [Andrijević, 2023].

Филиппинский испанский (или филиппинский территориальный диалект испанского языка) является одним из наименее изученных диалектов испанского языка и представляет собой так называемый «остаточный испанский» (*español vestigial / residual*) [Andrijević, 2023]. Им пользуются в основном пожилые носители из числа потомков старой испано-филиппинской элиты колониальной эпохи, проживающие в столичном регионе Манилы или в бывших зонах сельскохозяйственного производства колониальной эпохи – сахаропроизводящих регионах острова Негрос или фруктовых районах Минданао [Lipski, 2010; Andrijević, 2023]. Этот диалект по историческим причинам обладает рядом особенностей, сближающих его с южно-испанской диалектной группой (андалуз-

¹ Креольский язык на испанской основе.

² Некоторые авторы также указывают на существование пиджина, получившего название «уличного / кухонного испанского» (*español de cocina / español de la calle*) и представлявшего собой смесь испанского и манильского вариантов тагальского языка, который использовался исключительно в городах для решения торговых вопросов и со временем утратил свою актуальность, что привело к его полному исчезновению (см., например: [Madrid Álvarez-Piñer, 2018b; Andrijević, 2023]).

ский, канарский, эстремадурский), с одной стороны, и с мексиканским национальным вариантом испанского языка – с другой. Его черты также свидетельствуют о сохранении в нем устаревших форм, присущих языку конца XIX в. [Molina Martos, 2006].

На фонетическом уровне характерны *seseo* (нейтрализация оппозиции [θ/s]); аспирация и велярная реализация /x/ как [h] (например, [hénte] вместо [xente]); окклюзивная реализация /b/, /d/, /g/ во всех позициях; использование глоттальной смычки перед начальными гласными, что не характерно для других современных диалектов; замена /f/ на /p/ как следствие влияния тагальского языка и др. На лексико-семантическом уровне можно отметить использование архаизмов (*aparador* – «шкаф»; *en tanto* – «во время того как»; *aeroplano* – «самолет») и мексиканизмов (*anteojo* – «очки»; *platicar* – «разговаривать»; *mande* – «можешь повторить?»; *chongo* – «обезьяна»; *mani* – «арахис»). На морфосинтаксическом уровне следует выделить сохранение некоторых архаичных грамматических форм (*vide* / *vi*, *haiga* / *haya*); использование некоторых предложных дополнений с предлогом *con* под влиянием тагальского маркера *kay* (*burlarse con alguien* вместо *burlarse de alguien*); *leísmo* (предпочтительное употребление местоимения косвенного дополнения *le* вместо местоимений прямого дополнения *lo* / *la* как с одушевленными, так и с неодушевленными объектами) и др.¹

Как было отмечено выше, в настоящее время официальными языками Филиппин являются филипино (или филиппинский) и английский. Наряду с ними в стране функционирует около 180 региональных языков и диалектов (точное количество по-прежнему вызывает споры), относящихся к малайско-полинезийской семье. Наиболее многочисленными являются тагальский, себуанский, илоканский, пангасинанский, бикольский, хилигайнон (панаянский), пампанганский, самбальский, ибанагский и магинданао. Выбор национального языка при столь высоком языковом и диалектном разнообразии породил многолетнюю дискуссию. Конституция 1935 г. предусматривала создание национального языка на основе одного из существующих местных языков [Madrid Álvarez-Piñer, 2018a]. В 1937 г. президент Мануэль Кесон декретом провозгласил его основой тагальский язык². Тагальский был выбран

¹ См. также: [Fernández, 2022; Lipsky, 2001]; URL: https://youtu.be/MiasZWZC33w?si=4_1P6sGdpX4ejWo9

² Тагальский язык представлен несколькими региональными диалектами (в том числе батангасским (*Batangas*), булаканским (*Bulacan*), мариндукским

неслучайно. Он был одним из самых крупных языков страны, отличался гомогенностью, обладал богатой литературной традицией и являлся языком столицы. С 1959 г. новый национальный язык назывался «пилипино», а с 1987 г. обновленная конституция окончательно закрепляет за ним название «филипино». Помимо тагальской основы филиппинский язык содержит заимствования из английского и испанского языков [Ivushkina, 2024; Цапина, 2025]. По разным оценкам, до 40% словарного состава местных языков составляют заимствования из испанского [Гринина, Романова, 2019, с. 74]. В тагальском языке насчитывается 20,4% заимствованных из испанского слов [Quilis, Casado-Fresnillo, Quilis-Sanz, 1997, с. 7]. Кроме того, многие антропони́мы (например, у многих филиппинцев до сих пор сохранились двойные испанские фамилии), топонимы (*Rojas, Toledo, Puerto Princesa, San Carlos*), названия учреждений имеют испанское происхождение [Цапина, 2025; Galván Guijo, 2021]. Лексические заимствования из испанского языка охватывают различные сферы: числительные (*sero, uno, dos, tres, kuwatro, singko, saís, siyete / syete, otso, nuwebe, diyés / dyes*), дни недели (*lunes, martes, miyerkules, huwebes, biyernes, sabado, linggo*) и календарь (*enero, pebrero / febrero, marso, abril, mayo, hunyo, hulyo, agosto, setiyembre, oktubre, nobiyembre, disiyembre*); некоторые формы приветствия (*kumusta? – ¿cómo estás?*¹); быт и домашнее хозяйство (*kusina – cocina, lamesa – la mesa, kutsara – cuchara, cubyertos – cubiertos, tinidor – tenedor, bintana – ventana, sabon – jabón, kotse – coche, basura – basura*); профессии и социальные роли (*pulisya – policía, huwes – juez, opisyal – oficial, pabrika – fábrica*) и др. Во многих случаях наблюдается адаптация заимствованной лексики к морфологической и фонетической системе филиппинского языка (например, замена гласных (*paminta – pimienta*) и согласных (*litrato – retrato*)).

К испанскому колониальному наследию на Филиппинах относится и чабакано, единственный креольский язык на испанской основе в Азии², на котором в повседневной речи говорят около

(*Marinduque*), таябасским (*Tayabas*) и др.). За основу национального языка был взят манильский диалект тагальского.

¹ Здесь и далее первой указывается лексическая единица филиппинского языка, второй – ее соответствие в испанском языке.

² Распространен сейчас в нескольких диалектных формах: зомбоангеньо (наиболее многочисленный, насчитывает не менее 300 тыс. носителей), кавитеньо, даваеньо, тернатенский, kotaбатеньо.

431 тыс. человек, главным образом в Самбоанге (Минданао), а также в Кавите и Тернате (район Манильского залива) [Раевская, 2021, с. 171].

Этимология слова “*chabacano*” восходит к испанскому прилагательному со значением «грубый, вульгарный, неотесанный» [Melchor, Blázquez-Carretero, 2022, p. 76], хотя в XX в. такое восприятие языка переосмысливается. Сегодня чабакано является предметом гордости и ключевым элементом местной идентичности, используется в СМИ и на религиозных церемониях, а также преподается в школах и имеет собственную литературную традицию [Fernández Rodríguez, 2020; Madrid Álvarez-Piñer, 2018b].

Существуют различные точки зрения относительно происхождения чабакано. Согласно К. Уинному, он (тернатенский диалект) возник из португальского пиджина, использовавшегося на Молуккских островах. Когда испанцы вывели гарнизоны с Молукк в 1663 г., местные христиане (*mardikas*) переселились на Филиппины, принеся с собой уже креолизированный язык. Впоследствии эта гипотеза была подвергнута сомнению, поскольку жители современного индонезийского Терната совершенно не понимают филиппинский тернатенский чабакано. По другой версии, того же К. Уиннома, чабакано мог сформироваться в результате языкового и культурного метисажа между испаноязычными гарнизонными войсками (солдаты из низших классов) и малайскими говорящими. Однако эта идея не объясняет путь креолизации чабакано. Из-за типологического сходства чабакано с другими иберо-азиатскими креолами была также выдвинута версия об общем для всех протокреоальском субстрате. Кроме того, по мнению Дж. Уоррена и Д. Вустера чабакано (зомбоангеньо) мог сформироваться в Самбоанге благодаря беглым рабам, которые спасались от мусульманских пиратов (*moros*) и искали убежища у испанских войск. Эти люди, происходившие из разных частей архипелага и не имевшие общего языка, создали пиджин для общения. Однако Дж. Липски полагает, что эта гипотеза не объясняет структурного сходства между зомбоангеньо и другими диалектами Манильского залива и предлагает собственную модель поэтапной креолизации под влиянием различных языков (испанского, илонгского, себуанского, английского). Согласно его гипотезе, чабакано, действительно, возникает в гарнизоне Самбоанги в середине XVIII в. на пересечении испанского и некоторых филиппинских языков. Далее он заимствует лексику и грамматические структуры из диалектов, распространенных в Манильском заливе (Кавите, Тернате). В XIX в. в

него проникают илонгские элементы (халигайнон) из-за остановок кораблей в Илиоло, а увеличение числа носителей испанского к концу века ведет к активному вхождению испанской лексики. В XX в. массовая иммиграция из центральных островов вносит себуанские элементы, частично замещающие испанскую основу, а американский колониализм ведет к заимствованию слов и структур английского языка [Lipski, 2010; Lipsky, 2001; Steinkrüger, 2006; Fernández Rodríguez, 2020; Sippola, 2025]. Существует также мнение о некреольской природе чабакано, который в таком случае следует считать еще одним территориальным вариантом испанского языка. Мы, однако, рассматриваем чабакано как креольский язык, исходя из очевидной гибридности его системы. Например, порядок слов в чабакано соответствует порядку слов в филиппинских языках (*VSO* (*verbo* / глагол – *sujeto* / подлежащее – *objeto* / дополнение)) в отличие от типичного для испанского *SVO*. В чабакано отсутствует глагол-связка (*Cosa tu nombre?* вместо *¿Cuál es tu nombre?*). Гибридность характерна для местоименной системы, варьирующейся кроме того в зависимости от диалекта (в зомбоангеньо используются местоимения *kamé* («мы», исключ.), *kitá* («мы», включ.), *kamó* («вы»), *silá* («они»), пришедшие из бисайских языков, а в кавитеньо и тернатенском – *nisós*, *busós*, *ilós*, соответствующие испанским *nosotros*, *vosotros* и *ellos*). Наконец, помимо очевидных лексических заимствований из испанского языка (*ken* / *quién*, *ke* / *qué*, *kosa* / *qué cosa*, *kwando* / *cuándo*), чабакано также включает слова из бисайских языков: *amó* («истинно», «действительно»), *gayot* (усилительная частица), *baka* («возможно»)¹.

Что касается изучения испанского как иностранного на Филиппинах, возросший интерес к нему связан с общемировыми тенденциями и поддержкой со стороны местных властей. С 2008 г., по инициативе президента Г. Макапагал-Арройо, испанский был вновь введен в систему среднего образования. В 2019–2020 уч. году он предлагался в 83 школах, а число изучающих его филиппинских школьников превысило 10 тыс. В университетах испанский изучают около 6 тыс. студентов. В целом, как отмечалось выше, в сфере языкового образования на Филиппинах испанский вынужденно, но закономерно конкурирует не только с английским, но и с другими азиатскими языками (китайский, японский, корейский) [Galván Guijo, 2021].

¹ Подробнее см., например: *Chavacano Reader* / Miravite R.M., Sanchez U.C.N., Tardo D.S. [et al.]. – Hyattsville: Dunwoody Press, 2009. – 387 p.

Интересно, что при относительно небольшой прослойке испаноговорящего населения на Филиппинах до сих пор сохраняется испаноязычная литературная традиция. К наиболее значимым писателям и поэтам относятся Гильермо Гомес Ривера (Guillermo Gómez Rivera), Макарио Офилада Мина (Macario Ofilada Mina), Дейзи Лопес (Daisy López), Вистан де ла Пенья (Wystan de la Peña) и Роки Кабраль Кабаньес (Rocky Cabral Cabañes) [Gallo, 2024].

Заключение

Историческая специфика колониальной политики Испании на Филиппинах – крайне малочисленный контингент переселенцев, приоритет евангелизации на местных языках, бессистемность языковых мер Габсбургов на периферии империи – предопределила «элитарный», преимущественно письменно-официальный статус испанского языка. За три столетия он так и не стал средством повседневной коммуникации для абсолютного большинства населения. При этом, испанское языковое наследие в той или иной форме присутствует на архипелаге до сих пор.

Филиппинский территориальный диалект, сохраняющийся весьма небольшой прослойкой пожилых носителей, слабо документирован и находится на грани исчезновения. Креольский чабакано, напротив, демонстрирует относительную институциональную устойчивость благодаря поддержке местных властей. Испаноязычное сообщество, при этом, рассматривает его как важное связующее звено между Филиппинами и испаноязычным миром. Интерес к испанскому как иностранному продиктован скорее прагматическими мотивами и институционально подкрепляется Испанией. Однако китайский и английский языки остаются более востребованными в условиях глобализации. Обширный пласт испанских лексических заимствований в местных языках не сопряжен с культурной идентификацией филиппинцев с испанским наследием, но формально обеспечивает сохранение испанского следа в языковом ландшафте.

Список литературы

- Гринина Е., Романова Г. «Посеяв ветер, пожнешь бурю»: языковая политика и судьбы испанского языка (Каталония, Перу, Филиппины) // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 66–79.
- Панарина Д.С. Филиппины: от колониального периода к борьбе за независимость // Труды ИИАЭ ДВО РАН. – 2024. – Т. 46. – С. 181–207.

- Раевская М.М.* Испанский язык в современном мире. Испанский язык в междисциплинарной парадигме XXI века: социолингвистическое, политическое, экономическое, юридическое, дидактическое, библиографическое измерения: уч. пособие. – Москва : ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.
- Фирсова Н.М.* Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. – Москва : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 352 с.
- Цапина Е.А.* Особенности влияния испанского языка на Филиппинском архипелаге // Русская политология – Russian Political Science. – 2025. – № 1 (34): Международные отношения: история, политика и экономика. – С. 88–93.
- Andrijević M.* El viaje y el tornaviaje de la lengua española a Filipinas // Facta universitatis. Series Linguistics and Literature. – 2023. – Vol. 21, N 2. – P. 235–258.
- Barrón Soto M.C.E.* Más allá de lo obvio. ¿Por qué se habla español en las Américas y no en Filipinas? // Cuadernos CANELA. – 2025. – N 36. – P. 9–36.
- El español en el mundo 2025. Anuario de Instituto Cervantes* / ed. por L. García Montero, C. Noguero Galilea, Á. García Santa-Cecilia [et al.]. – Madrid : Instituto Cervantes, 2025. – 573 p.
- Elizalde M.D.* El español en Filipinas // La influencia económica y comercial de los idiomas de base española. – Madrid : Secretaría General Técnica. Centro de Publicaciones, 2018. – P. 97–114.
- Fernández M.* Bienandanzas y malandanzas de la lengua española por las islas Filipinas // Arch-letras Científica. – 2019. – Vol. 2. – P. 177–193.
- Fernández M.* El español en contacto con otras lenguas en Filipinas // Dialectología hispánica. The Routledge Handbook of Spanish Dialectology / ed. por F. Moreno-Fernández, R. Caravedo. – London; New York : Routledge, 2022. – P. 422–432.
- Fernández M.* La representación social del español en las islas Filipinas // Historia política del español. La creación de una lengua / ed. por J. del Valle. – Madrid : Aluvión, 2015. – P. 425–440.
- Fernández Rodríguez M.A.* Los hablantes de chabacano (criollo hispano-filipino): un manojo de identidades entreveradas // El español en el mundo 2020. Anuario de Instituto Cervantes / ed. por L. García Montero, C. Noguero Galilea, M. López-Vega [et al.]. – Madrid : Instituto Cervantes, 2020. – P. 155–179.
- Gallo A.* Coda. Literatura hispanofilipina contemporánea // Introducción a la literatura hispanofilipina / coord. por R. Ortuño Casanova, B. Álvarez Tardío, A. Gasquet [et al.]. – London : Routledge, 2024. – P. 383–396.
- Galván Guijo J.* El español en Filipinas // El español en el mundo 2021. Anuario de Instituto Cervantes / ed. por L. García Montero, C. Noguero Galilea, C. Pastor Villalba [et al.]. – Madrid : Instituto Cervantes, 2021. – P. 599–611.
- Galván Guijo J.* El español en Filipinas // Enciclopedia del español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2006–2007 / coord. por J.M. Martínez [et al.]. – Madrid : Instituto Cervantes; Círculo de Lectores; Plaza&Janés, 2006. – P. 163–165.
- Ivushkina T.* Linguistic Diversity in the Philippines // Филологические науки в МГИМО. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 111–121.
- Lipsky J.M.* Chabacano / Spanish and the Philippine linguistic identity. – 2001. – URL: <https://johnlipski.github.io/chabacan.pdf> (дата обращения: 10.04.2026).
- Lipski J.M.* Chabacano y español: resolviendo las ambigüedades // Lengua y migración. – 2010. – N 2 (1). – P. 5–41.

- Madrid Álvarez-Piñer C.* El español en Filipinas. Un idioma de Estado // La influencia económica y comercial de los idiomas de base española. – Madrid : Secretaría General Técnica. Centro de Publicaciones, 2018a. – P. 115–132.
- Madrid Álvarez-Piñer C.* El idioma chabacano de Filipinas ante los retos del siglo XXI // La influencia económica y comercial de los idiomas de base española. – Madrid : Secretaría General Técnica. Centro de Publicaciones, 2018b. – P. 133–138.
- Melchor J.L., Blázquez-Carretero M.* Zamboanga Chavacano: From *español de cocina* to *un poquito español*. A postcolonial inquiry into creole language preservation // Journal of Pidgin and Creole Languages. – 2022. – Vol. 37, N 1. – P. 72–113.
- Molina Martos I.* Aspectos sociolingüísticos del español en el Pacífico: las Islas Filipinas y las Islas Marianas // Sociolingüística del español. – Biblioteca virtual de Humanidades Liceus, 2006. – P. 1–25. – URL: https://www.researchgate.net/publication/273998468_El_espanol_en_Filipinas_y_en_el_Pacifico_aspectos_sociolingüísticos (дата обращения: 15.05.2026).
- Quilis A., Casado-Fresnillo C., Quilis-Sanz M.J.* Los filipinismos y otras palabras de Filipinas contenidas en el «Diccionario» de la Academia // Boletín de la Real Academia Española. – 1997. – T. 77, Cuaderno 170. – P. 7–55.
- Sippola E.* Causatives and contacts in Chabacano // Exploring Structures in Languages and Language Contact / ed. by N. Levkovych, J. Nintemann, M. Vorholt. – Berlin : De Gruyter, 2025. – P. 21–40.
- Steinkrüger P.O.* The Puzzling Case of Chabacano: Creolization, Substrate, Mixing and Secondary Contact // Tenth International Conference on Austronesian Linguistics. 17–20 January 2006. Puerto Princesa City, Palawan, Philippines. – 2006. – P. 1–13. – URL: https://sil-philippines-languages.org/ical/papers/Steinkrueger-The_Puzzling_Case_of_Chabacano.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

References

- Grinina E., Romanova G. “You Reap What You Sow”: Language Policies and Linguistic Situation in Former and Current Spanish Territories. In: *International Trends*. 2019. Vol. 17, N 3. Pp. 66–79. (In Russian)
- Panarina D.S. *The Philippines: From Colonial Period to the Fight for Independence*. In: *Trudy IIAE DVO RAN*. 2024. Vol. 46. Pp. 181–207. (In Russian)
- Raevskaya M.M. *The Spanish Language in the Modern World. The Spanish Language in the Interdisciplinary Paradigm of the 21 st Century: Sociolinguistic, Political, Economic, Legal, Didactic, and Bibliographic Dimensions: A Textbook*. Moscow: LENAND, 2021. 304 p. (In Russian)
- Firsova N.M. *Contemporary Spanish in Spain and Latin America*. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 352 p.
- Tsapina E.A. *Peculiarities of the Influence of the Spanish Language in the Philippine Archipelago*. In: *Russian Political Science*. 2025. N 1 (34). International Relations: History, Politics and Economics. Pp. 88–93. (In Russian)
- Andrijević M. *El viaje y el tornaviaje de la lengua española a Filipinas*. In: *Facta universitatis. Series: Linguistics and Literature*. 2023. Vol. 21, N 2. Pp. 235–258.
- Barrón Soto M.C.E. *Más allá de lo obvio. ¿Por qué se habla español en las Américas y no en Filipinas?* In: *Cuadernos CANELA*. 2025. N 36. Pp. 9–36.

- El español en el mundo 2025. Anuario de Instituto Cervantes* / ed. by L. García Montero, C. Noguero Galilea, Á. García Santa-Cecilia et al. Madrid: Instituto Cervantes, 2025. 573 p.
- Elizalde M.D. *El español en Filipinas*. In: *La influencia económica y comercial de los idiomas de base española*. Madrid: Secretaría General Técnica. Centro de Publicaciones, 2018. Pp. 97–114.
- Fernández M. *Bienandanzas y malandanzas de la lengua española por las islas Filipinas*. In: *Arch-letras Científica*. 2019. Vol. 2. Pp. 177–193.
- Fernández M. *El español en contacto con otras lenguas en Filipinas*. In: *Dialectología hispánica. The Routledge Handbook of Spanish Dialectology* / ed. by F. Moreno-Fernández, R. Caravedo. London; New York: Routledge, 2022. Pp. 422–432.
- Fernández M. *La representación social del español en las islas Filipinas*. In: *Historia política del español. La creación de una lengua* / ed. by J. del Valle. Madrid: Aluvión, 2015. Pp. 425–440.
- Fernández Rodríguez M.A. *Los hablantes de chabacano (criollo hispano-filipino): un manojo de identidades entreveradas*. In: *El español en el mundo 2020. Anuario de Instituto Cervantes* / ed. by L. García Montero, C. Noguero Galilea, M. López-Vega et al. Madrid: Instituto Cervantes, 2020. Pp. 155–179.
- Gallo A. *Coda. Literatura hispanofilipina contemporánea*. In: *Introducción a la literatura hispanofilipina* / coord. por R. Ortuño Casanova, B. Álvarez Tardío, A. Gasquet [et al.]. London: Routledge, 2024. Pp. 383–396.
- Galván Guijo J. *El español en Filipinas*. In: *El español en el mundo 2021. Anuario de Instituto Cervantes* / ed. by L. García Montero, C. Noguero Galilea, C. Pastor Villalba et al. Madrid: Instituto Cervantes, 2021. Pp. 599–611.
- Galván Guijo J. *El español en Filipinas*. In: *Enciclopedia del español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2006–2007* / coord. por J.M. Martínez [et al.]. Madrid: Instituto Cervantes; Círculo de Lectores; Plaza&Janés, 2006. Pp. 163–165.
- Ivushkina T. *Linguistic Diversity in the Philippines*. In: *Linguistics & Polyglot Studies*. 2024. Vol. 10, N 3. Pp. 111–121. (In Russian)
- Lipsky J.M. *Chabacano/Spanish and the Philippine linguistic identity*. 2001. Pp. 1–33. URL: <https://johnlipski.github.io/chabacan.pdf> (accessed: 10.04.2026).
- Lipski J.M. *Chabacano y español: resolviendo las ambigüedades*. In: *Lengua y migración*. 2010. N 2 (1). Pp. 5–41.
- Madrid Álvarez-Piñer C. *El español en Filipinas. Un idioma de Estado*. In: *La influencia económica y comercial de los idiomas de base española*. Madrid: Secretaría General Técnica. Centro de Publicaciones, 2018a. Pp. 115–132.
- Madrid Álvarez-Piñer C. *El idioma chabacano de Filipinas ante los retos del siglo XXI*. In: *La influencia económica y comercial de los idiomas de base española*. Madrid: Secretaría General Técnica. Centro de Publicaciones, 2018b. Pp. 133–138.
- Melchor J.L., Blázquez-Carretero M. *Zamboanga Chavacano: From español de cocina to un poquito español. A Postcolonial Inquiry Into Creole Language Preservation*. In: *Journal of Pidgin and Creole Languages*. 2022. Vol. 37, N 1. Pp. 72–113.
- Molina Martos I. *Aspectos sociolingüísticos del español en el Pacífico: las Islas Filipinas y las Islas Marianas*. In: *Sociolingüística del español*. Biblioteca virtual de Humanidades Liceus, 2006. Pp. 1–25. URL: https://www.researchgate.net/publication/273998468_El_espanol_en_Filipinas_y_en_el_Pacifico_aspectos_sociolingüísticos (accessed: 15.05.2026).

- Quilis A., Casado-Fresnillo C., Quilis-Sanz M.J. *Los filipinismos y otras palabras de Filipinas contenidas en el «Diccionario» de la Academia*. In: *Boletín de la Real Academia Española*. 1997. T. 77, Cuaderno 170. Pp. 7–55.
- Sippola E. *Causatives and Contacts in Chabacano*. In: *Exploring Structures in Languages and Language Contact* / ed. by N. Levkovych, J. Nintemann, M. Vorholt. Berlin: De Gruyter, 2025. Pp. 21–40.
- Steinkrüger P.O. *The Puzzling Case of Chabacano: Creolization, Substrate, Mixing and Secondary Contact*. In: *Tenth International Conference on Austronesian Linguistics. 17–20 January 2006. Puerto Princesa City, Palawan, Philippines*. Pp. 1–13. URL: https://sil-philippines-languages.org/ical/papers/Steinkrueger-The_Puzzling_Case_of_Chabacano.pdf (accessed: 10.04.2026).

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

УДК 81'221 + 81'24

DOI: 10.31249/ling/2026.04.02

Томская М.В.¹

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КРЕАТИВНОСТИ: ИССЛЕДОВАНИЕ СПОНТАННОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Аннотация. В исследовании предпринимается попытка выявить взаимосвязь креативности и эмоций в момент творческого озарения на примере устной спонтанной речи, что соответствует актуальному подходу к изучению коммуникации с полимодальной точки зрения. Материалом исследования послужили видеозаписи устных бесед молодых людей, рефлексирующих о своем творчестве. В качестве основных методов исследования применялись метод интервьюирования для реставрации событий, количественный и качественный методы, в том числе метод дискурсивного анализа вербальных эмоциональных проявлений. Анализ показал, что в момент творческого озарения выражаются чаще всего интенсивные положительные эмоции. Синхронизация вербального и невербального проявления эмоций в устной речи свидетельствует об интенсификации эмоционального состояния.

Ключевые слова: креативность; эмоции; устная спонтанная речь; вербальные проявления эмоций; невербальные проявления эмоций.

¹ © Томская М.В., 2026

Томская Мария Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. лабораторией гендерных исследований Центра СКоДис; доцент кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет; maria.tomskaya@mail.ru

Благодарности: Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования по проекту «Креативность в повседневной коммуникации: анализ устной речи с учетом полимодальности» (№ 125031904195–0).

Для цитирования: Томская М.В. Эмоциональный аспект креативности: исследование спонтанной устной речи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 4. – С. 27–39. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.02

Поступила в редакцию: 23.05.2026.

Принята в печать: 30.07.2026.

Tomskaya M.V.*

EMOTIONAL ASPECT OF CREATIVITY: A CASE STUDY OF SPONTANEOUS SPOKEN DISCOURSE

Abstract. This study identifies a strong link between creativity and emotions during moments of creative inspiration using spontaneous spoken speech as an example, consistent with a current approach to studying communication from a multimodal perspective. The primary research methods employed were interviews to reconstruct the events, quantitative and qualitative methods, including a discourse analysis of verbal emotional expressions. The analysis of video-recorded conversations of young people reveals that verbal and nonverbal emotional expressions synchronize to show heightened emotional states. The research highlights the multimodal nature of emotional expression at the moment of creative inspiration.

Keywords: creativity; emotions; spontaneous spoken speech; verbal emotional expressions; nonverbal emotional expressions.

Acknowledgments: The research is carried out at the MSLU within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, project “Creativity in everyday communication: a multimodality analysis of oral speech taking”, 125031904195–0.

* Tomskaya Maria Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Gender Laboratory of the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies; Assistant Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; maria.tomskaya@mail.ru

For citation: Tomskaya M.V. Emotional Aspect of Creativity: A Case Study of Spontaneous Spoken Discourse // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 4. – P. 27–39. DOI: 10.31249/ling/2026.04.02

Received: 23.05.2026.

Accepted: 30.07.2026.

Введение

Проблематика творчества и креативности занимала с давних пор исследователей, всплеск интереса наблюдался в XX в. с появлением новых экспериментальных данных. Подтверждением тому являются многочисленные труды, прежде всего по психологии, в которых исследователи предлагают свое видение креативности (см. работы Дж. Гилфорда, С.Л. Рубинштейна, Е.П. Торренса, С. Медника, Е.Е. Туник, М.А. Холодной, Е.П. Ильина и др.).

Существуют десятки, если не сотни, дефиниций креативности, но чаще всего она понимается в широком смысле как способность к творчеству. Креативность (от лат. *Creatio* – «созидание») – это «способность человека порождать необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем мышления» [Ильин, 2009, с. 157].

Несмотря на обилие материала для изучения креативности, а также на наличие обширной теоретической базы исследования, ученые все же отмечают, что «единой и стройной теории креативности до сих пор не существует, как и не существует одинакового ее определения и всеми признанных методик, диагностирующих данную способность» [там же]. В том числе нет однозначных данных о взаимосвязи креативности и эмоций, хотя исследователи подчеркивают, что эмоции являются одним из важных аспектов креативности [Психология креативности, 2019]. О связи эмоций с креативностью написано достаточно работ, в частности, Л.С. Выготский, говоря о развитии детского воображения и творчества, пояснял, что «чувство, как и мысль, движет творчеством человека» [Выготский, 1991, с. 16]. Эмоциональную составляющую творческого мышления и креативности подчеркивали и создатели уникальных тестов для определения креативности человека Е.П. Торренс и С. Медник [Mednick, 1962; Torrance, 1974].

Существенным для нашего исследования является также представление Н.А. Бердяева о том, что в творчестве важен не сам

результат, а кульминация творческого процесса – творческое озарение [Бердяев, 2025]. Некоторые авторы рассматривают его как центральный момент креативного процесса, как инсайт, или внезапное понимание того, как можно решить задачу [Davidson, 1988; Gruber, Devis, 1988], и это озарение, длящееся буквально несколько секунд, сопровождается всплеском эмоций – радостью, восторгом, счастьем открытия и проч.

Говоря о взаимосвязи творческого процесса, креативности и эмоций, нельзя не остановиться на таком понятии, как «интеллектуальные эмоции (или чувства)», под которыми понимают «специфические переживания, возникающие у человека в процессе творческой мыслительной деятельности» [Ильин, 2009, с. 107]. Ключевым в данном определении представляется отсылка к творческой мыслительной деятельности. Что касается непосредственно эмоций, то у авторов нет единодушия в вопросе, что же относится к интеллектуальным эмоциям (чувствам). Уже пару веков назад ученые умы пытались составить их перечень – от удивления до сомнения, однако до сих пор нет ясности, как разграничивать их и сходные эмоции, возникающие в повседневной жизни. Тем не менее к интеллектуальным эмоциям на основании их связи с мыслительной деятельностью часто относят удивление, чувство догадки, интерес, уверенность, сомнение. Отдельные авторы предлагают обозначать так называемые интеллектуальные эмоции аффективно-когнитивными комплексами как результат взаимодействия эмоционального реагирования и процесса познания [Изард, 2009].

Плодотворной также представляется идея об эмоциях как продукте творческой активности, которая развивается в концепции эмоционального синдрома Дж. Эверилла, предложившего понятие «эмоциональная креативность» как способность переживать и выражать новые оригинальные эмоции [Averill, Thomas-Knowles, 1991; Averill, 2005].

Таким образом, многочисленные психологические работы свидетельствуют о наличии связи между креативностью и эмоциями, несмотря на разнообразие ее трактовок, тогда как в лингвистическом аспекте данная проблематика освещалась лишь фрагментарно (см.: [Томская, 2025]). Таким образом, исследование взаимосвязи креативности и эмоций в устном дискурсе весьма актуально.

В рамках научного проекта «Креативность в повседневной коммуникации: анализ устной речи с учетом полимодальности» группа исследователей МГЛУ занимается изучением креативности

с полимодальной точки зрения с применением экспериментальных методов. В настоящей работе предпринимается попытка проанализировать один из аспектов креативности, связанный с ее эмоциональной составляющей, при этом эмоции и их проявление в устной речи рассматриваются в момент кульминации творческой деятельности.

Мы предположили, что испытуемые, даже вспоминая уже пережитый эмоциональный всплеск, могут проявлять яркие положительные эмоции, не только вербально, но и невербально.

Результаты анализа

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили 20 видеозаписей устных интервью молодых людей в возрасте 18–24 лет, по десять девушек и юношей, в подавляющем большинстве студентов-гуманитариев.

Процедура исследования предполагала проведение нескольких этапов.

На подготовительном этапе формировались стимульные вопросы для участников эксперимента, вопросы составлялись так, чтобы ответы и рассуждения испытуемых были спонтанными и развернутыми.

На этапе сбора материала применялся метод интервьюирования для реставрации событий, запись устной речи проводилась в привычных для испытуемых условиях. В интервью молодым людям предлагалось порассуждать о творчестве, креативности, о своих творческих достижениях. Всех молодых людей можно назвать творческими личностями – многие из них (12 из 20) занимаются музыкой, например, ее сочинением или написанием текстов песен. В данном эксперименте предполагалось, что большинство участников относятся скорее к «непроизвольным» творческим личностям (по К.Г. Юнгу). В свое время К.Г. Юнг предложил выделять два типа творческих личностей – «непроизвольных» творцов, к которым вдохновение приходит неожиданно, спонтанно, непроизвольно (А.С. Пушкин, А.Н. Толстой и др.), и «произвольных» креативов, которые работают постоянно, не упоая на вдохновение (М.Ю. Лермонтов, П.И. Чайковский и др.) [Ильин, 2009, с. 119]. Предварительно все испытуемые прошли психологические тесты на креативность для определения ее уровня.

Следующий этап включал предобработку, разметку, обработку данных. На этапе предобработки полученных записей осуществлялось автоматическое распознавание и сегментация речи на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ) с учетом двух критериев: синтаксического и просодического. Этап разметки включал аннотирование вербальных единиц в форме ЭДЕ и невербальных психомоторных реакций в виде жестов в программе ELAN. Далее исследование устной речи проводилось с применением количественного и качественных методов, в том числе использовался помимо прочего метод дискурсивного анализа вербального проявления эмоций. Жестовые реакции анализировались в соответствии с классификацией жестов Мюллер-Ченки: репрезентирующие, прагматические, (само)адаптеры, дейктические, биты [Cienki, 2013].

Анализ вербальных единиц

Вслед за Н.А. Бердяевым мы акцентируем внимание на кульминации творческого процесса – на состоянии творческого озарения.

В настоящей работе исследованию подвергались спонтанные ответы испытуемых на вопрос об эмоциях, которые они переживали в момент творческого озарения.

Чаще всего в ответах испытуемых фигурировали так называемые *интеллектуальные* эмоции, или аффективно-когнитивные комплексы, как *удивление*; *вдохновение*; *экстаз*, в который переходит вдохновение при озарении, открытии; *удовлетворение*; *восхищение*, *восторг* как высшее удовлетворение; *воодушевленность*, связанная с приливом сил в результате достижения, как правило, трудновыполнимой цели.

Достижение цели как успешное завершение творческого процесса сопровождается, по словам испытуемых, всплеском положительных *аффективных* эмоций: *удовольствием*, *счастьем*, *катарсисом*, *любовью* и проч. Часто они не обозначаются конкретно, но передаются вербально такими формулировками, которые выражают высшую степень позитивного эмоционального состояния: *всплеск эмоций*, *взрыв эмоций*, *лучшее ощущение в жизни*, *незабываемые эмоции*, *культурный шок*, *наполнение*.

Наш анализ подтвердил, что творческий акт часто сопровождается *стеническими* эмоциями, вызывающими возбуждение и мобилизующими человека на действия. К ним могут относиться как положительные, так и отрицательные эмоции. В нашем экспе-

рименте испытуемые чаще всего ощущали позитивный эмоциональный настрой, который вербально выражался в следующих репликах – *эмоциональный движок внутри себя, предвкушение чего-то масштабного, рвение, адреналин, стремление что-то создать, желание творить, желание жить, ... такое чувство, что я прямо могу это сделать, я хочу это сделать* и др.

Испытуемые описывали свое эмоциональное состояние в момент творческого озарения как некое «открытие», «ага»-переживание в виде **восклицаний** – *Ничё себе! Вот, это да!* В вербальном аспекте это «открытие» выражается, как правило, при помощи своеобразной **гиперболизации**: *... ты чувствуешь, что ты такой гений, ... я прямо я возвожу китайскую стену что ли; самопохвалы и ликования* – *Вот, это я крутая, конечно! Молодец! Не теряю время зря!* и проч.

В творческой деятельности, по мнению психологов, могут проявляться и негативные эмоции, среди которых выделяют так называемые **фрустрационные** эмоции – разочарование, досаду, отчаяние и др.

На нашем материале выявлено два случая, в которых испытуемые оценивали свое эмоциональное состояние в момент творческого озарения как негативное. В первом случае это было *сожаление* об упущенных возможностях, о том, что озарение не случилось раньше, в то время, когда в этом была потребность. В этом эпизоде сожаление можно рассматривать как своего рода досаду. Во втором случае респондент описывает комплекс негативных эмоций, имплицитно указывая также определенное сомнение: *...печаль все-таки, || какое-то опустошение эмоциональное || и, наверное, даже какую-то прям сильную-сильную грусть*, связанные скорее с сильным эмоциональным напряжением, сопровождавшим достижение цели, что даже озарение не приносит положительных эмоций. Отметим использование маркеров неопределенности (*какое-то опустошение, какую-то ... грусть, наверное*), интенсификатора в виде редупликации (*прям сильную-сильную грусть*). Из контекста следует, что в обоих случаях негативность эмоций связана с предшествующим опытом испытуемых.

Исследование показало, что испытуемые в момент творческого озарения переживают, как правило, сильные положительные эмоциональные реакции на кульминацию креативного процесса, выражаемые при помощи различного рода вербальных единиц нередко с функцией амплификации.

Анализ невербальных реакций

Эмоции *удовлетворения, восхищения, восторга* и др. находят проявление в том числе в различных психомоторных реакциях (мимике, позе, жестах и т.п.). Рефлексируя и вспоминая свои переживания в момент творческого озарения, испытываемые вновь ощущали несколько ослабленный, но все-таки примерно тот же спектр эмоций, что нашло отражение в их невербальном поведении.

Говорящие обычно не осознают движения своего тела, сопровождающие их спонтанную речь, и часто бывает трудно определить, был ли жест сделан с намерением выделить что-то. Даже в случае с жестами, которые по своей природе являются выразительными, исследователи могут столкнуться с некоторыми трудностями из-за их многофункциональной природы [Cienki, 2021].

Мы исходим из того, что жесты чувствительны как к общему контексту коммуникации, так и к изменениям различных аспектов коммуникативной ситуации, в том числе когнитивных и эмоциональных состояний, локальных намерений говорящих и т.д. Отсюда вытекает, что в значимые моменты коммуникации жестикуляция может стать более заметной, т.е. выделенной на фоне общего стиля жестикуляции отдельно взятого испытуемого. Жесты при этом обозначаются как «салиентные» [Silent, but salient: gestures in simultaneous interpreting, 2023]. Однако салиентность как характеристика жеста может подвергаться сомнению, поскольку вероятен автоматический перенос качества выделенности со значимых вербальных единиц на синхронизированные с ними жесты. Кроме того, как показали исследования, жесты представляют собой крайне изменчивые невербальные единицы, отражающие индивидуальные жестовые стили (или профили) говорящих, т.е. жест, заметный у одного человека, может быть малозаметным у другого [Iriskhanova, Cienki, 2018]. Тем самым, салиентность следует рассматривать как относительную характеристику и анализировать с учетом общего жестового стиля говорящего. Чтобы с большей долей вероятности определить салиентные жесты, было предложено выделить основные параметры салиентности, такие как видимое напряжение жеста, сложность его траектории, длина в пространстве и длительность во времени. Если как минимум один параметр однозначно имеется в наличии, то жест может рассматриваться как салиентный [Silent, but salient: gestures in simultaneous interpreting, 2023].

Также важным для нашего исследования представляется утверждение А. Ченки и И. Миттельберг о креативности жестов: о том, что спонтанные жесты не будут являться креативными, если они «низкодинамичны, <...> если они используют ограниченное пространство...» [Cienki, Mittelberg, 2013, p. 240]. Это в целом согласуется с параметрами салиентности и подтверждает тезис о том, что креативные жесты чаще всего обладают качеством салиентности. Тем самым, ученые рассматривают креативность и салиентность как противоположность некреативности и невыделенности, указывая на то, что функционально креативные (одновременно салиентные) жесты служат для развития идеи, ее синтеза и комментирования отношения говорящего к объекту.

Количественный и качественный анализ интервью, полученных от испытуемых, показал, что в целом невыразительные жесты превосходят выразительные. Однако в подавляющем большинстве случаев жесты, синхронизированные с названием или описанием эмоционального состояния в момент творческого озарения, можно обозначить как салиентные. Жесты, выполненные испытуемыми в этот момент, демонстрируют основные параметры салиентности – заметное напряжение, сложность траектории, длину в пространстве и длительность во времени. Более того, при анализе было выявлено, что салиентность жеста является одним из маркеров эмоционального всплеска.

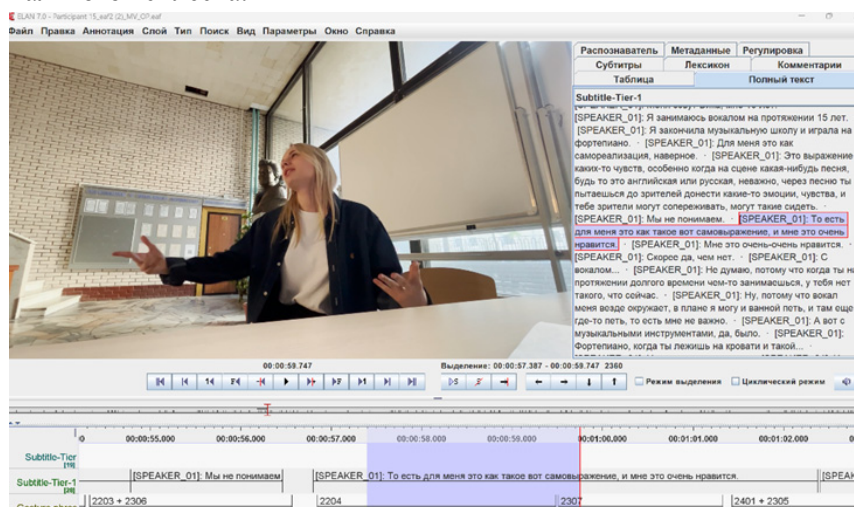

Рис. 1. «То есть для меня это как такое вот самовыражение...» – репрезентирующий жест олицетворения

Анализ функциональной характеристики жестов продемонстрировал частотность синхронизации вербального описания эмоциональных состояний в момент творческого озарения с прагматическими или репрезентирующими жестами, которые усиливали вербальную манифестацию эмоций (рис. 1).

В некоторых случаях репрезентирующая и прагматическая функции совмещались в одном жесте, однако, как показал анализ, репрезентирующая функция салиентного жеста уступает место его прагматической функции (рис. 2). Салиентные жесты чаще всего выполняют прагматическую функцию обращения к собеседнику, выражения отношения или подчеркивания какого-либо момента.

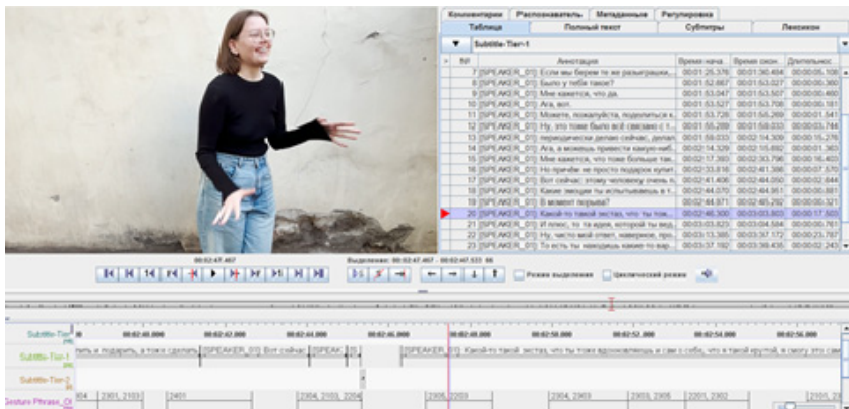

Рис. 2. «Какой-то такой экстаз...» – прагматический жест выражения отношения / оценки и репрезентирующий жест олицетворения

Анализ невербальных реакций также подтверждает предположение, что даже воспоминание о пережитом творческом озарении может вызывать заметную вербальную и невербальную реакцию.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало, что творческий процесс предполагает определенную кульминацию в виде творческого озарения, которое неразрывно связано с интенсивным проявлением эмоций творческой личностью. Речь идет о комплексе разнообразных эмоций, как правило, положительных, которые

охватывают помимо интеллектуальных, аффективные и стенические эмоции.

В результате анализа вербально-жестового поведения испытуемых при описании пережитого ими творческого озарения было обнаружено, что респонденты выражают свои эмоции не только в вербальной, но и в невербальной форме. В случае синхронизации вербального и невербального проявления эмоций в устной речи можно говорить об интенсификации эмоционального состояния – как вербальные, так и невербальные реакции достигают своих пиковых значений, проявляющихся в гиперболизации и амплификации вербальных единиц и в салиентности невербальных. Таким образом, наше предположение о том, что молодые люди, вспоминая пережитое творческое озарение, могут демонстрировать интенсивные положительные эмоции, выражаемые как вербально, так и невербально, в целом подтвердилась.

Творческое озарение как кульминация креативного процесса – это результат не только когнитивных, но и эмоциональных усилий, приобретающих как яркое языковое, так и выраженное телесное воплощение. В перспективе целесообразна проверка данных выводов на более обширном материале с учетом возрастных, гендерных и иных социальных параметров.

Список литературы

- Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – Москва : Юрайт, 2025. – 256 с.
- Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк: кн. для учителя. – 3-е изд. – Москва : Просвещение, 1991. – 93 с.
- Изард К.* Психология эмоций / пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаевой. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 460 с.
- Ильин Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 448 с.
- Психология креативности* / Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф. / пер. с франц. Д. Люсина. – Москва : Когито-Центр, 2019. – 215 с.
- Томская М.В.* Взаимодействие креативности и эмоций в устном спонтанном дискурсе: полимодальный аспект // Когнитивные исследования языка / гл. ред. вып. О.К. Ирисханова. – Тамбов, 2025. – Вып. 3 (64). – С. 292–297.
- Averill J.R., Thomas-Knowles C.* Emotional Creativity // *International Review of Studies on Emotion*: in 2 vol. / ed. by K.T. Strongman. – London : John Wiley & Sons, 1991. – Vol. 1. – P. 269–299.
- Averill J.R.* Emotions as Mediators and as Products of Creative Activity // *Creativity across Domains: Face of Muse* / ed. by J. Kaufman, J. Baer. – New York : Erlbaum, 2005. – P. 225–243.

- Cienki A. Cognitive Linguistics: Spoken Language and Gesture as Expressions of Conceptualization // *Body – Language – Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction* / ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2013. – Vol. 1. – P. 182–201.
- Cienki A. From the Finger Lift to the Palm-up Open Hand When Presenting a Point: A Methodological Exploration of Forms and Functions // *Languages and Modalities*. – 2021. – № 1 (1). – P. 17–30. DOI:10.3897/lamo. 1.68914
- Cienki A., Mittelberg I. Creativity in the Forms and Functions of Spontaneous Gesture with Speech // *The Agile Mind: a Multidisciplinary Study of a Multifaceted Phenomenon* / ed. by T. Veale, K. Feyaerts, C. Forceville. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2013. – P. 231–252.
- Davidson J. The Role of Insight in Giftedness // *The Nature of Creativity* / ed. by R. Sternberg, T. Tardif. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – P. 201–222.
- Gruber H., Davis S. Inching Our Way up Mount Olympus: the Evolving-Systems Approach to Creative Thinking // *The Nature of Creativity* / ed by R. Sternberg, T. Tardif. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – P. 243–270.
- Iriskhanova O.K., Cienki A. The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contributions and Challenges // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2018. – N 4. – P. 25–36. DOI:10.20916/1812–3228–2018–4–25–36
- Mednick S.A. The associative basis of the creative process // *Psychological Review*. – 1962. – N 69 (3). – P. 220–232. DOI:10.1037/h0048850
- Silent, but Salient: Gestures in Simultaneous Interpreting* / Iriskhanova O.K., Cienki A., Tomskaya M.V., Nikolayeva A.I. // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. – 2023. – T. 9, N 1. – P. 99–114. DOI:10.18413/2313–8912–2023–9–1–0–7
- Torrance E.P. Torrance Tests of Creative Thinking. – Lexington : Personnel Press, 1974. – 162 p.

References

- Berdyayev N.A. *The Meaning of Creativity. An Experience of Human Justification*. Moscow : Yurait, 2025. 256 p. (In Russian)
- Vygotsky L.S. *Imagination and Creativity in Childhood: Psychological essay*. 3 rd ed. Moscow : Prosveshhenie, 1991. 93 p. (In Russian)
- Izard C.E. *The Psychology of Emotions*. Sankt-Petersburg : Piter, 2009. 460 p. (In Russian)
- Ilyin E.P. *Psychology of Creative, Creativity, Giftedness*. Sankt-Petersburg : Piter, 2009. 448 p. (In Russian)
- Psychology of Creativity* / Lubart T., Mouchiroud C., Tordjam S., Zenasni F. / transl. from French by D. Ljusin. Moscow : Kogito-Center, 2019. 215 p. (In Russian)
- Tomskaya M.V. *Relationship between Creativity and Emotions in Oral Spontaneous Discourse: a Multimodal Aspect*. In: *Cognitive Studies of Language*. 2025. Issue3 (64). Pp. 292–297. (In Russian)

**Эмоциональный аспект креативности:
исследование спонтанной устной речи**

- Averill J.R., Thomas-Knowles C. *Emotional Creativity*. In: *International Review of Studies on Emotion*: in 2 vol. / ed. K.T. Strongman. London : John Wiley & Sons, 1991. Vol. 1. Pp. 269–299.
- Averill J.R. *Emotions as Mediators and as Products of Creative Activity*. In: *Creativity Across Domains: Face of Muse* / ed. J. Kaufman, J. Baer. – New York : Erlbaum, 2005. Pp. 225–243.
- Cienki A. *Cognitive Linguistics: Spoken Language and Gesture as Expressions of Conceptualization*. In: *Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction* / ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. Berlin : Mouton de Gruyter, 2013. Vol. 1. Pp. 182–201.
- Cienki A. *From the Finger Lift to the Palm-up Open Hand When Presenting a Point: A Methodological Exploration of Forms and Functions*. In: *Languages and Modalities*. 2021. 1 (1). Pp. 17–30. DOI:10.3897/lamo. 1.68914
- Cienki A., Mittelberg I. *Creativity in the Forms and Functions of Spontaneous Gesture with Speech*. In: *The Agile Mind: A Multidisciplinary Study of a Multifaceted Phenomenon* / ed. by T. Veale, K. Feyaerts, C. Forceville. Berlin : Mouton de Gruyter, 2013. Pp. 231–252.
- Davidson J. *The Role of Insight in Giftedness*. In: *The Nature of Creativity* / ed. by R. Sternberg, T. Tardif. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. Pp. 201–222.
- Gruber H., Devis S. *Inching Our Way up Mount Olympus: the Evolving-Systems Approach to Creative Thinking*. In: *The Nature of Creativity* / ed. by R. Sternberg, T. Tardif. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. Pp. 243–270.
- Iriskhanova O.K., Cienki A. *The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contributions and Challenges*. In: *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018. Vol. 4. Pp. 25–36. DOI:10.20916/1812–3228–2018–4–25–36
- Mednick S.A. *The Associative Basis of the Creative Process*. In: *Psychological Review*. 1962. 69 (3). Pp. 220–232. DOI:10.1037/h0048850
- Silent, but salient: gestures in simultaneous interpreting* / Iriskhanova O.K., Cienki A., Tomskaya M.V., Nikolayeva A.I. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2023. Vol. 9. 1. Pp. 99–114. DOI: 10.18413/2313–8912–2023–9–1–0–7
- Torrance E.P. *Torrance Tests of Creative Thinking*. Lexington : Personnel Press, 1974. 162 p.

УДК: 81`27

DOI: 10.31249/ling/2026.04.03

Раренко М.Б.¹

ЯЗЫКОВЫЕ ИНДИКАТОРЫ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ

Аннотация. Дискурс социальной гармонии реализуется посредством вербальной и невербальной форм коммуникации, включающих различные языковые средства, которые, в зависимости от жанра, могут комбинироваться в разных сочетаниях. Языковые индикаторы дискурса социальной гармонии представляют собой специфические элементы языка (слова, фразы, структуры), способствующие созданию, поддержанию и укреплению отношений, основанных на доверии, взаимопонимании и сотрудничестве в процессе коммуникации и работающие на нескольких уровнях взаимодействия. Также в статье рассматриваются условия, обеспечивающие максимальную эффективность языковых индикаторов дискурса социальной гармонии.

Ключевые слова: дискурс социальной гармонии; коммуникация; социальная коммуникация; позитивная коммуникация; речевые практики; языковые индикаторы.

Для цитирования: Раренко М.Б. Языковые индикаторы дискурса социальной гармонии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 4. – С. 40–53. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.03

Поступила в редакцию: 09.06.2026.

Принята в печать: 30.07.2026.

¹ Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; garenco@rambler.ru

Rarenko M.B.*

LANGUAGE INDICATORS OF THE DISCOURSE OF SOCIAL HARMONY

Abstract. The discourse of social harmony is realized through verbal and non-verbal forms of communication, including various language means, which, depending on the genre, can be presented in different combinations. Language indicators of the discourse of social harmony are specific elements of language (words, phrases, structures) that contribute to the creation, maintenance and strengthening of relationships based on trust, mutual understanding and cooperation in the communication process and work at several levels of interaction. The article also discusses the conditions that ensure the maximum effectiveness of language indicators of the discourse of social harmony.

Keywords: discourse of social harmony; communication; social communication; positive communication; speech practices; language indicators.

For citation: Rarenko M.B. Language Indicators of the Discourse of Social Harmony // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. 2026. N 4. Pp. 40–53. DOI: 10.31249/ling/2026.04.03

Received: 09.06.2026.

Accepted: 30.07.2026.

Введение. Дискурс социальной гармонии

Для стабилизации социальных отношений в обществе большое значение имеют речевые практики, направленные на гуманизацию атмосферы. Их адресатами являются социальные группы, положение которых в обществе нередко близко к социальной изоляции: граждане страны, имеющие серьезные проблемы со здоровьем, мешающие им активно участвовать в социальной жизни общества (например, инвалиды по слуху и зрению); пожилые и несовершеннолетние; одинокие родители, а также мигранты, вынужденные покинуть прежние места проживания в силу разных причин – политических, экономических, культурно-социальных и пр.

* Rarenko Maria Borisovna – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; rarenco@rambler.ru

Все они нуждаются в более толерантном отношении к себе. Цель гуманизации видится в том, чтобы создать условия для гармоничного развития как отдельной личности, так и общества в целом. Процессы общественной гуманизации нуждаются в поддержке социальных институтов и целенаправленном формировании дискурса социальной гармонии.

Поле, в рамках которого появляются новые речевые практики, мы предлагаем обозначить как дискурс социальной гармонии в противовес агрессивному дискурсу, который также стремительно развивается, становясь реакцией людей на внутреннюю неудовлетворенность происходящими в обществе процессами (в том числе и на межличностном уровне) [Шмелева, 2015]. В основе дискурса социальной гармонии лежат следующие базовые концепты: уважение, любовь, забота, терпимость, внимание, безопасность, надежность, добро, сочувствие, сострадание, дружба, понимание, эмпатия, ответственность, справедливость, равенство, благо, верность и пр.

Таким образом, под дискурсом социальной гармонии мы понимаем такие принятые в обществе речевые практики, благодаря которым разные социальные группы, имеющие отличные и присущие только данным группам признаки, могут мирно сосуществовать, при этом интересы каждого сообщества будут сохраняться (более подробно см.: [Раренко, 2022]).

Исследование дискурса социальной гармонии в настоящее время приобретает особую значимость в связи с возрастанием негативных настроений в обществе, усилением вербальной агрессии и, как следствие, деструктивной коммуникации в межличностном и групповом общении, как в приватном дискурсе, так и в публичном, в социальных сетях, средствах массовой информации. В отличие от деструктивного общения, позитивная коммуникация¹, реализующаяся в дискурсе социальной гармонии, требует от участников знаний, умений и навыков общения.

Функциональные возможности языковых индикаторов дискурса социальной коммуникации

Дискурс социальной гармонии реализуется посредством вербальной и невербальной форм коммуникации, включающих

¹ Термин используется в работах О.А. Леонтович (более подробно см.: [Леонтович, 2015]).

различные языковые средства, которые, в зависимости от жанра, могут комбинироваться в разных сочетаниях. Языковые индикаторы дискурса социальной гармонии представляют собой специфические элементы языка (слова, фразы, структуры), которые способствуют созданию, поддержанию и укреплению отношений, основанных на доверии, взаимопонимании и сотрудничестве в процессе коммуникации [Brown, Levinson, 1978; Brown, Levinson, 1987; Politeness in East Asia, 2011; Lakoff, 1973a; Lakoff, 1973b; Martin, 2004]. Эти индикаторы работают на нескольких уровнях взаимодействия и имеют ряд функциональных возможностей. Рассмотрим, как именно они действуют.

Языковые индикаторы дискурса социальной гармонии, к которым следует отнести прежде всего позитивные выражения и доброжелательные формулировки (в противовес провоцирующим речевую агрессию), непосредственно участвуют в создании позитивной атмосферы общения, которая способствует положительному взаимодействию коммуникантов, выражающих, в том числе и противоположные взгляды. Дружелюбный и уважительный тон общения, демонстрирующий готовность выслушать противоположную точку зрения, представляется особенно важным при возникновении и последующем разрешении сложных или конфликтных ситуаций.

Языковые индикаторы дискурса социальной гармонии способствуют установлению взаимопонимания между участниками коммуникативной ситуации. Языковые индикаторы необходимы коммуникантам для выражения и подтверждения по отношению друг к другу эмпатии и сочувствия, а также готовности оказать необходимую помощь в сложной ситуации. Так, используя эмпатические языковые индикаторы, коммуниканты подтверждают свою готовность уважать чувства других. Такое речевое поведение способствует созданию, развитию и закреплению доверительных отношений между ними.

Используя языковые индикаторы, коммуниканты побуждают друг друга вести конструктивный диалог, способствующий мирному разрешению возникающих конфликтов и поиску компромиссов; также благодаря языковым индикаторам коммуниканты выражают свои мысли и чувства, не прибегая к агрессии или осуждению собеседников. В качестве примеров приведем следующие: *«Давай обсудим это спокойно, я готов тебя выслушать»*, *«Мне важно понять твою позицию. Расскажи, как ты видишь эту ситуацию»*, *«Я чувствую, что ты чем-то недоволен.*

Поделиться? Нам будет легче, если мы все проговорим», «Не уходи от разговора, давай попробуем разобраться вместе», «Я хочу услышать именно твое мнение, даже если оно отличается от моего», «Давай отойдем от эмоций и посмотрим на факты» и пр.

Использование особых языковых индикаторов в дискурсе социальной гармонии ведет к формированию коллективной идентичности. В качестве примера можно привести индикаторы, способствующие формированию ощущения инклюзии: *«Мы все заинтересованы в том, чтобы наш город был безопасным», «Только сообща мы сможем справиться с вызовами, стоящими перед нашей компанией», «Эти изменения касаются нас всех без исключения» «Мы уважаем мнение каждого участника конференции независимо от возраста, пола или стажа»* и пр. Создание у коммуникантов ощущения общего «мы» представляется особенно важным для формирования социальной гармонии и сплоченности.

Языковые индикаторы дискурса социальной гармонии оказываются также востребованными, если возникает необходимость поддержать вербальное взаимодействие: *«(в ответ на монолог партнера) “М-м-м”, “Да-да”, “Ясно”», «– Вчера я опоздал на поезд. – Неужели?», « – Мы обсудили бюджет, но... – И что дальше?», «– Это сложная история... – Я тебя внимательно слушаю, продолжай», « – Я просто в бешенстве от этого отчета! – Тебя беспокоит, что в нем нет точных цифр?»* и пр.

Отметим, что использование языковых индикаторов дискурса социальной гармонии имеет своей целью создать позитивную атмосферу для общения. Позитивная атмосфера представляется нам необходимым условием успешной коммуникации, лежит в основе общего понимания и выражается в проявлении эмпатии к собеседнику. Использование языковых индикаторов дискурса социальной гармонии участниками коммуникативной ситуации способствует конструктивному диалогу, укрепляет социальные связи. Эффективное применение языковых индикаторов дискурса социальной гармонии способствует не только лучшему пониманию между членами общества, но и поиску общих решений в конфликтных ситуациях.

Типология языковых индикаторов дискурса социальной гармонии

Особое место среди индикаторов дискурса социальной гармонии занимает так называемая *«позитивная» лексика*, т.е. исполь-

зование слов, которые подчеркивают положительные эмоции говорящего и акцентируют совместные достижения коммуникантов.

Использование позитивной лексики в дискурсе социальной гармонии играет ключевую роль в создании атмосферы доверия, взаимопонимания и сотрудничества. Позитивная лексика включает в себя слова и выражения, которые вызывают у коммуникантов положительные эмоции, подчеркивают их возможности, оказывают поддержку и подразумевают общее благо (*«Мне искренне приятно видеть такое количество заинтересованных лиц в этом зале», «Замечательно, что мы нашли время обсудить это в такой спокойной атмосфере», «У нас сегодня очень душевный разговор получился», «Давайте начнем нашу встречу с улыбки – это уже половина успеха»*).

Использование позитивной лексики направлено, в первую очередь, на создание позитивного имиджа как самого говорящего, так и других участников диалога. Использование коммуникантами позитивной лексики способствует установлению доверительных отношений, мотивирует на дальнейшее взаимодействие. Фразы, в которых участники коммуникации выражают поддержку и признание, не только подчеркивают значимость их усилий, но и во многом способствуют формированию командного духа, чувства принадлежности и общей цели.

Таким образом, использование позитивной лексики в дискурсе социальной гармонии является действенным инструментом, служащим для установления и поддержания продолжительных конструктивных отношений не только на уровне индивидуального общения, но и в группах.

Важное место в дискурсе социальной гармонии уделяется использованию уникальных обращений, под которыми мы понимаем такие формы обращения друг к другу, которые призваны подчеркнуть индивидуальность собеседника и ценность его как личности для другого (*«Иван Иванович», «дружочек», «дорогие коллеги»* и пр.). В результате использования уникальных обращений между участниками коммуникации создается особая атмосфера доверия. Использование таких обращений направлено на повышение вовлеченности коммуникантов в диалог, снижение барьеров между отдельными участниками и группами общения, укрепление чувства принадлежности к коллективу и взаимного уважения, на адаптацию коммуникации под культурный контекст. В процессе использования прямых форм обращения за счет уважительного и персонального подхода между коммуникантами создается кон-

текст социального согласия: формируется высокая степень доверия, снижается поляризация, поддерживается прагматика сотрудничества, в то время как феномен «универсального нейтралитета», напротив, может восприниматься как отчуждение.

Подытоживая, отметим, что стратегия уникальных обращений представляет собой целенаправленную практику обращения к аудитории через идентифицирующие ее характеристики, роли и контекстуально значимые признаки. Благодаря этой стратегии поддерживается субъектность аудитории и усиливается восприятие коммуникации как ориентированной на реальных участников процесса. В рамках дискурса социальной гармонии, ограничивая число участников при непосредственном назывании целевой аудитории («*уважаемые участники конференции*», «*дорогие коллеги*», «*уважаемые эксперты*», «*дорогие гости*» и пр.), обращающиеся вправе рассчитывать на то, что вовлеченность в процесс взаимодействия среди участников коммуникативной ситуации повышается, барьеры взаимодействия между отдельными коммуникантами и различными группами снижаются, а чувство принадлежности к сообществу укрепляется. Таким образом, использование уникальных обращений заключается в создании пространства доверия, где отдельные индивиды и различные группы чувствуют себя услышанными, желанными и уважаемыми. Персонализированные формулировки снижают когнитивные иллюзии об отсутствии сочувствия со стороны инициаторов, усиливают приверженность к совместным целям и облегчают поиск компромиссных решений в конфликтных контекстах.

Заслуживает внимания использование глаголов, выражающих совместные действия и усилия и призывающих к ним (например, «*мы можем*», «*давайте сделаем*», «*объединим усилия*»). Использование таких глаголов в дискурсе социальной гармонии направлено на побуждение участников коммуникации к совместным действиям ради общей цели – взаимодействовать, координировать, синхронизировать и объединять усилия. Этическая и коммуникативная функция фраз заключается в создании доверительных отношений и открытости, что проявляется в умении коммуникантов слушать и слышать друг друга, вести открытый диалог, учитывать интересы разных групп, а также в снижении напряжения и предубеждения между участниками диалога. Следует отметить и социально-целевые роли языковых индикаторов дискурса (т.е. цели гармонизации), которые формируют принципы инклюзивности и участие всех коммуникантов, закрепляют в группе нормы спра-

ведливости и равенство. Посредством использования глаголов совместного действия подчеркивается роль коллектива и партнерства.

Использование инклюзивного местоимения «мы» и его форм «(у) нас», «нам», «нами», подкрепленное позитивными выражениями, создает ощущение единства, что укрепляет социальные связи и способствует развитию общей идентичности. Демонстрируя эмпатию, понимание и вовлеченность в общий процесс, коммуниканты повышают качество общения между отдельными индивидуумами и в группе.

Весьма частым языковым индикатором дискурса социальной гармонии выступают риторические вопросы. Они, с одной стороны, свидетельствуют о понимании и заинтересованности коммуникантов во мнениях, оценках ситуации другими людьми, с другой – выступают маркером эмоционального состояния коммуниканта, который таким образом подтверждает свою сопричастность к группе и разделяет ее точку зрения. Риторические вопросы или формулировки побуждают участников коммуникации к общению, поддерживая между ними активное взаимодействие: *«Разве это не так?», «Еще бы у нас не получилось!», «Кто бы сомневался в нашем успехе?»*.

В дискурсе социальной гармонии играют важную роль в укреплении взаимопонимания, поддержки и сотрудничества между отдельными участниками и группами людьми эмпатические высказывания. Их функция заключается, прежде всего, в том, что они помогают создать атмосферу доверия и открытости – необходимого условия для разрешения возможных конфликтов и развития гармоничных отношений в обществе. Признание и уважение других людей и их чувств являются ключевыми аспектами эмпатического общения. Использование языковых средств, способствующих открытому диалогу, особенно ценится в дискурсе социальной коммуникации. Следовательно, эмпатические высказывания являются важным инструментом дискурса социальной гармонии.

Как и во многих других видах дискурса, в дискурсе социальной гармонии широко используются метафоры. Функции метафор заключаются в том, что они, являясь инструментом для передачи сложных идей, служат для создания ярких образов и формирования эмоционального отклика. Общеизвестно, что метафоры, как простые, так и развернутые, помогают делать абстрактные концепции более доступными и понятными. В то же самое время метафоры способствуют глубинному восприятию социальной гармонии как общественного явления и взаимопониманию. Метафоры

формируют яркие, запоминающиеся образы. Благодаря метафорам визуализируются идеи о социальной гармонии, акцентируются важность взаимодействия и сотрудничества. Их использование снижает социальную напряженность, способствует разрешению конфликтов между отдельными коммуникантами и группами. Метафоры также служат средством выражения эмпатии, способствуют созданию атмосферы понимания и поддержки, что критически важно для дискурса социальной гармонии.

Не менее важными для дискурса социальной гармонии, на наш взгляд, являются разговорные навыки – умение слушать, слышать, переспрашивать и уточнять, т.е. демонстрировать интерес к собеседнику и к тому, о чем он говорит. Заинтересованный коммуникант, демонстрирующий уважение к собеседнику и желающий наладить и закрепить контакт, адаптирует стиль к ситуации общения.

Важной для дискурса социальной гармонии оказывается тональность общения: соблюдение доброжелательного настроя по отношению к собеседнику и вежливости является обязательным условием. Использование определенных лексических единиц (тех, которые мы описали как «позитивную лексику») эффективно только в сочетании с другими языковыми индикаторами, реализующимися на уровне дискурсивных практик в целом и создающими «климат доверия».

Так, позитивная лексика задает общую тональность общения; уникальные обращения коммуникантов друг к другу обеспечивают персонализацию и признание, подчеркивают сопричастность всех участников коммуникации к общему делу; глаголы, направленные на описание совместного действия, формируют субъекта коллективного действия; риторические вопросы подчеркивают заинтересованность каждого из участников в речевом взаимодействии, обеспечивают диалогичность. Эмпатические высказывания «отвечают» за эмоциональную связь между участниками общения, которые благодаря использованию метафор упрощают сложные смыслы, представляя свои мысли в более наглядном и убедительном виде. Разговорные навыки коммуникантов и их доброжелательный настрой выступают при этом необходимым прагматическим контекстом.

Языковые индикаторы дискурса социальной гармонии, таким образом, представляют собой не случайный перечень, а образуют некоторое системное единство, иначе говоря, некоторую семиотическую систему, в которой каждому типу индикатора

отводится конкретная роль, и каждый из них дополняет другие. Дискурс социальной гармонии, следовательно, – это целостная ценностно-ориентированная речевая практика, по своему определению предполагающая отказ от манипуляции, скрытой агрессии и риторического насилия в пользу равноправного, доброжелательного, позитивного общения. Дискурс социальной гармонии требует от участников коммуникативной ситуации не только владения набором определенных языковых средств, но и высокого уровня эмпатии и социальной ответственности.

Условия, обеспечивающие максимальную эффективность языковых индикаторов дискурса социальной гармонии

Рассмотрим условия, которые обеспечивают максимальную эффективность языковых индикаторов дискурса социальной гармонии. Мы выделили несколько ключевых факторов.

Во-первых, к числу важных факторов необходимо отнести искренность и конгруэнтность, чему есть ряд причин. Любые языковые индикаторы, используясь формально, теряют свою силу. Так, если вербальное сообщение не сопровождается соответствующим невербальным – мимикой тоном, позой, жестами или же когда вербальное поведение расходится с невербальным, то эффективность коммуникации резко снижается. Так, эмпатическое по всем формальным признакам высказывание, но произнесенное холодным или раздраженным тоном, однозначно воспринимается собеседниками как манипуляция. Соответственно, цель на сближение не достигается, а недоверие между коммуникантами усиливается.

Во-вторых, принципиальное значение имеет своевременность использования индикаторов дискурса социальной гармонии. Не вызывает сомнения, что большинство индикаторов (к ним прежде всего относятся эмпатические высказывания, риторические вопросы, а также фразы для выражения поддержки) обладают наиболее выраженной эффективностью в момент возникновения напряжения в коммуникации или сразу после него, а запоздалая позитивная реакция может оказаться неуместной или воспринятой аудиторией как неискренняя.

В-третьих, особое значение имеет необходимость соблюдать адекватность статусно-ролевых отношений. Так, при использовании уникальных обращений («милочка», «душечка», «дружочек», «дорогие коллеги») или инклюзивных местоимений следует учи-

тивать иерархию и дистанцию между коммуникантами: в некоторых ситуациях они могут даже спровоцировать конфликтную ситуацию. Так, в институциональных контекстах (например, в ситуации общения врача с пациентом, учителя с учеником или социального работника с подопечным) фамильярное «мы» может нарушить границы и вызвать дискомфорт, тогда как более формальные, но при этом теплые и уважительные формы будут способствовать установлению желаемого контакта.

В-четвертых, необходимо следовать правилам постепенности и дозированнойности (меры). В тех случаях, когда человек находится в ситуации глубокой социальной изоляции или травмы, избыточное использование позитивной лексики может восприниматься как навязчивость или непонимание серьезности положения адресата. Эффективная стратегия предполагает эскалацию (нарастание) языковых индикаторов от нейтрально-доброжелательных (уважительное приветствие, использование имени) к более интимным (выражение сочувствия, предложение помощи) по мере установления доверия. Наконец, в-пятых, необходимо учитывать «культурную» чувствительность, поскольку концепты, лежащие в основе дискурса социальной гармонии (например, «справедливость», «равенство», «забота», «доброта» «справедливость», «эмпатия»), могут по-разному интерпретироваться в различных культурах. Языковой индикатор, эффективный в одной культуре (например, прямое выражение сочувствия «я понимаю твою боль», «я разделяю твоё беспокойство»), в другой, предпочитающей более дистанцированные или косвенные способы выражения поддержки, может оказаться неуместным.

Таким образом, практическое использование дискурса социальной гармонии требует учета культурно-специфических норм вербальной и невербальной коммуникации.

Выводы

В заключение отметим, что под дискурсом социальной гармонии мы понимаем особые речевые практики, основная цель которых заключается в гуманизации атмосферы в обществе. Гуманизация достигается за счет последовательного использования определенных языковых средств, иначе – индикаторов. Они реализуют функции позитивации фона общения, установления общего понимания между коммуникантами, поддержания взаимодействия,

выражения эмпатии, а также конструктивного разрешения конфликтов и формирования коллективной идентичности.

Выделенные нами в исследовании типы индикаторов, а именно позитивная лексика, уникальные обращения, глаголы совместного действия, риторические вопросы, эмпатические высказывания, метафоры, а также разговорные навыки и доброжелательная тональность, работая системно, в итоге создают такую когнитивно-эмоциональную среду, которая способствует бесконфликтному сосуществованию различных социальных групп.

На наш взгляд, целенаправленное формирование и в дальнейшем поддержка такого типа общения со стороны различных социальных институтов является необходимым условием для преодоления социальной изоляции уязвимых групп, а также способствует функционированию общества, основанного на принципах уважения, справедливости и солидарности.

Подчеркнем, что языковые индикаторы дискурса социальной гармонии, будучи одновременно маркерами и нормативами, конституируются в значительной степени «от противного». Они противопоставляются маркерам языковой агрессии. Более того, они активно и успешно блокируют их проявления.

Противопоставление индикаторов дискурса социальной гармонии маркерам языковой агрессии имеет важные методологические следствия.

Во-первых, происходит более полное понимание того, что представляет собой социально гармоничная коммуникация; становится очевидным, чего в такой коммуникации следует избегать. Оскорбительные номинации, директивные высказывания в императивной форме, дегуманизирующие метафоры, эмоционально заряженная лексика с негативной коннотацией, сарказм, ирония, направленная на унижение собеседника, моментально опознаются собеседниками как формы языкового насилия, как газлайтинг, обесценивающие чувства и навязывающие чувство вины.

Во-вторых, нам представляется, что нормативное свойство дискурса социальной гармонии проявляется именно в его способности блокировать агрессивные речевые акты. Так, использование эмпатических высказываний исключает обесценивание эмоций собеседника; инклюзивные местоимения противостоят языку исключения («чужие», «не наши»); а глаголы совместного действия вытесняют императивы принуждения («мы могли бы» вместо «вы обязаны»). Использование метафорических выражений в дискурсе социальной гармонии играет важную роль, делая общение более

выразительным и эмоционально насыщенным. Метафоры помогают выразить идеи, которые иначе могли бы остаться непонятыми, способствуют созданию образов, которые легко запоминаются, и формируют чувство общности и взаимопонимания. Их использование помогает создавать привлекательное и конструктивное пространство для общения, что является ключом к достижениям социальной гармонии.

Предложенный нами список языковых индикаторов дискурса социальной гармонии (позитивная лексика, уникальные обращения, глаголы совместного действия, инклюзивные местоимения, риторические вопросы, эмпатические высказывания, метафоры, доброжелательная тональность и разговорные навыки) не претендует на законченность и является открытым. Он требует контекстуальной конкретизации с учетом жанра коммуникации, канала, статусно-ролевых отношений коммуникантов и культурных норм, принятых в обществе. В то же самое время нам он представляется довольно объективным.

Эффективность применяемых индикаторов обеспечивается их искренностью, своевременностью, адекватностью, дозированностью и культурной чувствительностью.

Перспективы дальнейших исследований в данной области, на наш взгляд, могут быть связаны с разработкой практических обучающих программ, созданием метрик оценки гармоничности дискурса, а также уточнением концептуальных границ между дискурсом социальной гармонии и смежными типами гуманно-ориентированной коммуникации, активно развивающимися в настоящее время. При этом приоритетным остается понимание того, что социальная гармония достигается не через элиминацию любых разногласий, а через формирование и поддержание такой речевой среды, в которой разногласия могут выражаться и разрешаться без перехода к языковой агрессии и обесцениванию.

Список литературы

Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 164–177.

Раренко М.Б. Языковая структура дискурса социальной гармонии. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – 64 с.

Шмелева Т.В. Речевая агрессия и способы ее смягчения в русском языке // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 1 (23). – С. 102–115.

Brown P., Levinson S. *Universals in Language Use: Politeness Phenomena* // *Questions in Politeness. Strategies in Social Interaction*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1978. – P. 56–289.

Brown P., Levinson S.C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 358 p.

Lakoff R.T. *The Logic of Politeness: or Minding Your P's and Q's* // *Chicago Linguistic Society*. – 1973a. – N 9. – P. 292–305.

Lakoff G. *Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts* // *Journal of Philosophical Logic*. – 1973b. – N 2 – P. 458–508.

Martin J.R. *Positive Discourse Analysis: Solidarity and Change* // *Revista Canaria de Estudios Ingleses*. – 2004. – N 49. – P. 179–200.

Politeness in East Asia / (ed by.) D.Z. Kádár, S. Mills. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 330 p.

References

Leontovich O.A. *Positive Communication: Problem Statement*. In: *Bulletin of the RUDN University, Linguistics Series*. 2015. N 1. Pp. 164–177. (In Russian)

Rarenko M.B. *Language Structure of the Discourse of Social Harmony*. Moscow : INION RAN, 2022. 64 p. (In Russian)

Shmeleva T.V. *Speech Aggression and Ways of Its Mitigation in the Russian Language*. In: *Questions of Psycholinguistics*. 2015. N 1 (23). Pp. 102–115. (In Russian)

Brown P., Levinson S. *Universals in Language Use: Politeness Phenomena*. In: *Questions in Politeness. Strategies in Social Interaction*. Cambridge : Cambridge University Press, 1978. Pp. 56–289.

Brown P., Levinson S.C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 358 p.

Lakoff R.T. *The Logic of Politeness: or Minding Your P's and Q's*. In: *Chicago Linguistic Society*. 1973a. N 9. Pp. 292–305.

Lakoff G. *Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts*. In: *Journal of Philosophical Logic*. 1973b. N 2. Pp. 458–508.

Martin J.R. *Positive Discourse Analysis: Solidarity and Change*. In: *Revista Canaria de Estudios Ingleses*, 2004. N 49. Pp. 179–200.

Politeness in East Asia / (ed by.) D.Z. Kádár, S. Mills Cambridge University Press, 2011. 330 p.

Опарина Е.О.¹

**ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ:
МИФОЛОГЕМЫ И СИМВОЛЫ КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ
В ФОЛЬКЛОРНОМ ЖАНРЕ**

Аннотация. Объект рассмотрения в данной статье – городские легенды европейских стран. Многие из таких легенд, являющихся в своей основе видом фольклорного жанра, имеют многовековую историю. Их сюжеты базируются на мифологемах и символах, восходящих к архетипам и архаическим мифам, ставшим универсальной частью культуры [Юнг, 2026]. Цель статьи – выявить эти элементы в городских легендах, а также проследить их интертекстуальные связи, так как сюжеты городских легенд служат основой для произведений литературы и искусства – ситуация, свидетельствующая о роли городских легенд как культурного кода. В статье используются следующие исследовательские методы: анализ дискурса; линвокультурологический анализ (изучение мотивов и образов архаических мифов в текстах городских легенд); анализ интертекстуальных связей. Рассматривается также тот факт, что городские легенды, будучи результатом фантазии, нередко имеют и фактическую основу. Исследование, не претендующее на полноту изучения темы, выполнено на примере двух городских легенд, имеющих длительную историю: это легенда о гамельнском крысолове и легенда о Иэне (Иане) Рейнолдсе. Тексты-источники – литература, кино, пересказы исторических хроник, сюжеты интернет-каналов.

¹ Опарина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; ellenoparina@gmail.com

Ключевые слова: городские легенды; фольклор; элементы культуры (мифы, мифологемы, символы) в сюжетах городских легенд; лингвокультурный анализ; документальная основа; интертекстуальность.

Для цитирования: Опарина Е.О. Городские легенды: Мифологемы и символы как средство формирования содержания в фольклорном жанре // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 4. – С. 54–69. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.04

Поступила в редакцию: 19.06.2026.

Принята в печать: 30.07.2026.

Oparina E.O.*

URBAN LEGENDS: MYTHOLOGEMES AND SYMBOLS AS A CONTENT CREATION TOOL IN A FOLKLORE GENRE

Abstract. The article deals with the theme of urban legends of the European countries. A number of urban legends, being a folklore genre, have a centuries-old history. Their content is often based on mythologemes and symbols going back to archetypes and being part of universal culture [Yung, 2026]. The aim of the article is to identify these elements in urban legends, as well as to trace their intertextual links: the plots of urban legends often serve as the base for the works of literature and arts, the situation that attests to the significance of urban legends for culture. In the process of the research the following methods were applied: discourse analysis; linguo-cultural analysis (the study of mythologemes and symbols in the texts of urban legends); the analysis of intertextual connections. We also pay attention to the documentary grounds of the plots, as some of these legends, being the product of imagination, nevertheless, have a factual base.

The present study, that does not claim to be full examination of the topic, is carried out on the example of the two urban legends having a long history, i.e. “The Legend of the Rat-Catcher (Pied Piper) of Hameln” and “The Legend of Jan Reynolds”. The sources of investigation are the texts of internet channels, the retellings of historical chronicles, and the texts of literature.

* Oparina Elena Olegovna – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; ellenoparina@gmail.com

Keywords: urban legends; folklore; mythologemes and symbols in the content of urban legends; linguo-cultural analysis; factual (documentary) base; intertextuality.

For citation: Oparina E.O. Urban Legends: Mythologemes and Symbols as a Content Creation Tool in a Folklore Genre // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 4. – P. 54–69. DOI: 10.31249/ling/2026.04.04

Received: 19.06.2026.

Accepted: 30.07.2026.

Введение

Городские легенды представляют собой современную форму фольклора. Это истории – на первый взгляд, обладающие правдоподобием, однако не соответствующие действительности. В русском языке термин «городская легенда» сформировался как калька с английского “*urban legend*”. В британском варианте английского языка используется также термин “*urban myth*” (буквальный перевод – «городской миф», обычно переводится как «байка», «выдумка», что подчеркивает нереальный, «фантастический» характер истории)¹.

Среди нарративов, которые относятся к жанру городских легенд, выделяются те, которые, будучи связаны с теми или иными местностями (не только городами, но также деревнями или регионами), имеют долгую, иногда многовековую историю. К этой группе, например, принадлежат: легенда о гамельнском крысолове, сюжет которой восходит к XIII–XIV векам; легенда о Иэне (Иане) Рейнолдсе (возникшая на юго-западе Англии в середине XVII в.); легенда о Каспаре Хаузере (нюрнбергская легенда, относящаяся к первой половине XIX в.); легенда о Генри Холмсе (фольклорная интерпретация криминальных событий, происходивших в Чикаго на рубеже XIX и XX вв.). Таким образом, исследуемый жанр не является исключительно современным.

Городские легенды, в том числе имеющие длительную историю, возникают на почве свойственных времени представлений и идеологем. В случаях названных выше нарративов в основе их содержания – представления о потусторонних силах, прежде всего «темных силах», и их вмешательстве в жизнь людей (легенды о

¹ URL: ru.wikipedia.org/wiki/Городская_легенда

гамельнском крысолове и о Иане Рейнолдсе); конспирологические представления о тайнах «высших слоев» общества (легенда о Каспаре Хаузере); демонизация новых технологий (легенда о Генри Холмсе).

При разборе исторических городских легенд, как нам представляется, в пояснении нуждается утверждение о том, что они основаны на реальных событиях. Полным соответствием историческим событиям сюжетные мотивы этого жанра не обладают, при этом они все же имеют определенную фактическую основу, зафиксированную в хрониках и других письменных источниках. Эту фактическую основу можно назвать прецедентной ситуацией для легенды [Ковшова, Гудков, 2017, с. 109–111]. Однако необходимо отметить и то, что соответствие некоторых мотивов городских легенд реальным событиям и происшествиям не является абсолютно достоверным: так, хронология событий или их суть могут быть по-разному представлены в разных вариантах легенды.

Наличие в городских легендах одновременно фактической и креативной сторон сближает их с нарративами жанра тру крайма. Кроме того, в городских легендах, как и в тру крайме, в основе сюжетов нередко лежит преступление – кража, похищение, убийство или попытка их совершить. Разница между тру краймом и городскими легендами заключается в том, что в первом случае жанр является индивидуально-авторским. В отличие от этого, городские легенды, как имеющие длительную историю развития, так и современные, являются фольклорным в своей основе жанром. В дальнейшем их сюжеты и мотивы могут получить развитие в авторских текстах, принадлежащих к разным семиотическим системам – в литературе, музыке, кинематографе, комиксах. Через развитие и трансформацию мотивов и образов городских легенд, через аллюзии к ним их сюжеты закрепляются в культуре, формируют свой интертекст. Однако по своему происхождению они являются результатом коллективного творчества и системы коллективных представлений людей определенной эпохи, носителей определенного мировоззрения.

Цель статьи – проследить мифологемы и символы в двух городских легендах, имеющих многовековую историю, а именно в легенде о гамельнском крысолове и легенде о Иэне Рейнолдсе. Мифологемы мы понимаем как устойчивые сюжетные мотивы и образы, восходящие к мифам и часто основанные на архетипах. Архетипы, в свою очередь, в соответствии с теорией К. Юнга – как универсальные для людей, бессознательные образы (или структу-

ры), имеющие основание в древних сказаниях и определяющие миропонимание [Юнг, 2026]. Архетипические образы, такие как «свой – чужой», «враг», «свет – тьма», «жизнь – смерть», связывают систему представлений людей с архаическими мифами. В статье мы излагаем обе легенды достаточно полно для того, чтобы элементы культуры в нарративах были представлены наглядно.

Легенда о гамельнском крысолове

Город Гамельн (*Hameln*), в котором появилась легенда о флейтисте-крысолове, находится в Вестфалии – исторической области на северо-западе Германии, между реками Рейн и Везер. В настоящее время Гамельн входит в состав федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия.

События, описываемые в легенде, имеют документальное основание. Согласно исследованию С. Евсюковой [Евсюкова], самое раннее упоминание содержится в хронике города Гамельна за 1375-й год. Записано следующее: «В 1284 году в день Иоанна и Павла, что было в 6-й день месяца июня, одетый в пеструю одежду флейтист вывел из города сто и тридцать рожденных в Гамельне детей на Коппен близ Кальварии, где они и пропали»¹ [там же]. Коппен, или Коппенберг – гора, в которую или через которую, по некоторым версиям легенды, флейтист увел гамельнских детей. Позднее, во время ремонта городской ратуши в Гамельне была найдена старая деревянная балка с надписью на средневековом диалекте, подтверждающая факт и время происшествия: «В году 1284-м, в день Иоанна и Павла 26 июня был Свистун в пестрых одеждах, кем 130 детей, в Гамельне рожденных, уведены и в горе потеряны» [там же].

Таким образом, крысы в данных изложениях легенды не упоминаются – главным персонажем является пришедший в Гамельн незнакомый горожанам музыкант, одетый в пеструю одежду. В дальнейшем легенда дополняется другими сюжетными мотивами, в значительной степени – через исторические хроники разных веков и через городские слухи. Датировка гамельнской легенды, как и сюжет, обретает вариантность по мере ее распространения. Сюжет анализируется как реальное событие в работах XVI–XVII вв., претендующих на историзм. Так, в исследовании начала

¹ Мы приводим переводы немецких текстов, представленные в статье С. Евсюковой)

XVII в. «Возрождение угасшего разума» (*“A Restitution of Decayed Intelligence”*) историка и писателя англо-голландского происхождения Ричарда Роландса (Richard Rowlands, который также известен под псевдонимом Ричард Вестерган), приводится дата 22 июля 1376 г. [Vestergan, 1605]. Эта работа, посвященная англосаксонскому наследию, интересна тем, что в ней впервые в английской письменной традиции изложена легенда о Гамельнском крысолове¹. В других пересказах легенды указываются другие даты: например, в труде Роберта Бертон «Анатомия меланхолии» (Robert Burton, *“The Anatomy of Melancholy”*), впервые изданном в Оксфорде в 1621 г., приводится дата 20 июня 1484 г. [Бертон, 2005]². Таким образом, разница между датами составляет 200 лет, что делает документальный характер легенды относительным в плане хронологии.

Наиболее известным и распространенным является следующий вариант легенды, изложенный в хронике дома вюртембергских графов фон Циммерн (в середине XVI в.) [Евсюкова]. Богатый город Гамельн одолело нашествие крыс. Горожане не могли с ними справиться, пока в городе не появился неизвестный бродячий музыкант в пестрой одежде, который пообещал избавить город от крысиного нашествия, но потребовал в награду огромную сумму денег в несколько сотен гульденов. Действительно, играя на флейте, музыкант увел орду крыс к одной из гор, где они оказались запертыми навсегда. Однако магистрат города отказался платить обещанную сумму. Тогда музыкант вновь пришел в город, заиграл на своей флейте и увел из города всех детей, которых также запер в горе Коппенберг.

В сюжете легенды прослеживаются образы и символы, восходящие к мифологии и к религиозным представлениям. Прежде всего, необходимо отметить, что здесь воплощаются представления о потусторонних силах. Важный элемент этих представлений и верований – страх перед неизвестным, «чужим» человеком, вплоть до его ассоциирования с нечистой силой. Этот мотив присутствует и в других средневековых легендах Европы, в том числе в легенде о Изне Рейнолдсе, которая будет рассмотрена ниже. Значим как культурный код также образ музыканта, который обладает магической силой. В архаических мифах разных народов музыка

¹ В этой работе к сюжету добавлена деталь о том, что флейтист увел детей через горный туннель в Трансильванию.

² В этом труде и других работах XVII в. в легенду вводится тема происков темных сил.

выступает как сакральное явление, воплощает божественный порядок и гармонию, противостоящие хаосу [Маковский, 1996, с. 223–224]. В мифологии Древней Греции одним из главных олимпийских богов является Аполлон – «бог, включивший в свой классический образ архаические и хтонические черты догреческого и малоазийского развития (отсюда разнообразие его функций – как губительных, так и благодетельных, сочетание в нем мрачных и светлых сторон» [Мифологический словарь, 1991, с. 52]. Аполлон – музыкант и Мусагет (водитель Муз), одним из его атрибутов является золотая лира [там же]. В античной греческой мифологии есть также образ музыканта и певца Орфея, наделенного магической силой, которой покорялись боги и природа [там же, с. 418].

В легенде о гамельнском крысолове музыке также приписывается магическая сила: за звуками музыки, как по волшебству, следуют сначала крысы, а затем и дети Гамельна. Крысолов, подобно Аполлону и другим «музыкальным» богам в религиях и архаических мифах, осуществляет в сюжете легенды и благодетельные, и губительные, связанные со смертью, действия¹. Первые – как помощь горожанам Гамельна, вторые – как возмездие им за обман.

Пестрые одежды крысолова-флейтиста, вызывающие подозрения горожан, означают «чуждость» и также могут быть истолкованы в контексте культуры. Этот мотив значим как символ соблазна, обмана, греховности. Пестрая одежда музыканта настойчиво упоминается и в английских переводах легенды в XVII в. [Бертон, 2005]. В результате распространения легенды в английском языке возникло устойчивое словосочетание *pied piper* – букв. «пестрый флейтист (или дудочник)», которое используется также в идиоматическом значении, мотивированном легендой: «человек, дающий невыполнимые обещания; лидер, заманивающий в ловушку; манипулятор»: *He is acting like a pied piper, leading naïve investors into a risky financial scheme* – «Он действует, как пестрый дудочник, увлекающий наивных инвесторов в рискованную финансовую схему / аферу»².

¹ Например, бог мудрости Тот в древнеегипетской мифологии: его голос обладал магической силой, и он покровительствовал музыке как части науки. В то же время Тот, согласно верованиям, принимал участие в погребении усопших и вел их в царство мертвых [Мифологический словарь, 1991, с. 547].

² URL: eng-rus.slovaronline.com/79827

Ассоциации сюжета легенды с мотивами смерти, разрушения и хаоса актуализируются в легенде также через тему нашествия крыс. В традиции германской языческой мифологии и народных верований, которые нашли отражение в средневековых легендах, в мышей и крыс переселяются души умерших – как грешников, так и праведников. В этом контексте флейтист, которому повинуются крысы, может восприниматься как бог смерти и повелитель душ мертвых. Возникает ассоциация с верховным богом древнегерманского пантеона Одинем (Вотаном), который считался повелителем душ павших воинов и которого сопровождали мыши.

Мотив горы, в которую флейтист уводит детей, также нагружен мифологическими ассоциациями. Функции горы в мифологии разнообразны [Топоров, 1980, т. 1, с. 311]. Самый общий смысл мифологемы – «гора как модель вселенной». Через гору (в мифологии каждого региона есть своя священная гора) проходит мировая ось (*axis mundi*), имеющая два вектора – верхний и нижний. Верхний через вершину ведет к небу; нижний указывает на вход в нижний мир, в преисподнюю [там же]. Гора также находится в центре мира, что могло отразиться в сюжете легенды о гамельнском крысолове, а именно в той части, где говорится о том, что уведенные крысоловом дети в действительности не погибли, а ушли сквозь горы в другие районы. Чаще всего в германском фольклоре называют Трансильванию.

Заслуживают внимания определенные параллели легенды о гамельнском крысолове с историческими событиями Средних веков. Эти параллели являются базой для утверждений о том, что легенда отражает реальные факты. Легенда действительно может быть соотнесена с некоторыми событиями Средних веков, притом, что строгого соответствия ее сюжета событиям, в том числе хронологического соответствия, нет.

Среди известных событий периода Средневековья, в которых можно увидеть реальную основу сюжета легенды, называют: эпидемии чумы (позже было установлено, что в распространении бацилл чумы действительно участвовали грызуны, но в эпоху Средневековья этого не знали); крестовый поход детей; приступы заболевания, известного как «пляска Святого Витта»; миграция из германских земель в земли Восточной Европы; природные бедствия. Однако, как показывают исследования, фактическая связь всех этих событий с сюжетом легенды относительна. Так, эпидемии чумы начались в Европе не в конце XIII в. (время, к которому

относят посещение Гамельна музыкантом-крысоловом), а в середине XIV в., в конце 40-х годов. Крестовый поход детей произошел на 100 с лишним лет раньше 1284 г.

Сюжет легенды связывают также с другой накрывшей страны средневековой Европы болезнью, происходящей от поражения нервной системы – пляской Святого Витта, или «танцевальной чумой». Болезнь выражалась в приступах, охватывавших целые группы людей, которые могли часами танцевать, как одержимые. Вспышки этой болезни продолжались с XIII по XVI в. и были отмечены в разных городах и странах Европы. Наиболее крупная вспышка отмечалась в Эрфурте в 1237 г., причем этой «эпидемией» были затронуты именно дети. Известны также вспышки танцевальной мании в Ахене (1374 г.), в Страсбурге (1518 г.), во Фландрии. Вспышка 1564 г. запечатлена Питером Брейгелем Старшим в серии гравюр. Хронологическое соответствие с легендой есть, однако в легенде не упоминается о том, что дети танцевали или проявляли какие-то другие признаки нервного возбуждения [Евсюкова].

Другая версия связывает описанный в легенде уход детей из Гамельна с миграцией: есть сведения о том, что в этот период молодежь из немецкоязычных земель переселялась в районы на востоке Европы – в Польшу, Моравию, Трансильванию, на территорию Прибалтики. В миграции участвовали крестьяне и дворяне из германских земель, и для ее пропаганды нанимались вербовщики, часто одевавшиеся в яркие одежды и игравшие на барабанах и флейтах для привлечения внимания народа. Подтверждение этой версии можно увидеть в том, что в упомянутых регионах, например в Польше, до настоящего времени сохранились немецкие фамилии (*Гамелин*, *Гамель* и др.) [там же]. Один из фольклорных вариантов легенды говорит о том, что дети, уведенные крысоловом из Гамельна, прошли сквозь гору в Трансильванию. Проход из Гамельна в Трансильванию сквозь гору, конечно невозможен, однако в районе Трансильвании действительно существовали поселения немцев. Также есть предположение, что причиной гибели детей, возможно, ушедших к горе Коппенбург, чтобы отметить солнцестояние, стал оползень или камнепад – отсюда вывод о том, что их навсегда поглотила гора [там же].

Сюжет легенды о гамельнском крысолове имеет обширный интертекст в культуре: легенда выступает как прецедентный текст по отношению к более поздним. Ее мотивы варьируются в мировой культуре – в авторской прозе и поэзии, в кино, в музыкальных

произведениях разных жанров. Персонажи и сюжетные мотивы этой старой легенды – загадочное появление незнакомца-музыканта, его магические способности, волшебство музыки и пения, недостойное поведение жителей города, нашествие крыс, исчезновение детей – все эти темы дают возможность для множества разных трактовок.

Баллада «Крысолов из Гамельна» впервые была опубликована в изданной А. фон Арнимом и К. Брентано в антологии народной поэзии «Волшебный рог мальчика. Старинные немецкие песни» в 1806–1808 гг.

В сборнике братьев Гримм «Детские и семейные сказки», содержащем народные сказания и легенды и впервые изданном в 1806 г., содержится литературная обработка легенды, в которой флейтист исчезает в горе вместе с детьми.

Сюжетные мотивы и образы легенды перешли в XX в. В сказке С. Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» (впервые опубликована в 1906 г.) в центре внимания находится волшебная дудочка. Сюжет получает трагическую социальную трактовку в балладе Б. Брехта «Правдивая история о крысолове из Гамельна» (1940-е годы): крысолов возвращается в город вместе с детьми, но жадные и жестокие бюргеры приговаривают его к смерти.

Легенда получила авторские трактовки и в русской литературе. Особый оборот принимает сюжет в поэме М. Цветаевой «Крысолов», где предсказаны трагические события XX в.: жители города – самодовольные мещане-бюргеры, а крысолов – опасный манипулятор и диктатор. Рассказ А. Грина «Крысолов», написанный в тот же период, в 1923 г., строится на фантастической переработке сюжета, на сочетании реальности и мистики: крысы-оборотни, превращающиеся в людей в сновидениях главного героя, захватывают разоренный, опустевший город. Аллюзии к темам легенды присутствуют в повести Аркадия и Бориса Стругацких «Жук в муравейнике» (1979 г.), в которой размышления об устройстве общества представлены через сочетание элементов фантастики и детектива. И это совсем не полный список литературных произведений российских и зарубежных авторов, в которых используются мотивы средневековой легенды о гамельнском крысолове.

Образ «пестрого флейтиста» (*Pied Piper*) появляется в поп-музыке: в песнях групп ABBA, Queen, Led Zeppelin и др. Легенда вошла в мультфильм У. Диснея «Фантазия» (*"Fantasia"*, 1940), в

котором мифы, легенды и сказки разыгрываются под классическую музыку Бетховена, Чайковского, Стравинского [Евсюкова].

Таким образом, фольклорный текст, возникший в период Средневековья как городская легенда, получил развитие во многих авторских произведениях европейской культуры, относящихся к разным видам и жанрам искусства. В трактовке мотивов и образов легенды о гамельнском крысолове имеется множество вариантов. Это дает основание утверждать, что легенда не только имеет в основе реальную прецедентную ситуацию, но и сама в течение восьми веков функционирует как прецедентный текст [Ковшова, Гудков, 2017, с. 109–119], воспроизводимый в культурной традиции и обладающий смысловой, символической, эмоциональной и ценностной значимостью для западной и российской культуры.

Легенда о Иэне Рейнолдсе

Легенда о Иэне Рейнолдсе (Jan Reynolds) возникла на юго-западе Англии в XVII в. Она является частью фольклора графства Девоншир, описываемые в ней события относятся к городку Уайдкомб (Whidecombe). Эта легенда опирается на реальную прецедентную ситуацию, имеющую точную хронологическую отнесенность: она связывается с реальным историческим событием, зафиксированным в хрониках. Это сильнейшая гроза с шаровыми молниями, разразившаяся в южных районах Англии 21 октября 1638 г. и получившая название «Великий гром» (*The Great Thunder*).

Содержание легенды состоит в следующем (излагается по: [Jan Reynolds]). Иэн Рейнолдс был молодым человеком, который жил в Уайдкомбе и работал в шахте по добыче олова. Он был известен в округе как заядлый картежник, выпивоха и волокита. Из-за грешного образа жизни ему постоянно не хватало денег, поэтому он заключил сделку с дьяволом – продал ему душу в обмен на золото. При этом Иэн рассчитывал обмануть дьявола, так как сделка была заключена на его условиях: дьявол должен был получить душу Рейнолдса в том случае, если он уснет в церкви во время проповеди. Однажды в воскресенье Иэн с группой приятелей проводил время в таверне вместо того, чтобы быть в церкви на проповеди. Вдруг в таверне услышали громкий стук копыт, и вскоре в зал вошел высокий, одетый в черное с головы до ног незнакомец. Во всем его облике люди почувствовали нечто зловещее. Незнакомец прошел по таверне, внимательно рассматривая

каждого ее посетителя. Хозяйка предложила ему эль, и он бросил на стол множество золотых монет, что удивило совсем не богатых посетителей таверны. Когда он пил эль, сидевшие рядом слышали странные шипящие звуки, исходящие из его горла. Затем он вышел из таверны и помчался на коне в сторону Уайдкомба. Посетители таверны попросили хозяйку показать им оставленные странным незнакомцем деньги, но, когда она открыла кассу, там обнаружили только несколько пенни и кучу высохших листьев.

Иэн Рейнолдс вскоре решил вернуться в Уайдкомб, так как надеялся застать в церкви молодую женщину, которая его интересовала. Проповедь викария была очень долгой, поэтому, чтобы скоротать время, Иэн сел на скамейку у выхода и начал раскладывать карты. Вскоре его веки стали тяжелыми, и он уснул, а в церкви раздался удар грома и началась сильнейшая буря. Ураганный ветер снес церковный шпиль и повредил крышу (приходская церковь Святого Панкратия в Уайдкомбе действительно была повреждена во время этой грозы, и записи об этом остались в хрониках), а внутри церкви появилось множество огненных шаров, которые нанесли страшные ожоги прихожанам, убив несколько человек. В это время в церковь сверху спустился на коне сам дьявол. Он направился прямо к спящему Иэну, схватил его, вскочил на коня и через дыру в крыше унес его в темное грозовое небо. Последнее, что увидели жителя городка, были четыре карты, выпавшие из кармана Рейнолдса. На месте их падения на земле образовались четыре каменных отпечатка, которые служат предостережением всем грешникам (а практически являются загонами для скота, огороженными каменной кладкой) [Jan Reynolds].

Таким образом, в центре сюжета – вариант легенды о продаже души дьяволу, одного из самых известных мифов средневековой Европы. Легенда первоначально возникла на территории германских земель и была собрана в «Народной книге о докторе Фаусте» в конце XVI в. (рус. перевод см. в: [Легенда о докторе Фаусте, 1958]). Персонаж немецкой легенды – как считается, реальный ученый и чернокнижник XVI в., который заключил сделку с Мефистофелем в обмен на безграничные знания и власть. Этот сюжет, как известно, в дальнейшем получил литературную обработку: вскоре после издания «Народной книги...» – появилась трагедия Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фауста» (впервые издана в 1606 г.), позже – философская драма «Фауст» И.В. фон Гете (дата первой публикации 1790 г.), в которой размышления о человеке и мироздании соединены с мистикой.

В XX в. Томасом Манном был написан роман «Доктор Фаустус» – притча о трагедии культуры, поддавшейся силе зла. Сделка героя романа композитора Леверкюна с Мефистофелем, заключенная ради возможности создать гениальные творения, приводит к катастрофе и ассоциируется со «сделкой» немецкого народа с фашизмом.

В Англии XVII в. сюжеты о дьявольских кознях были весьма популярны и активно использовались в религиозных и гражданских противостояниях. Для пуританских священников это был инструмент борьбы с греховным образом жизни. Они распространяли устные и письменные рассказы о том, что азартные игры, пьянство, прелюбодеяния и святотатство способствуют вторжению сил зла в жизнь людей [Легенда о Иане Рейнолдсе]. Однако противоположная сторона также использовала мотив сделки с дьяволом в своих целях. Например, согласно памфлету роялистов, такую сделку заключил Оливер Кромвель накануне решающей для Гражданской войны в Англии битвы при Вустере (1651), когда армия Парламента во главе с Кромвелем разбила королевскую армию. Согласно этой версии, Кромвель встретил в лесу странного незнакомца, одетого во все черное, в котором опознал Дьявола, и заключил с ним договор о власти сроком на семь лет в обмен на душу. Эти семь лет как раз оказались временем протектората Кромвеля. Убедительности легенды способствовало то, что Протектор действительно умер ровно через семь лет после битвы при Вустере: 3 сентября 1651 г. – 3 сентября 1658 г. [там же].

Таким образом, основанные на фольклорной легенде тексты фиксируют разные мотивы продажи души дьяволу: для Иэна Рейнолдса целью является возможность весело и безбедно жить; Кромвель заключает сделку, желая получить власть; доктор Фауст – за возможность безграничного познания и проникновения в тайны мироздания, за земные наслаждения.

Другой сюжетный мотив, характерный для английского фольклора и отразившийся в легенде о Иэне Рейнолдсе, – это мотив сна в церкви. Сон как мистическое явление и как канал связи с потусторонним миром является мифологемой, идущей от архаических представлений. В древнегреческой мифологии есть божество Гипнос – персонификация сна, при этом он брат Танатоса, персонифицирующего смерть [Мифологический словарь, 1991, с. 156]. Сон может быть опасен, он является причиной болезни, потери рассудка и смерти. В легенде о Иэне Рейнолдсе мотив сна в церкви приближен к религиозным понятиям, актуальным для пуританской Англии: сон в святом месте – это пренебрежение религиозными

обязанностями, поэтому он призывает в мир темные силы, угрожая грешнику и целому приходу разрушениями и хаосом.

Заключение

Изучение двух исторических городских легенд позволяет сделать некоторые выводы о роли знаков культуры в их содержании.

Наиболее «сильная» мифологема, прослеживаемая в обеих легендах, может быть сформулирована как «потусторонние силы и их вторжение в жизнь людей». При этом потусторонние силы присутствуют в этих сюжетах в разных вариантах: Музыкант, пришедший в Гамельн, – воспринимается как «неизвестный и потому опасный, враждебный» и действительно оказывается носителем магической силы. В английской легенде мотив «чужого, пришельца» актуализируется как мифологема дьявола и связан с темой «продажи души дьяволу».

В обеих легендах присутствует также универсальный для мифологии мотив «обмана». В архаических мифах этот мотив не обязательно играет негативную роль, однако в гамельнской легенде обман бюргеров – отказ платить за избавление от нашествия крыс – инициирует разрушительное для города возмездие. В легенде о Иэне Рейнолдсе надежда на то, что дьявола удастся обмануть, заканчивается катастрофой для героя сюжета и для прихода.

Мотив «магической силы музыки», характерный для мифологий разных народов, актуализируется в легенде о гамельнском крысолове. Прослеживается также мотив «сна», с которым в мифах связаны формы пограничного состояния человека между мирами (между жизнью и смертью; причастность к сакральным тайнам, пророчество). В легенде о Иэне Рейнолдсе сон в святом месте приводит к тому, что дьявол получает над ним власть и уносит его в преисподнюю.

В легендах действуют также культурные символы, выражающие ценностные смыслы, которые превосходят непосредственное, «вещное» значение предметов и их наименований. Флейта крысолова воплощает магическую власть музыки и музыканта. Эксплицированы также элементы костюмного кода культуры [Ковшова, 2015]. Пестрая одежда флейтиста (в англоязычной традиции он остался под именем *Pied Piper* – «Пестрый дудочник») отличает его от обычной одежды горожан и вызывает их подозре-

ния. Дьявол в легенде о Иэне Рейнолдсе, как и в упомянутой легенде об О. Кромвеле, одет с ног до головы во все черное.

Таким образом, мифологемы и символы как часть культурного кода участвуют в создании смысла рассмотренных городских легенд. Значит, понимание легенд, как и аллюзии к их сюжетам и мотивам в произведениях литературы и искусства, требует культурной компетенции.

В плане лингвокультурологического и дискурсивного подхода интерес представляет сравнение старых городских легенд с более новыми и современными, а также с нарративами тьмы крайма и некоторыми литературными жанрами (например, готическая новелла, детектив, так называемые «байки»). В плане изучения современных форм коммуникации значимыми могут оказаться комментарии к текстам жанра, представленным в интернете.

Список литературы

Бертон Р. Анатомия меланхолии / перевод, статьи и коммент. А.Г. Ингера. – Москва : Прогресс–Традиция, 2005. – 832 с.

Евсюкова С. Гамельнский крысолов: откуда пошла легенда // Наука. Прошлое. Мировые. Легенды. – URL: https://www.mirf.ru/science/gamelnskij_krysolov_legenda (дата обращения: 10.05.2026)

Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке: костюмный код культуры. – Москва : Гнозис, 2015. – 368 с.

Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. – Москва : Гнозис, 2017. – 190 с.

Легенда о Иане Рейнолдсе. – URL: <https://www.google.com/search?q=%D0%BB%D0%B5%> (дата обращения: 10.05.2026).

Легенда о докторе Фаусте / изд. подготовил В.М. Жирмунский. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – 574 с.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и мир образов. – Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский; члены ред.-кол.: С.С. Аверинцев, В.В. Иванов, Р.В. Кинжалов, В.М. Макаревич и др. – Москва : Советская энциклопедия, 1991. – 736 с.

Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия. – Москва : Советская энциклопедия, 1980. – С. 311–315.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. – Москва : АСТ, 2026. – 224 с.

Jan Reynolds //Tales of Dartmoor. – URL: https://www.legendarydartmoor.co.uk/2016/03/25/jan_reynolds/ (дата обращения: 10.05.2026).

Vestergan R. A Restitution of Decayed Intelligence. – Antwerp, 1605. – 338 p.

References

- Berton R. *The Anatomy of Melancholy / Translation a. Comment by A.G. Inger*. Moscow: Progress-Traditsija, 2005. 832 p. (In Russian)
- Yevsjukova S. *The Rat-Catcher of Hamel'n: Where the Legend Came From*. In: *Science. The Past. Worlds. Legends*. – URL: https://www.mirf.ru/science/gamelnskij_krysolov_legenda (дата обращения: 10.05.2026)
- Kovshova M.L. *The Semantics of Headwear in Culture and Language: The Cultural Code of Dress*. Moscow: Gnozis, 2015. 368 p. (In Russian)
- Kovshova M.L., Gudkov D.B. *The Dictionary of Linguo-cultural Terms*. Moscow: Gnozis, 2017. 190 p. (accesses: 10.05.2026) (In Russian)
- The Legend of Ian Reynolds*, – URL: <https://www.google.com/search?q=%D0%BB%D0%B5%> (accessed: 10.05.2026) (In Russian) (In Russian)
- The Legend of Doctor Faust* / ed. by V.M. Zhirmunskij. Moscow; Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 574 p. (In Russian)
- Makovskij M.M. *Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: Image of the World and the World of Images*. Moscow : “Humanitarian Publishing Center VLADOS”, 1996. 416 p. (In Russian)
- Mythological Dictionary* / ch. editor Ye.M. Meletinskij; ed. board: S.S. Averintsev, V.V. Ivanov, R.V. Kinzhalov, V.M. Makarevich et al. Moscow : “Sovetskaya Entsiklopedia”, 1991. 736 p. (In Russian)
- Toporov V.N. *A Mountain*. In: *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*. Moscow: “Sovetskaya Entsiklopedia”, 1980. Pp. 311–315. (In Russian)
- Yung K. Archetypes and the Collective Unconscious. Moscow : AST, 2026. 224 p. (In Russian)
- Jan Reynolds*. In *Tales of Dartmoor*. – URL: <https://www.legendarydartmoor.co.uk/>: 2016/03/25/jan_reynolds/ (accesses: 10.05.2026).
- Vestergan R. *A Restitution of Decayed Intelligence*. Antwerp, 1605. 338 p.

Огнева Е.А.¹

**КИНЕМНЫЕ КООРДИНАТЫ ИНФОРМАТИВНОГО КОДА
В УТОПИИ Ф. БЭКОНА «НОВАЯ АТЛАНТИДА»**

Аннотация. В статье рассматривается функционирование текстового информативного кода в архитектонике утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида». Интерпретируется кинемный сегмент информативного кода в формате такого динамичного лингвоконструкта, как текстовая когнитивная сцена. Впервые выявляется существование кинемной текстовой когнитивной сцены, представляющей собой совокупность кинем в качестве коммуникативных информативных импульсов в модели сцены. Предлагается типология кинемных текстовых сцен. Впервые устанавливается тот факт, что посредством одновекторности текстовых когнитивных сцен модулируется текстовая информативная дистантность в архитектонике утопии Ф. Бэкона. Устанавливается спектр кинемных координат в моделях когнитивных сцен в утопии, маркирующих информативную триаду «предостережение (недоверие к путешественникам) – приветствие – дружественные действия островитян по отношению к путешественникам», что способствует развитию концепции интерпретативного моделирования координат текстового информативного кода.

Ключевые слова: информативный код; моделирование; интерпретация; кинемная текстовая когнитивная сцена; кинемные координаты.

Для цитирования. Огнева Е.А. Кинемные координаты информативного кода в утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида» // Социальные и

¹ © Огнева Е.А., 2026

Огнева Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующая кафедрой иностранных языков. E-mail: ogneva@bsuedu.ru

гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 4. – С. 70–83. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.05

Поступила в редакцию: 23.06.2026.

Принята к публикации: 30.07.2026.

Ogneva E.A.*

KINEMES COORDINATES OF THE INFORMATIVE CODE IN FRANCIS BACON'S UTOPIA "THE NEW ATLANTIS"

Abstract. The article examines the functioning of the textual informative code in the architectonics of F. Bacon's utopia "The New Atlantis". The kinematic segment of the informative code is interpreted in the format of such a dynamic linguistic construct as a textual cognitive scene. For the first time, the existence of a kinematic textual cognitive scene is revealed, which is a unit of kinemes as communicative informative impulses in the scene model. A typology of kinematic text scenes is proposed. For the first time, it is established that the textual informative distance in the architectonics of F. Bacon's utopia is modulated through the unidirectional nature of textual cognitive scenes. A spectrum of kinemes coordinates is established in the models of cognitive scenes in the utopia, marking the informative triad of "warning (distrust of travelers) – greeting – friendly actions of the islanders towards travelers", which contributes to the development of the theory of interpretive modeling of the coordinates in the textual informative code.

Keywords: informative code; modeling; interpretation; kinemes; textual cognitive scene; kinemes coordinates.

For citation: Ogneva E.A. Kinemes Coordinates of the Informative Code in Francis Bacon's Utopia "The New Atlantis" // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 4. – P. 70–83. DOI: 10.31249/ling/2026.04.05

Received: 23.06.2026.

Accepted: 30.07.2026.

* Ogneva Elena Anatolievna – Doctor of Philology, professor. Belgorod State National Research University, Head of the Department of Foreign Languages; E-mail: ogneva@bsuedu.ru

Введение

Одним из актуальных вопросов современного языкознания видится развитие концепции интерпретативного моделирования текстового информативного кода с учетом того факта, что текст рассматривается как «комплексный, целостный когнитивно-дискурсивный конструкт линейного характера, все компоненты которого в совокупности репрезентируют коммуникативную интенцию писателя» [Огнева, 2017, с. 113] в качестве многовекторного модульного формата.

Интерпретативное моделирование текстового информативного кода сопряжено с мнением Н.Ф. Алефиренко о том, что художественный мир – это «опосредованное отражение реальной действительности в виде переживаемых автором доминантных для данной лингвокультуры духовных ценностей» [Алефиренко, Шахпутова, 2023, с. 74], формирующих аттрактивную сетку художественного произведения, в котором доминантные духовные ценности лингвокультуры функционируют в качестве аттракторов.

Процесс осмысления доминантных духовных ценностей лингвокультуры в русле интенционального вектора писателя приводит к созданию многовекторной модульной текстовой модели на основе актуализации информативного кода, часть номинантов которого приобретают статус аттракторов.

Построение многовекторной модели интенции писателя зиждется на том факте, что миромоделирование представляет собой, по мнению С.Л. Кушнерук, «контекстуально обусловленный процесс и результат конструирования реальности» [Кушнерук, 2024, с. 443].

В рамках разрабатываемой концепции интерпретативного моделирования текстового информативного кода установлено, что текстовая проекция конструирования реальности наряду с созданием вымышленного текстового мира функционируют в виде совокупности информативов текстового информативного кода.

Цель статьи – представить авторскую концепцию интерпретативного моделирования текстового информативного кода в виде функциональной проекции модульного формата кинемных координат кода в утопии Ф. Бекона «Новая Атлантида».

В работе применена следующая триада исследовательских методов:

(1) лингвистический анализ, направленный на выявление кинем в архитектонике исследуемой утопии, способствовал созданию картотеки разнотематических кинем;

(2) интерпретативный анализ кинем, формирующий таксономическую проекцию модульного формата кинемных координат в тексте утопии, позволил впервые представить спектр кинемных координат произведения Ф. Бэкона в виде таксономической проекции;

(3) метод моделирования текстовых конструктов, создающий модель кинемных координат информативного кода в утопии, способствовал систематизации разнотематических кинем в виде координат информативного кода в утопии Ф. Бэкона.

Материалом исследования послужил текст утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида», английского философа и политика последней четверти XVI и первой четверти XVII в., родоначальника философии Нового времени. Утопия была написана примерно в 1623 г. и опубликована в 1627 г. как результат философских размышлений Ф. Бэкона о возможностях науки по превращению знаний в производственные силы общества.

Выбор материала исследования обусловлен тем, что утопии, в целом, и утопия «Новая Атлантида», в частности, оказали значимое влияние на формирование в английском обществе нового мировоззрения в первой половине XVII в. Содержание утопии «Новая Атлантида» представляет читателю образ идеального правления в развитом социуме, привлекает и удерживает внимание читателя посредством разнотематических аттракторов, среди которых в данной статье представлены кинемные аттракторы в качестве координат. Архитектоника утопий предоставляет богатый материал для построения интерпретативных моделей текстового информативного кода, что коррелирует с мнением В.А. Масловой о том, что «язык художественных произведений часто правдивее говорит о своей эпохе, чем исторические тексты» [Маслова, 2025, с. 258].

Моделирование текстового информативного кода в утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида»

В современной научной парадигме уделяется значимое внимание тексту [Жирова, Епифанцева, Савченко, 2026; Федотова, 2018]. В ракурсе исследований текстовой проекции реальности наряду с текстовой моделью вымышленного мира актуальным предстает вопрос интерпретации текстового информативного кода, создаваемого в процессе интенционально маркированного кодирования в формате текстовых информативных конструктов, ядра ко-

торых функционируют как «текстовые когнитивные аттракторы» [Даниленко, 2022, с. 10].

Исследование процесса моделирования текстового информативного кода утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида» показывает, что данный процесс встроен в алгоритм, включающий «биосоциальную (т.е. коллективную) сущность человека в качестве основы моделирования языка» [Карасик, 2022, с. 31] вследствие того, что информативы кода приобретают аттрактивные качества в ракурсе того фактора, что «обладают смыслом только в той мере, в какой интерпретируются читателями / слушателями, опирающимися на знание мира» [Демьянков, 2007, с. 94]. Аттрактивные информативы предстают в качестве координат художественного текста [Fiction cognitive coordinates, 2014].

Моделирование текстового информативного кода реализуется в свете развития идеи Ю.М. Лотмана о том, что «получая некоторое художественное сообщение, по тексту которого еще предстоит выработать код для его дешифровки, воспринимающий строит определенную модель» [Лотман, 1970, с. 36]. Эта модель информативного кода, выстроенная читателем художественного произведения, может совпадать с заложенной в тексте интенциональной моделью писателя или отличаться.

Степень совпадения двух моделей информативного кода писателя-читателя предопределяется количеством совпадающих текстовых когнитивных аттракторов, тематические свойства которых функционируют в рамках таких модульных сегментов общей текстовой кодовой модели, как: проксемный модуль, темпоральный модуль, лингвокультурный модуль, кинемный модуль, такемный модуль, сенсемный модуль, колоративный модуль, глуттонимический модуль, социокультурный модуль, эмотивный модуль.

В процессе модульного моделирования текстового информативного кода утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида», были выявлены все перечисленные модули, объем которых различен, поскольку предопределен сюжетно-тематической рамкой произведения и интенцией Ф. Бэкона.

Кинемный модуль текстового информативного кода утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида»

Рассмотрение спектра модульности в модели текстового информативного кода предоставляет детальные данные о свойствах кодируемой интенционально маркированной информации. Иссле-

дование кинемного модуля в модели текстового информативного кода утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида» показало наличие маркеров различных тематических жестов, что коррелирует с мнением М.И. Киосе о том, что «в качестве репрезентирующих может рассматриваться обширный класс жестов» [Киосе, 2026, с. 170].

Существуют репрезентирующие жесты, к которым по мнению С. Кита, относятся абстрактные дейктические жесты [Kita, 2000], указывающие на пустое пространство, обозначая предмет, отсутствующий в этом видимом пространстве. В дальнейшем, в продолжении развития идей С. Кита, была представлена интерпретация мануальных жестов, обозначающих траекторию движения и нахождение предмета в пространстве [Representational Gestures Help Speakers Package Information for Speaking, 2017], что отражается в ракурсе функционирования текстового информативного кода в виде кинем в рамках концепции интерпретативного моделирования координат информативного кода с учетом того факта, что по мнению Л.В. Бабиной, «ситуация мимического движения может получать в тексте различное осмысление» [Бабина, 2019, с. 389].

Было установлено, что в качестве координат текстового информативного кода предстает часть кинемных текстовых когнитивных аттракторов сюжетно-тематической сетки произведения.

Рассмотрение способов функционирования кинемных текстовых когнитивных аттракторов показало, что определенная часть аттракторов реализована в таком динамичном информативном лингвоконструкте, как текстовая когнитивная сцена. Данный лингвоконструкт рассматривается в качестве триады функциональных маркеров, а именно номинантов коммуникантов, коммуникативных информативных импульсов и фонового терминала. Фоновый терминал может быть нулевым.

Исследование текстовых когнитивных сцен в архитектонике текста утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида» выявило тот факт, что информация, представленная в виде кинем, позволяет впервые обозначить данный тип сцен как «кинемные текстовые когнитивные сцены».

Рассмотрение архитектоники утопии способствовало построению следующей типологии кинемных текстовых когнитивных сцен:

- (1) кинемная текстовая когнитивная сцена предостережения;
- (2) ритуальная кинемная текстовая когнитивная сцена;
- (3) кинемная текстовая когнитивная сцена приветствия;
- (4) кинемная текстовая когнитивная сцена действий.

Далее представлены интерпретативные модели некоторых текстовых когнитивных сцен утопии.

Кинемная текстовая когнитивная сцена предостережения

Пример (1): *“The people with bastons in their hands forbidding us to land”* [Bacon, 2026, p. 3] / «Люди с дубинками в руках запрещают нам высадиться на берег».

В рассматриваемой модели кинемной текстовой когнитивной сцены предостережения выявлено сопряжение кинемы и описания ее коммуникативного символа предостережения, тем самым выстраивается двухуровневая передача информации читателю. Данная сцена одновекторная, поскольку ее информация направлена только от жителей страны к путешественникам, от лица которых описывается сцена.

Специфика текстовой когнитивной сцены заключена в том, что кинема представляет собой номинацию универсального жеста предостережения (применяемого в различных культурах), который можно рассматривать в качестве вневременного типа жестов, так как его информация кодируется и декодируется идентично на протяжении всей истории развития разнوکультурных социумов.

Следовательно, кинема функционирует как кинемная координата в информативном коде утопии Ф. Бэкона.

Пример (2): *“Without any cries of fierceness, but only as warning us off, by signs they made”* [Bacon, 2026, p. 3] / «Без каких-либо яростных криков, а только для того, чтобы предостеречь нас знаками, которые они делали».

В данной модели кинемной текстовой когнитивной сцены предостережения представлена обобщенная кинема «знаки, которые они делали», содержание которой актуализируется в зависимости от контекста употребления. Контекст в рассматриваемой модели представлен в фоновом терминале, в номинанте «чтобы предостеречь нас». Фоновый терминал двусоставный, поскольку состоит из двух номинантов, таких как: (а) сенсема «без каких-либо яростных криков», которая номинирует уравновешенный характер и цивилизационные принципы жителей описываемого в утопии острова, и (б) коммуникативная кинема «чтобы предостеречь нас», которая функционирует как кинемная координата, поскольку обозначает границы коммуникации в архитектонике утопии.

Таким образом, кинемы в кинемных текстовых когнитивных сценах предостережения, обозначая границы двух социумов, отображенных в утопии, функционируют в качестве координат в модели текстового информативного кода утопии.

Ритуальные кинемные текстовые когнитивные сцены

Пример (3): *“One of them had in his hand a tipstaff of a yellow cane”* [Bacon, 2026, p. 3] / «Один из них держал в руке набалдашник желтой трости».

В рассматриваемой ритуальной кинемной текстовой когнитивной сцене коммуникативный информативный импульс локализован в точке соприкосновения руки жителя острова с набалдашником трости желтого цвета, где трость желтого цвета предстает ритуальной лингвокультуремой. Символика желтого цвета в Англии начала XVII в., когда была создана утопия, полярна, т.е. желтый цвет обозначает и положительные, и отрицательные социофакторы. С одной стороны, желтый цвет интерпретировался как солнечный цвет и как плодородие, номинировал аристократический уклад жизни, но, с другой – обозначал трусость и болезнь. Здесь актуализировано первое, положительное символическое значение желтого цвета в номинации ритуальной лингвокультуры.

Пример (4): *“Person lifted up his right hand towards Heaven and drew it softly to his mouth (which is the gesture they use when they thank God)”* [Bacon, 2026, p. 4] / «Человек поднял правую руку к Небу и мягко поднес ее ко рту (это жест, который они используют, когда благодарят Бога)».

Специфика данной ритуальной текстовой когнитивной сцены заключается в том, что в когнитивный лингвоконструкт входит три типа коммуникантов: сакральный коммуникант Бог, к которому обращается житель острова, житель острова и путешественники как сторонние наблюдатели.

В рассматриваемой сцене репрезентирована информативная динамика посредством двух последовательных кинем. Первая кинема-религионим «поднял правую руку к Небу» как маркер ритуальной коммуникации соединяет два мира, т.е. два пространства, Небесный мир и земной. Вторая кинема «мягко поднес ее ко рту» номинирует ритуальную традицию жителей острова. Фоновый терминал сцены «это жест, который они используют, когда благодарят Бога» маркирует путешественников, которым известна информация о символической сути данного жеста. Следовательно, дан-

ная ритуальная кинемная текстовая когнитивная сцена репрезентирует актуализацию духовной ценности «вера» посредством двух кинем, номинирующих сакральные жесты.

Таким образом, ритуальные кинемные текстовые когнитивные сцены утопии, как и вышерассмотренные кинемные текстовые когнитивные сцены предостережения, проводят границу между двумя социумами, реальным социумом, в котором жил Ф. Бэкон, и вымышленным идеальным социумом острова Бенсалем, тем самым, кинемы в данных когнитивных сценах в утопии функционируют в качестве координат модели текстового информативного кода.

Кинемная текстовая когнитивная сцена приветствия

Пример (5): *“We bowed ourselves towards him”* [Bacon, 2026, p. 4] / «Мы поклонились ему».

В данной кинемной текстовой когнитивной сцене представлен одновекторный коммуникативный информативный импульс, номинирующий уважение путешественников к Хранителю здоровья города. Кинема имеет универсальный характер, поскольку применяется во многих культурах как символ почтения. Следовательно, кинема культурно маркирована.

Выявление факта репрезентации уважения посредством кинем в рассматриваемой утопии подчеркивает значимость данного типа информативных текстового информативного кода «при выражении благосклонности к собеседнику, вежливости или радости» [Трофимова, 2021, с. 194].

Грамматическая форма номинантов “we” и “him” указывает на тот факт, что несколько путешественников присутствовало во время встречи с Хранителем здоровья города, т.е. местоимения маркируют коммуникантов в модели данной сцены.

Пример (6): *“Put their arms a little abroad, which is their gesture when they did bid any welcome”* [Bacon, 2026, p. 5] «Слегка разведя руки в стороны, они делают это в знак приветствия».

В рассматриваемой кинемной текстовой когнитивной модели приветствия выявлена номинация жеста приветствия, которая характерна не для всех культур. Тем самым Ф. Бэкон маркировал посредством данной кинемы стиль приветствия жителей острова Бенсалем, что придало данной кинеме статус координаты в модели архитектоники утопии.

Рассматриваемая кинемная текстовая когнитивная модель одновекторна, поскольку коммуникативный информативный импульс исходит только от островитян в адрес путешественников, мнение которых репрезентировано в фоновом терминале сцены в виде пояснения с описанному жесту «они делают это в знак приветствия».

Пример (7): “*We of our parts saluted him in a very lowly and submissive manner*” [Bacon, 2026, p. 6] / «Мы, со своей стороны, приветствовали его в очень скромной и покорной манере».

В данной кинемной текстовой когнитивной модели приветствия выявлен социокультурный статус кинемы, поскольку путешественники в стиле приветствия показали свое подчиненное положение по отношению к прибывшему к ним представителю руководства острова Бенсалем.

Таким образом, наряду с координатными свойствами проведения границы между двумя социумами, выявленными в кинемной текстовой когнитивной модели предостережения и в ритуальной кинемной текстовой когнитивной модели, в третьем типе модели когнитивной сцены, в кинемной текстовой когнитивной модели приветствия, кинемы, маркирующие приветствие, функционируют также в качестве координат.

Кинемные текстовые когнитивные сцены действий

Пример (8): “*Drew forth a little scroll of parchment*” [Bacon, 2026, p. 3] / «Вытащил маленький свиток пергамента».

Рассматриваемая кинема включает в свой состав лингвокультуре пергамент, которая темпорально маркирована и указывает читателю на древность изложенной на пергаменте информации. Форма свитка обозначает небольшой объем информации.

Следовательно, в данной текстовой когнитивной сцене культурно маркированная кинема указывает на сохранение традиций на острове, куда прибыли путешественники, поэтому в архитектонике утопии она играет роль кинемной координаты, характеризуя бережное отношение социума к прошлому своей страны и острова.

Пример (9): “*came the Notary to us aboard our ship; holding in his hand a fruit of that country, like an orange*” [Bacon, 2026, p. 4] / «...приехал Нотариус на наш корабль, держа в руке фрукт этой страны, похожий на апельсин».

В рассматриваемой кинемной текстовой когнитивной сцене действий кинема обозначает приветственную традицию жителей

острова Бенсалем. В состав кинемы входит номинация растительного мира острова, т.е. указание на произрастающий фрукт. Данная кинема маркирует дружелюбный настрой жителей острова, поскольку на корабль прибыл Нотариус с даром.

Таким образом, семантика кинемы маркирует ее в качестве коммуникативной кинемной координаты в модели информативного кода утопии.

Пример (10): “*When we offered him some pistols, he smiling said...*” [Васон, 2026, р. 4] / «Когда мы предложите ему несколько пистолей, он, улыбаясь, сказал...».

Данная кинемная текстовая когнитивная сцена двухвекторная, поскольку первая культурно маркированная кинема сопровождается кинемой, маркирующей мимический жест улыбки. В составе первой кинемы выявлена историческая номинация денег «пистоль», обозначавшая в начале XVII-го в. золотую монету, равную по весу испанскому пистолу. Номинация денег «пистоль» применялась во Франции для обозначения испанской монеты, равной двум эскудо, но в начале XVII-го в. номинация распространилась в некоторых странах Европы для обозначения золотых монет. Вторая кинема в качестве ответного коммуникативного импульса показывает на тот факт, что прибывший на корабль Нотариус относился к золотым монетам равнодушно.

Таким образом, кинемные текстовые когнитивные сцены действия, характеризующие специфику коммуникации между путешественниками и жителями острова Бенсалем, состоят из кинем, выполняющих роль координат в текстовом информативном коде утопии.

Заключение

Рассмотрение архитектуры утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида» посредством применения принципов авторской концепции интерпретативного моделирования текстового информативного кода позволило представить спектр кинемных координат произведения Ф. Бэкона в виде таксономической проекции аттракторов и выявить специфику функционирования кинемных координат, которая заключается в следующей тематической триаде: предостережение (недоверие к путешественникам) – приветствие – дружественные действия островитян по отношению к путешественникам.

Следовательно, интерпретация свойств кинемных координат текстового информативного кода определила коммуникативную траекторию от недоверия, до дружеских действий, которые, тем не менее, оставили два социума в их границах.

Выявлено, что кинемные координаты текстового информативного кода реализованы в форматах текстовых когнитивных сцен, преимущественно, одновекторных, что указывает на дистанцию между двумя мирами, реальным миром, в котором жил Ф. Бэкон, и его вымышленным миром «Новой Атлантиды», тем самым, впервые установлен тот факт, что посредством одновекторности текстовых когнитивных сцен модулируется текстовая информативная дистантность.

В работе впервые обосновано существование кинемных текстовых когнитивных сцен и представлена их типология: (1) кинемная текстовая когнитивная сцена предостережения, (2) ритуальная кинемная текстовая когнитивная сцена, (3) кинемная текстовая когнитивная сцена приветствия, (4) кинемная текстовая когнитивная сцена действий.

Перспектива исследования заключается в возможности экстраполяции предложенного в работе интерпретативного подхода к выявлению и описанию кинемных координат текстового информативного кода в когнитивных сценах иных утопий, что позволит выявить спектр аттрактивных координат жанра утопии.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф., Шахпуртова З.Х. Художественный дискурс в свете этнокультурной интерпретации текста // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Филология. – 2023. – Т. 136, № 3. – С. 71–83.

Бабина Л.В. Механизмы интерпретации мимического движения // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 388–392.

Даниленко И.А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 1. – С. 6–13.

Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Вопросы филологии. – 2007. – № S1. – С. 86–95.

Жирова И.Г., Епифанцева Н.Г., Савченко Е.П. Текст в современной научной парадигме. – Москва : Русайнс, 2026. – 120 с.

Карасик В.И. Моделирование функций языка // Язык и культура. – 2022. – № 58. – С. 29–42.

Киосе М.И. Репрезентирующие жесты и их роль в полимодальных конструкциях экспозиторного монолога // Когнитивные исследования языка. – 2026. – № 1 (66). – С. 169–173.

Кушнерук С.Л. Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат // Russian Journal of Linguistics. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 439–465.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – Москва : Искусство, 1970. – 387 с.

Маслова В.А. Интегративная лингвистика как новая область исследования языка // Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху больших языковых данных: сборник трудов Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой. – Калуга, 2025. – С. 257–263.

Огнева Е.А. Особенности пространственной модели «Новая Атлантида» в архитектонике утопии Ф. Бэкона // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 3 (63). – С. 113–119.

Трофимова Н.А. Сенсемы и кинемы как маркеры невербального кода публицистического дискурса (на материале The New York Times) // Филология и новое знание: сборник материалов I Российской научной конференции с международным участием. – Белгород, 2021. – С. 192–197.

Федотова О.С. Структура метадискурса англоязычного художественного нарратива // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 593–596.

Bacon Fr. The New Atlantis. The World of Free Plain Vanilla Electronic Texts. – URL: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext00/-nwat11h.htm> (succeeded 07.07.2026).

Fiction Cognitive Coordinates / Ogneva E.A., Kutsenko A.A., Kireeva Y.I., Besedina I.G., Danilenko I.A. // Journal of Language and Literature. – 2014. – Т. 5, № 4. – P. 51–54.

Kita S. How Representational Gestures Help Speaking // Language and Gestures / ed. by D. McNeill. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – P. 162–185.

Representational Gestures Help Speakers Package Information For Speaking / Alibali M.W., Yeo A., Hostetter A.S., Kita S. // Why Gesture? How the Hands Function in Speaking Thinking and Communicating. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Comp., 2017. – P. 15–38.

References

Alefirenko N.F., Shakhputova Z.Kh. *Artistic Discourse in the Light of Ethnocultural Interpretation of the Text*. In: *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Philology*. 2023. Vol. 136. N 3. Pp. 71–83. (In Russian)

Babina L.V. *Mechanisms of Interpretation of Facial Movement*. In: *Cognitive Research of Language*. 2019. N 37. Pp. 388–392. (In Russian)

Danilenko I.A. *The Role of Textual Cognitive Attractors in Building Varied Textual Worlds*. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2022. N 1. Pp. 6–13. (In Russian)

Demyankov V.Z. *Text and Discourse as Terms and as Words of Everyday Language*. In: *Issues of Philology*. 2007. N 1. Pp. 86–95. (In Russian)

**Кинемные координаты информативного кода в утопии Ф. Бэкона
«Новая Атлантида»**

Zhirova I.G., Epifantseva N.G., Savchenko E.P. *Text in the Modern Scientific Paradigm*. Moscow : Rusains, 2026. 120 p. (In Russian)

Karasik V.I. *Modeling the Functions of Language*. In: *Language and Culture*. 2022. N 58. Pp. 29–42. (In Russian)

Kiose M.I. *Representational Gestures and Their Role in Polymodal Constructions of Expository Monologue*. In: *Cognitive Research of Language*. 2026. N 1 (66). Pp. 169–173. (In Russian)

Kushneruk S.L. *Research Directions of World Modeling in Russian Linguistics: Paradigmatic Framework and Conceptual Framework*. In: *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 28, N 2. Pp. 439–465. (In Russian)

Lotman Yu.M. *The Structure of a Literary Text*. Moscow : Iskusstvo, 1970. 387 p.

Maslova V.A. *Integrative Linguistics as a New Field of Language Research*. In: *Problems of Semantics and Pragmatics of Language Units at Different Levels in the Era of Big Language Data*: Collection of Papers of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Olga Pavlovna Ermakova, Doctor of Philology, Professor. Kaluga, 2025. Pp. 257–263. (In Russian)

Ogneva E.A. *Features of the Spatial Model “The New Atlantis” in the Architectonics of F. Bacon’s Utopia*. In: *Humanitarian Research*. 2017. N 3 (63). Pp. 113–119. (In Russian)

Trofimova N.A. *Sensems and Kinems as Markers of the Non-Verbal Code of Journalistic Discourse (Based on The New York Times)*. In: *Philology and New Knowledge*: Collection of Materials from the I Russian Scientific Conference with International Participation. Belgorod, 2021. Pp. 192–197. (In Russian)

Fedotova O.S. *The Structure of the Metadiscourse of English-Language Fiction Narratives*. In: *Cognitive Research of Language*. 2018. N 34. Pp. 593–596. (In Russian)

Bacon Fr. *The New Atlantis. The World of Free Plain Vanilla Electronic Texts*. URL: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext00/-nwatl11h.htm> (accessed: 07.07.2026).

Fiction Cognitive Coordinates / Ogneva E.A., Kutsenko A.A., Kireeva Y.I., Besedina I.G., Danilenko I.A. In: *Journal of Language and Literature*. 2014. T. 5, N 4. Pp. 51–54.

Kita S. *How Representational Gestures Help Speaking* / ed. by D. McNeill. In: *Language and Gestures*. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. Pp. 162–185.

Representational Gestures Help Speakers Package Information for Speaking / Alibali M.W., Yeo A., Hostetter A.S., Kita S. In: *Why Gesture? How the Hands Function in Speaking, Thinking and Communicating*. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Comp., 2017. Pp. 15–38.

УДК: 811.163.6

DOI: 10.31249/ling/2026.04.06

Фадеева Г.М.¹

КОМПЛЕКСНЫЕ АМБИВАЛЕНТНЫЕ ПОНЯТИЯ «РОДИНА», «МИГРАЦИЯ» И «ИДЕНТИЧНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые для современного немецкого общества понятия «родина», «миграция» и «идентичность», которые являются частью научного, общественного и повседневного дискурсов немецкого языка. Такие понятия определяются автором как амбивалентный культурный комплекс, который проходит через сменяющие друг друга эпохи, сохраняя определенную инвариантность несмотря на неизбежные исторические трансформации. Изучение функционирования подобных слов в определенную историческую эпоху вносит вклад в понимание этой эпохи.

Ключевые слова: родина; идентичность; амбивалентный культурный комплекс; историческая семантика; идеологический вокабуляр.

Для цитирования: Фадеева Г.М. Комплексные амбивалентные понятия «родина», «миграция» и «идентичность» в современном немецком обществе как объект междисциплинарных исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 4. – С. 84–97. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.06

¹ © Фадеева Г.М., 2026

Фадеева Галина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка Московского государственного лингвистического университета, Заслуженный профессор МГЛУ; galina_fadeeva@rambler.ru

Поступила в редакцию: 29.06.2026.

Принята в печать: 30.07.2026.

Fadeeva G.M.*

**COMPLEX AMBIVALENT CONCEPTS OF “HOMELAND”,
“MIGRATION”, AND “IDENTITY” IN CONTEMPORARY
GERMAN SOCIETY AS AN OBJECT OF
INTERDISCIPLINARY RESEARCH**

Abstract. The article examines the concepts of “homeland”, “migration”, and “identity”, which are key to modern German society and are part of the scientific, public, and everyday discourses of the German language. The author defines these concepts as an ambivalent cultural complex that has evolved through different eras, maintaining a certain level of invariance despite the inevitable historical transformations. Studying the functioning of these words in a particular historical era contributes to understanding that era.

Keywords: homeland; identity; ambivalent cultural complex; historical semantics; ideological vocabulary.

For citation: Fadeeva G.M. Complex Ambivalent Concepts of “homeland”, “migration”, and “identity” in Contemporary German Society as an Object of Interdisciplinary Research // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 4. – Pp.84–97. DOI: 10.31249/ling/2026.04.06

Received: 29.06.2026.

Accepted: 30.07.2026.

Статья посвящена вопросу трансформаций в значении и содержании некоторых ключевых понятий эпохи в современном немецком обществе за последние 10 лет. Вопрос рассматривается на материале культурного комплекса «родина» (Heimat) и тесно связанных с ним понятий «миграция» и «идентичность».

Исследование базируется на анализе научных публикаций зарубежных и отечественных авторов с привлечением актуальных публикаций СМИ и художественной литературы. Статья является

* Fadeeva G.M. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language at Moscow State Linguistic University, Honored Professor of Moscow State Linguistic University; galina_fadeeva@rambler.ru

продолжением работы автора в данном направлении, результаты которой были опубликованы ранее [Фадеева, 2017; Фадеева, 2018]. В ходе подготовки статьи использовались системный, причинно-следственный и ситуационный анализы, т.е. данные понятия рассматриваются в контексте, в конкретной лингвокультурной и коммуникативной ситуации с учетом ее динамики и причинно-следственной связи.

В фокусе статьи не только радикальные изменения современного немецкого общества как следствие интенсивной миграции, но и вопрос, соответствуют ли представления экспертов двадцатилетней давности сегодняшнему состоянию немецкого общества и можно ли говорить об определенной трансформации исследуемых понятий и их значимости в этом обществе. Приведем один пример: в 2001 г. (т.е. 25 лет назад) вышел сборник статей ученых и политиков по результатам работы так называемой «Комиссии будущего» (Zukunftskommission 2000) под названием «Von der Risikogesellschaft zur Chancengesellschaft. Studien zur Zukunft der Bundesrepublik» («От общества рисков к обществу возможностей. Исследования о будущем объединенной Германии»). Этот проект стал поводом для упоминания Комиссии будущего в публичном дискурсе того времени. Задача комиссии в аннотации к сборнику сформулирована следующим образом:

«В условиях экономических, социальных и культурных изменений, которые можно описать такими ключевыми словами, как глобализация, цифровизация и демографические изменения, перед Комиссией стояла задача разработать стратегии укрепления сплоченности в нашем обществе и заново открыть источники чувства общности и солидарности. Целью комиссии было показать пути позитивного изменения этой переломной ситуации, с которой должно столкнуться наше общество» [Von der Risikogesellschaft zur Chancengesellschaft, 2001]. (Перевод здесь и далее. – Г. Ф.)

Спустя 25 лет эти слова звучат по-прежнему актуально. Глобализация, социальная сплоченность, солидарность, демографические изменения все эти слова в настоящее время являются часто используемой формулой политической риторики в Германии. Но хотя слова остались прежними, их значение и содержание за последние годы во многом изменились. Это нередко происходит с так называемыми «ключевыми словами эпохи», «словами-лозунгами».

Причина в том, что язык, как и общество, постоянно развивается. Понятия, которые являются ключевыми для определенного

периода жизни общества, являются частью научного, общественного и повседневного дискурсов и лексикона немецкого языка. Они формируются и обсуждаются в (лингво)культурологии, политологии, социальных науках и истории, но часто именно такие понятия подвержены конъюнктуре и трансформациям (расширению или сужению значения, изменению оценочного компонента и др.). На определенном историческом этапе они закрепляются в языке, обладают высокой частотностью употребления, но со временем частично меняют свое значение, приобретают иную коннотацию и даже могут стать табуированными и исчезнуть. Это становится очевидным при изучении лексикографических и справочных изданий разных лет, что позволяет заглянуть в историю появления, трансформаций и исчезновения отдельных понятий.

Показателен следующий пример последних лет: в январе 2021 г. Комиссия по интеграционному потенциалу при Федеральном правительстве Германии (Fachkommission Integrationsfähigkeit) рекомендовала исключить из своего лексикона понятие *Migrationshintergrund* («миграционный фон») [Begriffe der Gegenwart, 2022]. Когда-то этот неологизм, впервые употребленный в 90-е годы XX в. эссенским профессором педагогики У. Боос-Нюннинг (Boos-Nünning), которая просто перевела на немецкий язык английское *migration background*, считался абсолютно политически корректным по отношению к огромному количеству сограждан с таким миграционным фоном в истории семьи и отражал демократизирующую концепцию интеграции. Однако в 2021 г. он стал рассматриваться как негативно заряженный термин и понимается теперь как исключение части граждан из равноправного общества, их эксклюзия (*Ausgrenzung*). График частотности в электронном словаре немецкого языка (DWDS) также иллюстрирует резкое снижение употребления этого слова к 2025 г.

Понятие «*Migrationshintergrund*» также относится к ключевым словам эпохи, т.е. амбивалентным культурным комплексам, которые являются объектом нашего исследования. Долгое время самоописание нации придерживалось традиционного идеала родины, т.е. создавало однородное пространство, в котором жители на одной территории говорили на одном языке, имели одну религию и один язык, разделяли культуру друг друга и считали себя потомками общей истории. Даже краткое определение «родина» в немецком языке показывает, что это многогранное понятие с долгой историей, которое в течение XIX в. стало пониматься как политическое, символическое и эмоциональное – место, по которому тос-

кую. То, что вызывает чувство родины, в первую очередь связано с личным восприятием и опосредовано культурой: определенный пейзаж, отношения с другими людьми, воспоминание о детстве и др. Сегодня немецкое общество очень далеко от этой универсальной модели.

В настоящее время в Германии количество местных жителей из семей иммигрантов составляет 26% населения. Конечно, статистические данные быстро меняются в современном политическом контексте. По состоянию на 4 октября 2025 г., как пишут издания, в реестре Центров по делам иностранцев было зарегистрировано в общей сложности почти 1,35 млн человек, которые прибыли в Германию с февраля 2022 г. из одной только Украины^{1,2}.

Развитие разных видов миграции и углубление демографических изменений в Германии будет продолжаться, в том числе в связи с более высоким уровнем рождаемости в семьях иммигрантов, и является частью долгосрочной трансформации общества, которая началась давно и к которой необходимо приспособиться. Сегодня в высшем руководстве Германии считают необходимым признать данную историческую перспективу как факт и принять ее как коллективную задачу, чтобы иметь возможность влиять на эти процессы.

В подтверждение данной позиции политической элиты Германии приведу отрывок из речи нынешнего президента ФРГ Ф.-В. Штайнмайера, которую он произнес на открытии культурного комплекса «Форум Гумбольдтов» в Берлине 22 сентября 2021 г.:

«Здесь в Берлине мир сегодня не только в гостях. Слова *Мир здесь дома* звучат почти как прекрасный рекламный слоган, но означают глубокие изменения. Люди из Турции, Италии, Греции, Испании и Португалии, из Ирана, Ирака, Афганистана и Сирии, из Нигерии, Конго и Сомали, из Азии, Северной и Южной Америки, из всех частей света живут сегодня в Германии, во многом стали немцами. Они являются частью того, что сегодня означает *немецкий*. Они являются частью нашей национальной идентичности, частью активного гражданского общества, участвующего в деба-

¹ (URL:<https://www.ren.tv/news/v-mire/>) (дата обращения: 29.06.2026).

² Подробно о проблемах и трендах современной миграции в Германии и расширении понятий миграции и (им)мобильности см.: [Надеждин, 2022; Мишук, 2025].

тах. Они не люди с миграционным прошлым – мы страна с миграционным прошлым»¹.

В условиях интенсивной миграции, имеющей разные причины и формы (бегство, изгнание, профессиональная миграция, т.е. перемещение людей, связанное с работой и карьерой и т.д.), понятие «родина» приобрело новое, транснациональное и трансисторическое значение. Слово «родина», которое стало использоваться в немецком языке во множественном числе, положило начало открытому обсуждению вопросов принадлежности, трансформации и разнообразия, не упуская при этом из виду социальную сплоченность. Это понятие служит отражением общества, ищущего новые формы интеграции. Таким образом, «родина» становится все более сложным понятием и предполагает новое размышление о происхождении, конкретных местах и неясных чувствах, которые передаются по наследству. Это новое понятие родины может сопровождать сложный процесс трансформации национального понятия «Мы» (*Wir*), выражающего чувство социальной солидарности.

Социальная ситуация «родина» присутствует в немецкоязычных странах с начала 2000-х годов в эстетическом и материальном плане и как центральный предмет политической дискуссии. Открытость его интерпретации является предпосылкой того, что топоним «родина» может быть интерпретирован по-разному, поэтому он и стал предметом многочисленных дискуссий и эффективным инструментом в самых разнообразных сферах и дискурсах современной Германии (см.: [Фадеева, 2017; Фадеева, 2018]).

Так, реклама, используя понятие «родина» обещает превратить Ваше место проживания / жилище (*Wohnraum*) в родной дом (*Zuhause*), и понятие «родина» служит в рекламе как бы знаком качества. Семьи в национальных костюмах улыбаются на картонных коробках с куриными яйцами, олицетворяя традиции, аутентичность и качество. Созданная в 2012 г. успешная программа Баварского телевидения называется "*Heimatrauschen*" («шум / звуки родины / родные звуки») и стремится объединить традиционный и современный стили с помощью соответствующих декораций, изображений знаковых «родных» мест, исторических отсылок, аллюзий и пр. Девиз программы "*Heimat entdecken!*" (Открыть для себя

¹ URL: <https://www.bundespraesident.de/> Der Bundespräsident – Reden und Interviews – Festakt zur Eröffnung der Ausstellungen des Ethnologischen Museums und des Museums für Asiatische Kunst der Staatlichen Museen zu Berlin im Humboldt-Forum (дата обращения: 20.06.2026).

родину!) (ср.: [Begriffe der Gegenwart, 2022]). Ведущие и авторы программы представляют людей, традиционные ремесла, истории, красоты Баварии, соединяя традиции и современность. Отзывы на эту программу варьируются от восторженных: «Молодо, современно и по-баварски!» до весьма критических. Название «Родина» получают сегодня самые разнообразные объекты в Германии и других немецкоязычных странах от ресторанов до рекламного агентства, базирующегося в Цюрихе, Вене и Берлине. Примеры можно продолжить.

Популярность понятия «родина» в последние годы наблюдается в Германии и Австрии не только в повседневной жизни и бизнесе, но и в политическом, партийном спектре на фоне обострения дискуссий вокруг идентичности, миграции и демократических ценностей. Наиболее известным примером служит изменение в 2023 г. названия бывшей Национал-демократической партии Германии (НДПГ) на «Родина» (*“Heimat”*), что вновь придало понятию «Родина» выраженный националистический оттенок, но и привлекло новых сторонников. В риторике и в программных документах партии внимание фокусируется на идее «родины отцов», т.е. за границами этого понятия остается значительная часть общества с миграционным фоном. Деятельность и риторика партии «Родина» жестко критикуются как со стороны политических оппонентов, так и со стороны государственных институтов. Смена названия бывшей НДПГ привлекла широкое внимание немецких и российских СМИ, а также анализировалась в научных публикациях, поэтому мы не останавливаемся на этом подробно.

Немецкое понятие *“Heimat”* часто использовалось и используется сегодня в качестве пропагандистского, лозунгового слова из идеологического вокабуляра. После Второй мировой войны понятие *“Deutsche Heimat”* («Немецкая родина») фактически исчезло из интеллектуального дискурса Германии, но постепенно приобрело новые смысловые оттенки, которые придали ему положительную окраску. «Тоска немцев по родине» ярко проявилась в повседневной жизни уже в 70-е годы XX в. Широко распространенные в современном немецком языке сложные существительные с компонентом *“Heimat”* отражают реалии повседневной жизни и закрепление данного понятия в общественном сознании [Bausinger, 1984; Zöllner, 2015; Фадеева, 2017; Фадеева, 2018].

“Heimat”, *“Identität”*, *“Migration”* как комплексные исторические понятия требуют дальнейшего междисциплинарного изучения в новых условиях, на новых этапах немецкой истории в аспекте

исторической семантики. Исследования немецкого вокабуляра с позиций исторической семантики связаны с одним из виднейших немецких историков XX в. Р. Козеллеком, который рассматривал семантику эффективного использования языка («историю понятий») не только как индикатор исторических общественных процессов, но и как эффективный фактор этих процессов [Козеллек, 2014].

Важно отметить как особую характеристику немецкого понятия “*Heimat*” следующее: являясь предметом политического дискурса, «родина» остается актуальной темой и в повседневной жизни. Учитывая открытость и в то же время высокую связующую силу данного дискурса, «родина» может быть наполнена различным политическим содержанием. Статика («родина» – это «место», «дом»), которую иногда добавляют к понятию, сужает кругозор и исключает изменения, связанные с домом как реальной жизнью и меняющимися жизненными ситуациями. Речь идет о динамике в отношениях между мобильностью и оседлостью людей (*Sesshaftigkeit*) и о значении «родины» как «дома» в рамках этого подхода. В условиях глобализации мир постоянно ставит перед многими людьми вопрос о месте жительства на протяжении всей их биографии – через мобильность, связанную с профессией (*berufliche Mobilität*), миграцию, бегство или перемещение, часто связанные с потерей родины, поиском нового дома и личной обидой или разочарованием при столкновении с жизнью в этом новом «доме» (ср.: [Begriffe der Gegenwart, 2022]).

Проиллюстрируем последнее на примере сборника «Ваша родина – наш кошмар» (“*Eure Heimat ist unser Albtraum*”) – под таким названием в Германии в 2019 г. вышел междисциплинарный сборник эссе как манифест против узкого и идеологизированного понятия “*Heimat*” [Aydemir, Yaghoobifarah, 2019]. Идея сборника родилась в 2018 году, когда к функциям федерального Министерства внутренних дел (BMI) добавили сферу строительства (*Bauwesen*) и название сменили на “*Bundesministerium des Inneren, für Bau und Heimat*”. Затем министерство назвали “*Bundesministerium des Inneren und für Heimat*” («Министерство внутренних дел и родины»). Уже мае 2025 г. вернулось официальное название «Министерство внутренних дел». Аббревиатура BMI (Министерство внутренних дел) при этом всегда сохранялась. Но в 2018 г. включение в название министерства слова «родина» вызвало бурную реакцию в немецком обществе, и критика сосредоточилась именно на компоненте “*Heimat*”.

Авторы книги «Ваша родина – наш кошмар» критиковали этот шаг, считая, что термин “*Heimat*” не описывает реальное место, а воплощает опасный идеал – гомогенное, белое, христианское общество, в котором нет места «другим». Надо отметить, что авторы сборника представляют так называемых “*People of Color*”, т.е. тех, которые являются «цветными / не белыми» людьми по расовой классификации. В современном значении этот термин возник в Соединённых Штатах. Авторы высказываются о понятии «родина» в современном обществе и представляют свой личный опыт жизни в этом обществе для обсуждения.

В сборник вошли эссе четырнадцати немецкоязычных авторов, которые делятся опытом столкновения с расизмом, антисемитизмом, сексизмом и другими проблемами в повседневной жизни современной Германии. Название сборника «*Eure Heimat ist unser Albtraum*» содержит неприкрытый вызов и вопрос, где заканчивается солидаризирующее «мы» и начинается разграничивающее «вы» в современном немецком обществе. Публикация сборника стала заметным событием в общественной дискуссии Германии. Часть эссе позже была переведена на английский язык и опубликована в журнале TRANSIT.

Данный пример показывает, что такая интерпретация ключевого для Германии понятия «родина» может быть использована популистски как эмоциональная тема и ориентирована на людей, которые позиционируют себя как бездомных беженцев из расистской системы и / или для компенсации собственных недостатков и проблем. Понимание родины как ключевой темы современности позволяет свободно взглянуть на различные контексты и процессы включения и исключения (инклюзии и эксклюзии) – от национальных границ до конструирования этнических конфликтов и принадлежности к биографиям отдельных людей.

Неразрывно связана с рассматриваемым в данной статье кругом вопросов и тема идентичности. В связи со взглядом немецких авторов на понятие «идентичность», необходимо подчеркнуть, что в Германии с ее региональной дифференцированностью речь идет как правило о локальной идентичности, т.е. понятие «родина» связано как правило не со страной в целом, а с конкретным местом, где человек родился и вырос (ср.: [Фадеева, 2017; Фадеева, 2018]). Это сохраняется и на современном историческом этапе. Примером служит недавняя публикация сборника, который был почти сразу переиздан – «Родина в процессе перемен – МЫ в Рурской области» [Heimat im Wandel. Das Wir im Revier, 2024].

Двадцать один автор различного происхождения и профессии, ученые из разных областей науки,истики, политологи, психологи, социологи, но также журналисты и писатели участвовали в создании сборника, который представляет собой междисциплинарное исследование и поиски общей идентичности, входящей в понятие «родина».

Авторы предостерегают от злоупотребления понятием «родина» как идеологического оплота и защиты от «чужого», «другого» мира. Это и невозможно в Рурской области, которая исторически развивалась как «плавильный котел» наций.

Сборник включает предметно-специальные научные статьи, которые представляют интерес для широких кругов, так как тесно связаны с историей и современностью Рурской области, но также и личные истории и размышления авторов. Общим для них является индивидуальное отношение к теме «родина», которая касается каждого в его личной жизни.

На экспертном обсуждении книги в 2024 г. в связи с ее публикацией в центре внимания были вопросы: существует ли еще это солидаризирующее «мы» в Рурской области, и какую роль при этом играет понятие «родина»? Ведь именно горнодобывающая и сталелитейная промышленность десятилетиями служила для жителей региона основой идентичности и обеспечивала их сплоченность. Примечательно, что глубокая аналитическая статья П. Грюенендаль об этой книге была озаглавлена *“Heimat als Identitätsstifter der Region und Teil eines “Wir”-Gefühls”* («Родина как основа идентичности региона и часть чувства МЫ») [Grünendahl, 2025].

Можно сделать вывод, что немецкое понятие *“Heimat”* («родина») и другие тесно связанные с ним понятия следует рассматривать как культурный комплекс (концепт), который проходит через сменяющие друг друга эпохи и сохраняет при этом определенную инвариантность несмотря на неизбежные исторические трансформации. Их комплексный, амбивалентный характер в полной мере отражается в современном немецком дискурсе на эту тему.

“Heimat” один из тех вечных образов культуры, о которых Ю. Лотман писал, что их значение не есть нечто постоянное, так как память культуры не склад информации, а механизм ее регенерирования и «чтобы эта информация ‘проснулась’, символ должен быть помещен в какой-либо современный контекст, что неизбежно трансформирует его значение» [Лотман 2010, с. 262–263]. Активное употребление таких понятий в течение многих лет не приводит к тому, что старые значения стираются и исчезают. На каждом но-

вом историческом этапе эти понятия сохраняют в себе едва уловимые наслоения предыдущих эпох и именно поэтому выглядят несколько иначе [Bausinger, 1984]. «Родина» относится к словам-символам, ключевым словам, которые обладают сильным эмоциональным потенциалом. Изучение функционирования таких слов в определенную историческую эпоху вносит вклад в понимание этой эпохи [Girnth, 2002]. Об этом в 1984 г. писал Баузингер, который назвал свою статью «На пути к новому активному пониманию родины» с подзаголовком «История понятия как история проблемы» [Bausinger, 1984].

Культурный комплекс “*Heimat*” («родина») и формирующиеся вокруг него дискурсы «миграция» и «идентичность» сегодня вновь в центре научного и общественного внимания, что отражает реакцию общества и отдельных индивидуумов на процессы глобализации, которые вызывают у многих людей опасение за судьбу своей «Малой Родины» или «Родины-государства», т.е. места, где человек родился и вырос, за сохранение своего личного мира. Одновременно нельзя не отметить, что в настоящее время вновь высказываются обоснованные опасения в связи с использованием понятия «родина» как политизированного лозунга из идеологического вокабуляра (ср.: [Фадеева, 2017; Фадеева, 2018]).

В идеологический вокабуляр может входить и обиходная лексика, связанная с определенными идеологическими взглядами или системой ценностей, хотя само по себе то или иное слово / понятие кажется нейтральным [Girnth, 2002]. Многие широко распространенные понятия этого вокабуляра используются одновременно разными идеологиями, которые вкладывают в них свой смысл (идеологическая полисемия). Такая «семантическая конкуренция / конкуренция значений» ставит в центр борьбу мнений о «правильном» значении слова и выводит исследование с уровня семантики на уровень прагматики [Girnth, 2002].

В заключение резюмируем: на фоне политических, экономических и социальных преобразований Германии в условиях интенсивной миграции культурный комплекс “*Heimat*” («родина») остается в центре внимания исследователей как не теряющая свою актуальность тема.

В последние годы в Германии было проведено значительное количество симпозиумов и циклов лекций, а также издано множество публикаций, посвященных вопросам, связанным с понятием «родина» и другими связанными с ним ключевыми понятиями (см. [Antweiler, 2020; Grünendahl, 2025; Heimat im Wandel. Das Wir im

Revier, 2024; Schmidt-Lauber, 2022; Heimat verhandeln?..., 2020; Heimat global ..., 2019] и др.). Научный и общественный интерес к рассмотренным в статье понятиям и дискурсам выражается в диалоге между различными точками зрения и дисциплинами – лингвистикой, теологией, историей искусства, философией, культурологией, социологией и другими, что соответствует сложному амбивалентному характеру данных понятий и требует междисциплинарного изучения.

Список литературы

Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – Т. 1. – С. 23–45.

Лотман Ю.М. Память культуры // Чему учатся люди: статьи и заметки. – Москва : Центр Книги Рудомино, 2010. – С. 256–269.

Мишук С.Н. К вопросу о расширении понятий немиграции и (им) мобильности // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2025. – Т. 5, № 3. – С. 121–133. DOI: 10.19181/demis.2025.5.3.8. EDN JFOPZP. (дата обращения: 20.06.2026).

Надеждин А.Е. Современная миграция в Германии: особенности и тренды // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2022. – Т. 2, № 1. – С. 163–174. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.13> (дата обращения: 20.06.2026).

Фадеева Г.М. Немецкое понятие «Heimat» как переводческая проблема // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сб. научных трудов. Серия Язык. Культура. Коммуникация. – Н. Новгород : НГЛУ, 2017. – Вып. 20, Т. 1. – С. 219–227.

Фадеева Г.М. Понятие и дискурс «Heimat»: Мода или потребность в эпоху глобализации? // Язык и мода: сб. статей РАН. ИНИОН / отв. ред. Н.Н. Трошина. – Москва, 2017. – С. 49–64.

Фадеева Г.М. Дискурс *Heimat* (родина) как феномен немецкой культуры в эпоху глобализации // *Nomadyzm i nomadologia: rozważania i analizy*. – Olsztyn : Centrum Badan Europy Wschodniej, 2018. – С. 62–76.

Antweiler Chr. Heimat als Ortbezogenheit: Zwischen lokaler Verortung und planetarer Beheimatung // Heimat revisited: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf einen umstrittenen Begriff. – Berlin; Boston : de Gruyter, 2020. – S. 191–208.

Aydemir F., Yaghoobifarah Z. Eure Heimat ist unser Albtraum. – Berlin : Ullstein Verlag, 2019. – 208 S.

Bausinger H. Auf dem Wege zu einem neuen, aktiven Heimatverständnis // Heimat heute. – Stuttgart etc.: Kohlhammer, 1984. – S. 11–27.

Begriffe der Gegenwart: Ein kulturwissenschaftliches Glossar / B. Schmidt-Lauber, M. Liebig (Hrsg.). – Wien; Köln : Böhlau, 2022. – 299 S.

Girnth H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik. – Tübingen : Niemeyer, 2002. – 127 S.

Grünendahl P. Heimat als Identitätsstifter der Region und Teil eines “Wir”-Gefühls 2025. – URL:<https://duisburgamrhein-betrachtungen.de/> (дата обращения: 26.06.2026).

Heimat global: Modelle, Medien und Praxen der Heimatkonstruktion / Costadura E. et al. (Hrsg.). – Bielefeld : Transcript, 2019. – 456 S.

Heimat im Wandel. Das Wir im Revier / B. Hombach (Hrsg.). – Essen : Klartext Verl., 2024. – 320 S.

Heimat verhandeln? Kunst- und kulturwissenschaftliche Annäherungen / Barboza A. et al. (Hrsg.). – Köln : Böhlau Verl., 2020. – 428 S.

Schmidt-Lauber B. *Begriffe der Gegenwart: Wortgebrauch in Gesellschaft und Wissenschaft – eine Hinführung // Begriffe der Gegenwart.* – Wien; Köln : Böhlau Verlag, 2022. – S. 11–17.

Von der Risikogesellschaft zur Chancengesellschaft / E. Teufel (Hrsg.). – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2001. – 304 S.

Zöller R. *Heimat: Annäherung an ein Gefühl.* – Bonn : Links Christoph Verlag, 2015. – 231 S.

References

Kozellek R. *Introduction.* In: *Dictionary of Basic Historical Concepts.* Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. T. 1. Pp. 23–45. (In Russian)

Lotman Yu.M. *The Memory of Culture. In What do People Learn. Articles and Notes.* Moscow : Tsentr Knigi Rudomino, 2010. Pp. 256–269. (In Russian)

Mishchuk S.N. *On the Expansion of Concepts of Non-Migration and (Im) Mobility.* In: *Demographic research.* 2025. T. 5, N 3. Pp. 121–133. DOI: 10.19181/demis.2025.5.3.8. EDN JFOPZP (accesses: 20.06.2026). (In Russian)

Nadezhdin A.E. *Modern Migration in Germany: Peculiarities and Trends.* In: *Demographic research.* 2022. T. 2, N 1. Pp. 163–174. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.13> (accesses: 20.06.2026). (In Russian)

Fadeeva G.M. *German Concept Heimat as the Translation Problem.* In: *Issues in the Theory, Practice and Translation Didactics: Collection of Scientific Papers. Series «Language. Culture. Communication».* N. Novgorod : NGLU, 2017. Vol. 20, Iss. 1. Pp. 219–227. (In Russian)

Fadeeva G.M. *Concept and discourse «Heimat»: Fashion or necessity in the Era of Globalization?* In: *Language and Fashion: Collection of Scientific Papers, RAN. INION* / ed. by N.N. Troshina. Moscow, 2017. Pp. 49–64. (In Russian)

Fadeeva G.M. *Discourse Heimat (Motherland) as a Phenomenon of German Culture in the Era of Globalisation.* In: *Nomadizm i nomadologia: rozważania i analizy.* Olsztyn: Centrum Badan Europy Wschodniej, 2018. Pp. 62–76. (In Russian)

Antweiler Chr. *Heimat als Ortbezogenheit: Zwischen lokaler Verortung und planetarer Beheimatung // Heimat revisited: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf einen umstrittenen Begriff.* Berlin; Boston : de Gruyter, 2020. S. 191–208.

Aydemir F., Yaghoobifarah Z. *Eure Heimat ist unser Albtraum.* Berlin : Ullstein Verlag, 2019. 208 S.

Bausinger H. *Auf dem Wege zu Einem Neuen, Aktiven Heimatverständnis.* In: *Heimat Heute.* Stuttgart etc.: Kohlhammer, 1984. S. 11–27.

Begriffe der Gegenwart. Ein Kulturwissenschaftliches Glossar / B. Schmidt-Lauber, M. Liebig (Hrsg.). Wien; Köln : Böhlau, 2022. 299 S.

Girnth H. *Sprache und Sprachverwendung in der Politik.* Tübingen : Niemeyer, 2002. 127 S.

Grünendahl P. *Heimat als Identitätsstifter der Region und Teil eines “Wir”-Gefühls* 2025. – URL: <https://duisburgamrhein-betrachtungen.de/> (accessed: 20.06.2026).

***Комплексные амбивалентные понятия «родина», «миграция»
и «идентичность» в современном немецком обществе как объект ...***

Heimat global: Modelle, Medien und Praxen der Heimatkonstruktion / Costadura E. et al. (Hrsg.). Bielefeld : Transcript, 2019. 456 S.

Heimat im Wandel. Das Wir im Revier / B. Hombach (Hrsg.). Essen : Klartext Verlag, 2024. 320 S.

Heimat verhandeln? Kunst- und kulturwissenschaftliche Annäherungen / Barboza A. et al. (Hrsg.). Köln : Böhlau Verl., 2020. 428 S.

Schmidt-Lauber B. *Begriffe der Gegenwart: Wortgebrauch in Gesellschaft und Wissenschaft – eine Hinführung*. In: *Begriffe der Gegenwart*. Wien; Köln : Böhlau Verlag, 2022. S. 11–17.

Von der Risikogesellschaft zur Chancengesellschaft / E. Teufel (Hrsg.). Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2001. 304 S.

Zöller R. *Heimat: Annäherung an Ein Gefühl*. Bonn : Links Christoph Verlag, 2015. 231 S.

Русакова И.Б.¹

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПЬЯНСТВО»
В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ**

Аннотация. Одной из стратегий описания концепта в рамках лингвокультурологического подхода является определение его концептуально значимых признаков на основе анализа конкретного языкового материала. Пословичный фонд языка является одним из продуктивных источников исследования лингвокультурных концептов. В данной работе представлены некоторые особенности пословичной репрезентации концепта «пьянство» в русском и английском языках. Концепт «пьянство» более широко представлен в пословичном фонде русского языка, что обусловлено как многообразием лексем, репрезентирующих данный концепт, так и более яркой, чем в английском языке, тематической палитрой.

Ключевые слова: концепт; пословица; лексема; национально-культурные особенности; пьянство.

Для цитирования: Русакова И.Б. Репрезентация концепта «пьянство» в русских и английских пословицах // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 4. – С. 98–113. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.07

Поступила в редакцию: 27.03.2026.

Принята в печать: 30.07.2026.

¹ Русакова И.Б., 2026

© Русакова Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 ДА МГИМО МИД РФ; gusakovairina2007@yandex.ru

Rusakova I.B.*

THE CONCEPT “HARD DRINKING” IN RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS

Abstract. The principle strategy for conceptual description within the framework of a linguocultural approach involves the identification of its conceptually significant features through the analysis of empirical linguistic data. The proverbial corpus of a language serves as a fertile ground for the investigation of linguocultural concepts. The article focuses on proverbial representation of the concept “hard drinking” in the Russian and English languages. The analysis reveals that the concept “hard drinking” is more extensively represented within the Russian proverbial system. This phenomenon is attributable to both the diversity of lexical units that signify this concept, as well as more pronounced thematic variability in its representation when contrasted with the English language.

Keywords: concept; proverb; lexeme; national and cultural characteristics; hard drinking.

For citation: Rusakova I.B. The Concept “Hard Drinking” in Russian and English Proverbs // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – № 4. – Pp. 98–113. DOI: 10.31249/ling/2026.04.07

Received: 27.03.2026.

Accepted: 30.07.2026.

Введение

Пословица – устойчивое, ритмически и грамматически организованное изречение, имеющее форму высказывания, в котором зафиксирован опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений. В речи пословица выступает в качестве отдельного предложения.

Пословицы выступают в качестве единиц языка и служат средством более яркого, образного выражения мыслей в процессе общения. Анализ пословичного материала, репрезентирующего

* Rusakova Irina Borisovna – Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of the English language № 1, Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow; rusakovairina2007@yandex.ru

тот или иной концепт, позволяет выявить значимые национально-культурные особенности исследуемого концепта, определить его межконцептуальные связи.

Объектом нашего исследования являются пословицы, в которых представлен концепт «пьянство» (*“hard drinking”*). Анализ лингвокультурных характеристик данного концепта на материале пословиц является предметом данной научной работы.

Цель работы – выявление национально-культурных особенностей репрезентации концептов «пьянство» – *“hard drinking”*.

Репрезентация концепта «пьянство» в русских пословицах

Большое количество русских пословиц посвящено употреблению спиртных напитков. В словаре В.И. Даля они представлены в разделах «Пьянство», «Гульба-Пьянство» [Даль, 1984]. Словарь Ю.Г. Багряновского содержит 1000 пословиц, объединенных по темам, в том числе: «пьяницы и пьянство», «последствия пьянства», «похмелье», «предостережение от пьянства» [О вине и пьянстве: Русские пословицы и поговорки, 2001]. Для анализа были отобраны 150 пословиц, содержащих следующие лексемы: «пьяный» («пьян»), «пьяница» «похмелье», глагол «пить» и производные «выпить», «пропивать», «пропить», «запить», «напиться», «перепой», «вино» («винцо»), «водка», «хмель» («хмелек»), «хмельной», реже «кабак» (или «елка»), «корчма», «трактир», «чарка», «рюмка», «кубок», «стакан» («стаканчик»), «скляница», «фляга», «бражник» и другие лексемы (в основном, производные от глагола «пить»). В некоторых случаях концепт «пьянство» представлен имплицитно с помощью поговорок-эвфемизмов.

Необходимо отметить разнообразие фразеологизированных форм, в рамках и с помощью которых актуализируются концептуально значимые признаки пьянства. Не все из представленных в словарях структур относятся к пословицам, т.е. к кратким изречениям назидательного характера в форме предложения [Тарланов, 1999]. Также можно выделить поговорки, т.е. незамкнутые единицы, изменяемые и дополняемые в речи [Пермяков, 1970, с. 9]. В поговорках о пьянстве и пьяных отсутствует субъект, а само действие субъекта получает образную, эвфемистическую характеристику. Также используются сравнительные обороты «пьяный как N», например, «пьяный как сапожник»; «V (со значением сильной степени опьянения) как N», например «налился, как клюковка»; также модель «N (профессия / социальный статус) + V (со

значением опьянения) – «портной наутюжился, лакей нализался, чиновник нахрюкался». Мы не будем подробно останавливаться на данных моделях и поговорках – эвфемизмах, поскольку они не являются объектом нашего исследования, однако приведем примеры некоторых из них.

В пословицах существительные «пьянство», «пьяница» актуализирует признак «обыденное явление» («привычное зло»): «В болоте не без черта, в семье не без пьяницы», «Один пьяница умрет, десять новых родится».

Лексемы «пьяница», «пьяный» используются в пословицах довольно часто и, наряду с глаголом «пить» и его дериватами, а также существительными со значениями «алкоголь» («вино», «водка»), «сосуд», актуализируют следующие концептуальные признаки.

Пьяница оставляет о себе недобрые воспоминания: «Кто за рюмкой тянется, добром не вспомнется», «Пить попросить – дурную славу нажить».

Поведение пьяного человека вызывает недоумение, к нему относятся с иронией: «Пьяница свечки не поставит, а людей на-смешит». Пьяному человеку сочувствуют: «Не жаль молодца не бита, ни ранена, жаль молодца похмельного».

Характерной русской чертой является не только ироничное отношение к пьющему, но и такое же ироничное восприятие себя самими пьяницами, что отражается в их общении друг с другом: «Тит, иди молотить! – Брюхо болит. Тит, поди вино пить! – Бабенка, подай шубенку!»; «Мы к обедне – уже отпели; мы к обеду – уже отъели; мы в кабак – как раз так»; «Пойдем в церковь! – Грязно. – Ну, так в кабак! – Уж разве как-нибудь под забором пройти». Ироничность, яркость и оригинальность, свойственная таким пословичным мини-рассказам, подчеркивается ритмомелодической организацией всей усложненной пословичной формы, предикативные единства которой «нанизываются друг на друга», создавая эффект динамичного развития повествования [Тарланов, 2023, с. 362].

В подобном ироническом тоне в пословицах описываются разные степени опьянения: «Пьяница день мечется, другой бесится, третий на карачках лазит»; «Первую пить – здраву быть, вторую пить – ум повеселить, утратить – ум устроить, четверту пить – неискуну быть, пятую пить – пьяну быть, чара шестая – мысль будет иная, седьмую пить – безумну быть, к осьмой приплести –

рук не отвести, за девятую приняться – с места не подняться, а выпить чарок с десять – так поневоле взбесят».

В следующем пословичном мини-рассказе мы знакомимся с повседневной жизнью пьющего человека: «Понедельник – похмельник, вторник – повторник, среда – как всегда, четверг – денег нет, пятница – пьяница, суббота – пить охота, воскресенье – всему повторенье».

Пристрастие к алкоголю настолько сильно, что с ним трудно справиться: «Голодному на уме хлеб, а пьяному хмель»; «Свинья всегда грязь найдет, а пьяница выпивку»; «Хощь не хощь, а выпить надо»; «Покажи ему только рюмку, так он за семь верст будет бежать»; «Первую рюмку ты берешь, а вторая тебя хватает».

В русских пословицах чрезмерное употребление спиртного ассоциируется с переходом пьющего из-под власти Бога во власть нечистой силы, что актуализируется такими лексемами, как «пьяница», «пьяный», дериваты глагола «пить», а также «вино», «водка», «ковш» и другие: «В пьяном бес волен»; «Мужик лишь пиво заварил, а уж черт с ведром»; «Не сам пьяный ходит – черт его носит»; «Водки напиться – дьяволу сгодится»; «Где водка, там и сатана рядом».

Лексемы «пить» – «водка» / «вино» – «ковш» – «пьяный» / «опьянение» – «хмель / хмелина» образуют своего рода тематический ряд «потребление спиртного и его последствия», актуализируя такой концептуальный признак, как «утрата контроля / анти-социальное поведение» (драка, утрата чести и достоинства: «Водка редко без драки обходится»; «Кто пьет, тот и посуду бьет»; «Честна свадьба гостями, похороны слезами, а пьянство дракой»; «За ковш, так и за нож; за чарку, так и за драку»; «Где опьянение, там и преступление»; «Вино приходит – стыд уходит»; «Не было бы пьяну, не было б и сраму».

Последствия женского пьянства особенно тяжелы: «Муж пьет – полдома горит; жена пьет – весь дом горит»; «Муж пропил скалку да валец, а жена с избы весь потолок» (валец – старинный деревянный ручной инструмент с короткой рукояткой для ускорения и облегчения стирки и полоскания белья).

В пословицах описывается внешний вид пьющего человека, его неуверенная походка, сбивчивая, несвязанная речь, физическое состояние: «Пьяного двое ведут, а третий ноги расставляет»; «Вешний путь не дорога, а пьяного речь не беседа»; «У пьяницы коли не очи, то спина в глине»; «Тот пьян, коли пальцы впрямь, а народ в глазах, что ельник».

В некоторых случаях внешний вид и поведение сильно выпившего человека получает образную характеристику через поговорки-эвфемизмы: «У него ковши да чарочки не дремлют»; «Уже не в одном стакане дно видел»; «Частенько около стекла ходит»; «Служит землемером по винной части» (т.е. валяется пьяный). А также: «По одной половине не пройдет»; «Лыка не вяжет»; «Один глаз смотрит на нас, а другой на Арзамас».

Сильно выпивший человек может быть излишне разговорчив, несдержан. В пословицах отражается взаимосвязь концептов «пьянство» – «правда»: «Пьяного речи – трезвого мысли»; «Без вина правды не скажешь».

Излишняя бравада, несдержанность, хвастовство пьяного человека контрастирует с его трусостью и слабостью в трезвом состоянии: «Трусливый кичлив, пьяница хвастлив»; «Как пьян, так и капитан, а как проспится, и свиньи боится»; «У пьяного кулаки дерево рубят, у трезвого и топор не берет».

О последствиях опьянения для здоровья человека рассказывают следующие пословицы: «С пивушка головушка болит, с вина просыпанье тяжело»; «За рюмочкой звон за скрип, а утром стон да всхлип»; «С похмелья, что с бою: все в тебе ноет».

Лучшим лекарством для сильно выпившего человека является сон: «Сноп пригож в гумне, а пьяный – во сне»; «На пьянство изведено лекарство – сон».

В пословицах межконцептуальная связь «пьянство» – «ум» получает неоднозначную интерпретацию. С одной стороны, пьянство лишает ума: «Хмель шумит, ум молчит»; «Вино уму не товарищ»; «Был Иван, а стал Болван, а все вино виновато». С другой стороны, умный человек даже в состоянии алкогольного опьянения (в отличие от глупого) способен сохранить здравый смысл: «Пьяный да умный – человек думный»; «Пьян да умен – два угоды в нем; пьян да глуп, так больше бьют».

Пьянство в пословицах считается не таким опасным явлением, как отсутствие ума: «Пьян – еще не велик изъян»; «Пьян проспится, дурак никогда». Пьяницы остаются невредимы, так как находятся под защитой Бога: «Пьяного да малого Бог бережет»; «Пьян об угол не ударится»; «Пьяный хоть в тумане, а все видит Бога».

Межконцептуальные связи «пьянство» – «бедность», «пьянство» – «голод» актуализируются в пословицах, содержащих лексемы «пьяница», «пить», «пьяный (пьян)», «хмель (хмелек)», «водка», «вино», «кабак (елка) / кабатчик»: «С вином поводишься –

нагишом находишься»; «Хмелек-щеголек: сам ходит в рогожке, а нас водит нагишом»; «Пьяный решетою деньги меряет, а проспится, не на что решета купить»; «Елка (водка) лучше метлы дом подметает» («елка» – питейное заведение, крышу которого по новогодней традиции принято было украшать елками).

Оппозиция «свое – чужое» представлена в пословицах о пьянстве: «С чужого пива скорей и пьянеешь»; «За чужое пьет, свое бережет».

Межконцептуальные связи «дружба (мнимая)» – «пьянство» находят отражение в следующих пословицах: «Поколе пьем вместе, так и сваты, а напились – разошлись»; «Пили, ели, кудрявчиком звали; пропили, поели – прощай, шелудяк».

В русских пословицах пьянство прямо осуждается. Многие из них предупреждают об опасности чрезмерного употребления алкоголя. Повествование в таких пословицах нередко основано на сопоставлении и противопоставлении фактов, категоричность осуждения и предупреждения подчеркивается лексико-грамматическими структурами, которые прямо указывают на неприемлемость действия, т.е. употребления спиртного: инфинитивы, глаголы в повелительном наклонении, в том числе с частицей «не», указательные местоимения, усилительно-выделительные частицы, инверсия. В ритмомелодической организации пословичного предложения существенна роль рифмы, которая позволяет подчеркнуть опасность, которую представляет пьянство: «Пить – делу вредить»; «Знай толк, не давай пьяному в долг!; «С пьяным водиться, что в крапиву садиться»; «С пьяным не бранись, с богатым не тянись»; «Счастлив тот, кто вина не пьет»; «Не пей вина – не доведет до добра»; «Вином жажды не запьешь, разве больше наживешь».

Употреблять алкоголь надо умеренно: «Досыта не доедай, а допьяна не допивай»; «Люби не влюбляйся, пей не напивайся, играй не отыгрывайся».

Всегда надо помнить об ответственности: «Пьяного грехи (дело), трезвого ответ».

Проведенный анализ русских пословиц позволяет сделать вывод о том, что значимыми национально-культурными характеристиками концепта «пьянство» в русском языке являются осуждение пьянства, умеренность – чрезмерность, зависимость от употребления спиртного, сложность в избавлении от этой зависимости, а также обыденность / привычность этого явления. В пословицах актуализируются межконцептуальные связи «пьянство» – дружба

(мнимая)», «свое – чужое», «пьянство» – «ум», «пьянство» – «бедность / голод», «пьянство» – «правда», «пьянство – счастье / несчастье». Образ пьяницы характеризуется следующими концептуально значимыми признаками: «власть нечистой силы» / «защита высших сил», «утрата контроля», «антисоциальное поведение», «внешние изменения».

Репрезентация концепта “hard drinking” в английских пословицах

В отличие от русского языка, английских пословиц о чрезмерном употреблении спиртного немного – 70 пословиц, содержащих лексемы *drunkenness, drunken, drunk, hard / good / much drinking, drink well, drinks, drunkard, wine, ale*, реже *glass, pot*. Кроме того, исследуемый нами концепт представлен устойчивыми словосочетаниями в форме сравнений (*as*) *drunk as + noun, to drink like + noun*. В нашей работе мы не будем рассматривать данные модели, поскольку они не относятся к пословицам.

Лексема *drink / drinking* номинирует как сам процесс чрезмерного употребления (поглощения) спиртного, так и постепенное изменение сознания пьющего человека, а также его привыкание к алкоголю: *First the man takes a drink, then the drink takes a drink, then the drink takes the man. The more one drinks the more one may*.

Английские пословицы предупреждают о последствиях чрезмерного употребления алкоголя, которое может привести к утрате здоровья: *We drink one another's health and spoil our own. To drink health is to drink sickness*. В следующих примерах лексема *drink / drinking* используется в ситуации «совет – предупреждение пьющему человеку»: *The smaller the drink, the clearer the head, and the cooler the blood. Drink temperately, if you want to live healthily. Nobody should drink, but them that can drink. Drink is the source of evil*.

Чрезмерное употребление алкоголя мешает человеку трудиться (*He is drinking at the harrow, when he should be driving his plough*), делает его зависимым: *Laith to the drink, and leath fra it*. В современном английском: *Loath to the drink, and loath from it*. Данная пословица говорит о том, как просто привыкнуть к употреблению спиртного, и как трудно бросить эту пагубную привычку, буквально «Легко к питью, и тяжело от него».

Многие пословицы предупреждают о том, что пьянство приводит к утрате контроля над собой. Лексема *drink / drinking* актуа-

лизирует концептуально значимые признаки «утрата контроля», «несдержанность», «болтливость» в следующих примерах: *Much drinking, little thinking. A night of good drinking is worth a year's thinking. He speaks in his drink what he thinks in his drough.* О последствиях чрезмерного употребления алкоголя кратко и емко говорится в следующей пословице: *The three faults of drinking are: a sorrowful morning, a dirty coat, and an empty pocket.*

Поведение человека в состоянии алкогольного опьянения не может быть ничем оправдано: *Your faults in drink should not your pardon win.* Пьяный человек может и не представлять угрозы, поскольку: *He that drinks well sleeps well, and he that sleeps thinks no harm.*

Не только пьянство, но и отказ от алкоголя получает отрицательную оценку. О том, что отказ от предлагаемого спиртного напитка может иметь фатальные последствия, говорит следующая пословица: *He was hang'd that left his drinke behind* (буквально: «Он был повешен за то, что не допил свой напиток»). В данном случае речь идет о преступнике, который выдал себя тем, что не допил свой напиток и покинул паб, когда услышал о приближающейся погоне.

О важности дружеского общения в пабе повествует еще одна похожая пословица: *He will be hanged for leaving his liquor, like the saddler of Bawtry.* История, лежащая в основе этой пословицы, связана с обычаем, по которому преступники, идущие на казнь, оставались в таверне, чтобы выпить «прощальную порцию». Седельник из Боутри отказался от напитка и был повешен. Если бы он остановился на несколько минут в таверне, то остался бы жив, так как узнал бы о своем помиловании. Пословица часто применяется к человеку, который слишком рано покидает своих друзей и не допивает бутылку [Stevenson, 1948, p. 635]. Она может также употребляться в ситуации «совет не торопиться, когда речь идет о серьезном деле».

Лексема *drunkenness* («опьянение») актуализирует обманчивость, иллюзорность такого состояния: *Drunkenness is a flattering devil, a sweet poison, a pleasant sin.* В состоянии алкогольного опьянения человек проявляет самые темные стороны своей натуры, он приближается к дьяволу: *Drunkenness is a pair of spectacles to see the Devil with. Drunkenness makes some Men Fools, some Beats, some Devils.*

Концептуально значимый признак «утрата контроля», «несдержанность» также актуализируется в пословицах лексемами

drunkard, drunkenness, drunken drunk: A drunkard is not master either of his soul or his body. В состоянии алкогольного опьянения человек ведет себя недостойно, глупо, становится болтлив, раскрывает свои тайны. В пословицах находит отражение межконцептуальная связь “*drunkenness – truth*”: *Drunkenness reveals what sobersness conceals. What a sober man has on his mind, a drunk man has on his tongue. Drunkards have a Fool’s Tongue and a Knave’s Heart. Nothing more like a fool than a drunken man.*

Состояние опьянения схоже с сумасшествием: *There is nothing more like a madman than a drunken man.*

О последствиях чрезмерного употребления спиртных напитков для физического и душевного здоровья человека говорится в пословицах: *He that never drank was never athirst. A drunken night makes a cloudy morning. When wine sinks, words swim. Drunken days have all their tomorrows. Drunken joy brings sober sorrow.* Пьянство приводит к материальным потерям: *He drank till he gave up his half-penny. A drunkard’s purse is a bottle.*

Состояние алкогольного опьянения не может служить оправданием дурных поступков, за которые человек несет полную ответственность: *Drunkenness is not the fault of the wine but of the man. He that kills a man when he is drunk, shall be hanged when he is sober. What you do when you’re drunk, you must pay for when you’re dry.*

Пьяный человек может остаться невредимым, поскольку он находится под защитой высших сил: *God blesses a drunk. Heaven protects children, sailors and drunken men. God watches over drunks and small children. Drunken folks seldom take harm.*

Концепт «пьянство» в английском языке также представлен лексемой *wine*. Наличие в сборнике “*The Home Book of Proverbs, Maxims and Familiar Phrases*” отдельных глав: “*Wine a Blessing*”, “*Wine a Curse*” говорит о двойственном отношении жителей Соединенного Королевства к этому спиртному напитку, что обусловлено умеренностью (чрезмерностью) в его употреблении [Stevenson, 1948, p. 2520–2523]. Таким образом, “*wine*” актуализирует такие концептуально значимые признаки, как «умеренность – чрезмерность». Так, с одной стороны, “*Wine is whetstone to wit*” (буквально «Вино точит ум»), *Wine is the best broom for troubles*. С другой стороны, *Wine-Counsels seldom prosper* (о том, что совет, данный в состоянии алкогольного опьянения, редко идет на пользу); *Wine is a mocker. Wine is a turn-coat, first a friend, then an enemy. When wine is in wit is out.* Чрезмерное употребление вина

представляет опасность для женщин: *A woman and wine (a glass) are ever in danger. Wine makes old wives wenches.*

Лексема *ale* употребляется реже, актуализирует признаки «чрезмерность», «утрата контроля»: *When ale is in, wit is out. Ale that would make a cat speak. Good ale makes many folks speak as they think.*

Таким образом, небольшое количество пословиц и, соответственно, лексем, вербализующих концепт “*hard drinking*”, говорит о том, что в английском паремиологическом фонде он не находит такого полного и яркого воплощения, как в русском. Можно предположить, что, либо пьянство как социальное явление не столь характерно для английского общества или о нем не принято говорить, либо вербализация данного концепта происходит на ином языковом материале.

Согласно данным “*The Home Book of Proverbs, Maxims and Familiar Phrases*”, исследуемый нами концепт чаще вербализуется именно через сравнительные модели “(as) drunk as + noun”, “to drink like + noun”, поговорки-эвфемизмы, а также изречения известных английских и американских писателей, поэтов, политических деятелей. Сравнительные обороты и эвфемизмы используются для завуалированного, образного описания физического, душевного состояния и внешнего облика сильно выпившего человека. В словаре представлено более 30 подобных оборотов и выражений. Поскольку они не являются объектом данного исследования, мы лишь приведем несколько примеров: *as drunk as lords, drunk as a fish, to be drunk as a goat, as drunk as an emperor, as dizzy as a goose, drunk as a beggar.*

Так, о сильно выпившем человеке принято говорить: *He makes a Virginia Fence*. Речь в данном случае идет о нетвердой походке, которая сравнивается с распространенным в Вирджинии забором и его извилистой формой. О пьяном говорят: *He has got snakes in his boots*. А также: *He is pie-eyed*. Данное выражение описывает внешний облик пьяного человека: сравнение с пирогом связано с тем, что под воздействием алкоголя зрачки расширяются, становятся большими, круглыми как пирог. Пьяный человек может *get loaded, see snakes (things), to be three sheets to the wind*. Последнее выражение описывает человека, который слишком много выпил и ведет себя неуверенно, говорит сбивчиво. Оригинальная фраза *three sheets in the wind* употреблялась для описания непредсказуемого поведения корабля. Слово *sheets* обозначало веревки (шкоты), с помощью которых регулировалось положение

парусов относительно ветра. До начала XIX в. у кораблей было три мачты. Когда шкоты все трех мачт рвались, корабль полностью терял рулевое управление.

Выражение *Dutch courage* («голландская храбрость») означает смелость, которую чувствует выпивший человек. Упоминание о Голландии в данном случае имеет два возможных объяснения. В этом выражении отражается неприязнь англичан к голландцам в связи с борьбой за господство на море и экономическую конкуренцию. Кроме того, данная фраза могла обозначать голландский джин, который пили солдаты голландской армии перед боем. Отметим еще одну характерную идиому: *the Dutchman's headache*, т.е. «голландская головная боль» – похмелье.

Подробный анализ сравнительных оборотов и эвфемистических выражений проводится в работах Н.А. Козько, А.Б. Антоновой [Козько, 2006, с. 167–172; Антонова, 2011, с. 114–132].

Кроме того, отличительной чертой английского языка является большое количество так называемых «пьяных» синонимов, которые позволяют как завуалированно описать данное явление, так и замаскировать, скрыть его [Богданова, 2021].

Также стоит упомянуть о «Словаре пьяницы» Бенджамина Франклина, в котором представлены около 230 слов и цитат, описывающих пьянство. Сам Франклин называл пьянство отвратительным пороком [Уразаев, 2023, с. 42].

Говоря об особенностях вербализации концепта “*hard drinking*”, необходимо упомянуть о таком значимом для культуры и социальной жизни Великобритании явлении, как паб. Как отмечает А.В. Павловская, паб – это не только место, где пьют и устраивают потасовку. Это место, «куда приходят пообщаться за кружкой старого доброго эля, в небольших деревнях паб – центр общественной и культурной жизни. Паб – это особая атмосфера, особые ритуалы, связанные не только с употреблением спиртного. Паб – это приятный полумрак, камин, черные балки над головой, деревянный пол, старинные чайники. В пабах обсуждают местные сплетни, читают газеты, наблюдают жизнь, спорят, философствуют. Для собеседников не столь важна информация, сколько повод поговорить» [Павловская, 2005, с. 162–172].

В.В. Ощепкова сравнивает паб с гостиницей: «Паб – продолжение гостиницы в том смысле, что люди, пришедшие сюда, были кем-то приглашены и могут считать себя знакомыми друг с другом и имеют право заговорить друг с другом» [Ощепкова, 2006, с. 142].

В английских пословицах о пьянстве актуализируются следующие концептуальные признаки: осуждение пьянства (часто имплицитно), умеренность – чрезмерность, зависимость от употребления спиртного. Образ пьяницы характеризуется следующими концептуально значимыми признаками: власть нечистой силы / защита высших сил, утрата контроля, внешние изменения (часто имплицитно), ответственность. В пословицах актуализируется межконцептуальные связи «пьянство» – «правда», «пьянство» – «деньги», «пьянство» – «бедность».

Заключение

Таким образом, анализ русских и английских пословиц о пьянстве позволяет выделить значимые лингвокультурные признаки (характеристики) исследуемого концепта, определить их сходства и различия. В обоих языках пьянство осуждается; констатируется, что чрезмерное употребление алкоголя изменяет сознание человека, меняет его облик, приводит к материальным потерям, делает его заложником этой пагубной привычки. С одной стороны, пьяница легко может оказаться под властью нечистой силы. С другой стороны, его оберегает Бог.

И в русском, и английском языках есть устойчивые сравнения, эвфемизмы, в которых образно, самобытно отражаются представления народа, его отношение к пьяницам.

Отметим также, что в обоих языках воплощаются национально-культурные стереотипы: англичане считают пьяницами голландцев, а русские нелестно отзываются о шведах, о чем свидетельствует пословица «Пьяный – не швец», а также сравнение «пьяный как щвец (швед)». В русских и английских пословицах о пьянстве актуализируются межконцептуальные связи «пьянство» – «правда», «пьянство» – «деньги»; «пьянство» – «бедность».

В обоих языках приветствуется умеренность в употреблении алкоголя, отмечается его пагубное влияние на женщин, звучит предупреждение о возможных последствиях: пьянство схоже с безумием, лишает человека ума, приводит к утрате контроля и излишней болтливости.

Кроме того, можно отметить определенное сходство лексем, вербализирующих концепт «пьянство»: «пьянство» – *drinking / drunkenness* («опьянение»), «пить» – *drink (a drink* – «прием алкоголя», «выпивка»), «вино» – *wine*, «пьяный» – *drunk*, «пьяница» – *drunkard*.

Вместе с тем, одно только количество отобранных для анализа пословиц в русском языке (150) и в английском (70) говорит о том, что концепт *“hard drinking”* в пословичном фонде английского языка не находит столь разнообразного и яркого воплощения, как в русском. Это обусловлено национально-культурными особенностями восприятия концепта.

Если в разговорном английском языке, в языке устного народного творчества концепт *“hard drinking”* получает больше описательную характеристику с помощью «пьяных» синонимов, устойчивых сравнительных оборотов и эвфемизмов, то морально-этическая оценка данного явления отражается в афоризмах. Также необходимо отметить одну национально-культурную особенность в самом отношении к процессу употребления спиртного. Для англичанина важно не столько само питье спиртного, сколько та ситуация, в которой оно происходит. В данном случае большую роль играет встреча и общение с другими людьми, которые объединены в определенную группу. Так, встреча в пабе предполагает не только употребление спиртного, но и, что важнее, общение по интересам.

Концепт «пьянство» широко представлен в пословичном фонде русского языка, что обусловлено как многообразием лексем и их дериватов, репрезентирующих данный концепт, так и более яркой, чем в английском языке, тематической палитрой. Русские пословицы не только осуждают пьянство, объясняя его пагубные последствия для здоровья, душевного благополучия и репутации человека, но и высмеивают этот порок, отчасти жалеют пьяниц. Пословица может представлять собой мини-рассказ от имени самого пьяницы или тех, кто становится свидетелем его неразумного поведения в состоянии алкогольного опьянения.

Основная функция пословицы – морально-этическая оценка явления, нравоучение, назидание. Русские пословицы о пьянстве не только рассказывают об этом явлении, но и дают яркую, самобытную нравственную оценку пьянству и пьяницам. Именно в языке русского фольклора, в разговорной и стилистически сниженной лексике проявляется та назидательность, тот нравоучительный тон (нередко скрытые за насмешкой), через призму которых выражает свое отношение к пьянству русский человек.

Список литературы

- Антонова А.Б. Репрезентация концепта DRINKING в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 2011. – 199 с.
- Богданова О.В. Краткая история пьянства, или почему в английском языке так много «пьяных» синонимов // Teletype. – 2021. – URL: <https://teletype.in/@iamcatalyst/alkolikbez?ysclid=mnuh63g2z516573868> (дата обращения: 27.03.2026).
- Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2-х т. – Москва : Художественная литература, 1984.
- Козько Н.А. Концептосфера «спиртные напитки» в национальной языковой картине мира: дис.... канд. филол. наук / Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2006. – 240 с.
- О вине и пьянстве: Русские пословицы и поговорки / Сост., предисл., словарь, примеч., Г.Ю. Багриновского. – Москва : Аграф, 2001. – 480 с.
- Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – Москва; Санкт-Петербург : ГЛЮССА – КАРО, 2006. – 336 с.
- Павловская А.В. Англия и англичане. – 2 изд. – Москва: Издательство Московского университета: Памятники исторической мысли, 2005. – 270 с.
- Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). – Москва : Наука, 1970. – 239 с.
- Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / М-во общ. и проф. образования Российской Федерации, Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 1999. – 447 с.
- Тарланов З.К. Синтаксис русского языка : университетский курс: учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – 389 с.
- Уразаев М.Д. Исследования лексики употребления спиртного в лингвистике // Libri Magistri. – 2023. – № 2. – С. 41–49. – URL: <https://lm.magtu.ru/doc/2023/2/41-49.pdf> (дата обращения: 14.03.2026).
- Stevenson Burton. The Home Book of Proverbs, Maxims and Familiar Phrases / Selected and arranged by Burton Stevenson. – New York : Macmillan co, 1948. – 2957 p.

References

- Antonova A.B. *The Representation of the Concept of DRINKING in Modern English: Diss.... Candidate of Philology*. Irkutsk State Linguistic University. Irkutsk, 2011, 199 p. (In Russian)
- Bogdanova O.V. *A Brief History of Drunkenness, or Why There Are So Many “Drunk” Synonyms in the English Language*. In: *Teletype*, 2021 URL: <https://teletype.in/@iamcatalyst/alkolikbez?ysclid=mnuh63g2z516573868> (accessed: 27.03.2026). (In Russian)
- Dal’ V.I. *Proverbs of the Russian People*: in 2 vol. Moscow : Khudozhestvennaya literatura, 1984. Vol. 1. Pp. 199–202; Vol. 2. Pp. 241–249. (In Russian)
- Koż’ko N.A. *The Concept Sphere of “Alcoholic Beverages” in the National Linguistic Worldview*: Diss.... Candidate of Philology. Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, 2006. 240 p. (In Russian)

**Репрезентация концепта «пьянство» в русских и английских
поговорах**

- On Wine and Drunkenness: Russian Proverbs and Sayings* / Compiled, preface, dictionary, notes by G.Yu. Bagrinovsky. Moscow : “Agraf”, 2001. 480 p. (In Russian)
- Oshchepkova V.V. *Language and Culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand*. Moscow; Saint-Petersburg : GLOSSA – KARO, 2006. 336 p. (In Russian)
- Pavlovskaya A.V. *England and the English*. 2 nd ed. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2005. 270 p. (In Russian)
- Permyakov G.L. *From Proverb to Fairy Tale (Notes on the General Theory of Clichés)*. Moscow : Nauka, 1970. 239 p. (In Russian)
- Tarlanov Z.K. *Russian Proverbs: Syntax and Poetics* / Ministry of General and Professional Education of the Russian Federation. Petrozavodsk : Petrozavodsk State University, 1999. 447 p. (In Russian)
- Tarlanov Z.K. *Syntax of the Russian Language: University Course : Textbook for Higher Education Institutions*. – 2 nd ed., rev. a. enlarged. Moscow : Yurayt Publishing House, 2023. 389 p. (In Russian)
- Urazaev M.D. *Research on the Lexicon of Alcohol Consumption in Linguistics*. In *Libri Magistri*, 2023. N 2. Pp. 41–49. URL: <https://lm.magtu.ru/doc/2023/2/41-49.pdf> (accessed: 14.03,2026). (In Russian)
- Stevenson Burton. *The Home Book of Proverbs, Maxims and Familiar Phrases* / Selected a. arranged by Burton Stevenson. New York : Macmillan co, 1948. 2957 p.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА

LEXICOLOGY. ONOMASTICS

УДК 81.373.2

DOI: 10.31249/ling/2026.04.08

Васильева Н.В.¹

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТРУМЕНТАРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ: ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ²

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования термина *ономастический ландшафт* для анализа фикционального текста и тем самым возможность его вхождения в терминологическую систему литературной ономастики. Обсуждается соотношение с близкими терминами *ономастическое пространство* и *ономастическое поле*, а также связь с «ландшафтной» терминологией в других разделах ономастики. Предлагается расширить стандартный «реквизит» ономастического ландшафта текста, состоящий из онимов различных видов, включив в него категорию *безымянности*, или *прием ноунейм*. Формирующие данный прием текстовые стратегии демонстрируются на примере вышедшего в 2024 г. романа Яны Вагнер «Тоннель».

Ключевые слова: литературная ономастика; терминология; ономастический ландшафт; безымянность; прием ноунейм; контекстная проприализация.

¹ Васильева Н.В., 2026

© Васильева Наталья Владимировна – доктор филол. наук, главный научный сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания РАН; vasileva-natalia@iling-ran.ru

² Исследование поддержано проектом FMNE-2025–0002 «Проблемы прикладной лингвистики и гуманитарного знания в свете современных цифровых технологий», выполняемом в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Васильева Н.В. О терминологическом инструментарии литературной ономастики: ономастический ландшафт // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 4. – С. 114–130. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.08

Поступила в редакцию: 29.06.2026.

Принята в печать: 30.07.2026.

Vasilyeva N.V.*

ON THE TERMINOLOGICAL TOOLS OF LITERARY ONOMASTICS: THE ONOMASTIC LANDSCAPE¹

Abstract. The article examines the potential of the term *onomastic landscape* as an analytical tool for the study of fictional texts, and consequently its potential inclusion in the terminological system of literary onomastics. It discusses the relationship between this term and the closely related terms such as *onomastic space* and *onomastic field*, as well as its connection with “landscape” terminology in other branches of onomastics. The article proposes expanding the standard “inventory” of a text’s onomastic landscape – traditionally understood as consisting of onyms of various types – by including the category of *namelessness*, or *the no-name device*. The textual strategies through which this device is realized are illustrated in the article using the example of Yana Wagner’s 2024 novel “Tunnel”.

Keywords: literary onomastics; terminology; onomastic landscape; namelessness; no-name device; contextual prioritization.

For citation: Vasilyeva N.V. On the Terminological Tools of Literary Onomastics: The Onomastic Landscape // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 4. – Pp. 114–130. Moscow, 2026. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.08

Received: 29.06.2026.

Accepted: 30.07.2026.

* Vasilyeva Natalia Vladimirovna – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Department of Applied Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; vasileva-natalia@iling-ran.ru

¹ This research was supported by project FMNE-2025–0002 «Problems of Applied Linguistics and the Humanities in the Light of Modern Digital Technologies», carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Введение

Именование персонажей в художественном тексте составляет предмет особой филологической дисциплины – литературной ономастики, в метаязыке которой наблюдается гармоничное соседство «своих» терминов с терминами лингвистической поэтики, стилистики, лингвистики текста, семиотики, теории нарратива [Васильева, 2020, с. 44–45]. Терминология литературной ономастики к настоящему времени воспринимается как достаточно традиционная [Скуридина, 2020], поэтому появление новых терминов представляет собой заметное явление, особенно если эти термины относятся к способу описания и представления объекта – ономастикона фикционального текста. В статье речь пойдет как раз о таком термине: «ономастический ландшафт». При ближайшем рассмотрении этот термин обнаруживает интересные связи не только внутри самой дисциплины ономастики и ее понятийного аппарата, но и шире – связи с «ландшафтной» парадигмой в социогуманитарных науках, становление которой связывается с «культурным поворотом» (*cultural turn*) в географии человека (*Human geography*). Неслучайно именно концепт «культурного ландшафта», как отмечает В.Н. Стрелецкий, посвятивший программную статью истории его становления, стал одним из самых востребованных и продуктивных, поскольку ландшафт «как предметная и осязаемая среда человеческого бытия не может быть осознан и осмыслен вне культурного контекста, связь ландшафта и культуры фундаментальна и неразрывна» [Стрелецкий 2018, с. 50]. Следует подчеркнуть, что исследованиям культурного ландшафта, а также ландшафта языкового (лингвистического), попавшего в последние десятилетия в фокус внимания как отечественной, так и зарубежной социолингвистики (ср.: [Хилханова, 2024; Gorter, Cenoz, 2023; Backhaus, 2007]), изначально было присуще разнообразие методов и техник, а также междисциплинарный характер. Таким образом, идея ландшафта, первоначально связанная с пространством, а затем опрокинутая в культуру и язык, напитавшаяся семиотикой и антропологией, нашла самое широкое применение в различных научных дисциплинах социогуманитарного профиля. Влияние общесемиотической идеи ландшафта можно заметить и в ономастических исследованиях, где комплексное культурно-семиотическое понимание ландшафта в настоящее время почти полностью заменило (и в топонимических исследованиях тоже) первоначальный топографический взгляд на ландшафт.

**Ономастический ландшафт:
видовые термины и варианты**

Появление термина «ономастический ландшафт» в ономастических работах последних двух десятилетий оказалось, как это засвидетельствовал авторитетный терминологический словарь, ревитализацией «старого» для ономастики термина. В первом издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, изданном почти полвека назад, приводится термин «ономастический ландшафт» в значении ‘спектр ономастических типов, представленных на данной территории’ [Подольская, 1978, с. 101]; в виде примечания к словарной статье дается ссылка на «топонимический ландшафт» как частный случай. Интересно, что далее «топонимический ландшафт» (как синонимы к нему даются «топонимическая среда» и «топонимический контекст») объясняется как «вся совокупность топонимов данной территории, обычно разноплановая, разноречивая, разновременная» [там же, с. 146–147], т.е. пространственный параметр, присутствовавший в термине «ономастический ландшафт», дополняется языковым (лингвистическим) и временным (темпоральным) параметрами. При этом автор словаря отмечает, что данные словосочетания «вряд ли могут считаться терминологичными, так как четких границ не имеют» [там же, с. 147]. В десятилетие, отделившее первое издание Словаря от второго [Подольская, 1988], ономастика и ее терминология частично переструктурировались, и оба «ландшафтных» термина во втором издании не зафиксированы. В дальнейшем, как отмечает Ю.Ю. Гордова, термин «топонимический ландшафт» обрел не только свои терминологические рамки, но и особую актуальность в связи с усилением роли пространственного фактора в топонимических исследованиях» [Гордова, 2022, с. 34]. Пространственный фактор в данном случае сочетается с антропологическим – в пространство входит наблюдатель, и имена пространства опосредуются восприятием и сознанием человека.

Итак, топонимический ландшафт по отношению к ландшафту ономастическому занял позицию видового термина; в качестве еще одного видового термина в исследованиях, посвященных городской ономастике, в последние годы утвердился термин «урбанонимический ландшафт» (урбаноним – вид топонима, «собственное имя для любого внутригородского топографического объекта» [Подольская, 1988, с. 139]). Определение урбанонимического ландшафта предложено в работе екатеринбургских ученых

М.В. Голомидовой и А.В. Дмитриевой. Приведем его в развернутом виде: «Соотношение имен и мест в топонимическом ландшафте вбирает в себя ряд языковых и экстралингвистических факторов, а комплекс топонимических обозначений связывается с широким семантическим полем многих культурных смыслов. Следуя этой трактовке, мы будем понимать урбанонимический ландшафт как совокупность топографических собственных имен, вовлеченных в единую систему пространственных семиотических связей и организующих семантические и функциональные слои в вербальном образе города» [Голомидова, Дмитриева, 2023, с. 150]. Таким образом, урбанонимический ландшафт в концепции авторов выступает в качестве семиотического инструмента, обеспечивающего синтез места (локуса) и образа места (топоса) с помощью вербальных, культурных и мультимодальных характеристик и тем самым дающего возможность интегративного описания феномена городского пространства и городской идентичности. Изучение урбанонимических ландшафтов предполагает решение как теоретических, так и прикладных задач, в том числе вопросов «развития и выравнивания урбанонимических ландшафтов в контексте современных потребностей городской культуры и городской коммуникации» [Голомидова, 2024, с. 214].

Остановимся далее на варьировании первого компонента термина «ономастический ландшафт». В ономастических работах последних десятилетий наблюдается изменение прилагательного «ономастический» (*onomastic*) на «онимический» (*onymic*). Это связано, на наш взгляд, с повсеместным распространением в европейских языках интернационального термина «оним» (*onym*) в значении 'имя собственное'. Переход на термин «онимический ландшафт» не носит облигаторного характера и зависит от предпочтений исследователя (далее в статье будут равноправно употребляться оба варианта).

Принципиальным, однако, является вопрос о корреляции понятий «ономастического» и «языкового» (лингвистического) ландшафта. Имеющие различные источники (ономастика и социолингвистика), эти понятия в настоящее время выступают вместе в описаниях лингвистических ландшафтов городов и вызывают потребность методологически их соотнести. Так, польский исследователь А. Галковски в статье, посвященной терминологическим и концептуальным характеристикам феномена «онимический ландшафт» (OL) и его соотношения с языковым ландшафтом (LL) [Gałkowski, 2025], выражает сомнение в правильности позициони-

рования онимического ландшафта как компонента языкового ландшафта, подчиненного ему как вид. Используя собранный обширный ономастический материал и применяя семиотический подход, А. Галковски предлагает новый взгляд на традиционное понимание лингвистического ландшафта, основываясь на центральной роли, которую играют в его формировании имена собственные. Роль наблюдателя в подобном исследовании трудно переоценить.

Включение фигуры наблюдателя в признаки, формирующие описание термина «ономастический ландшафт», впоследствии оказалось решающим, для того чтобы термин обрел образность и расширил свое значение, выйдя из топографического пространства в сферу антропонимики и социоономастики. Понимание ономастического ландшафта как некоторой совокупности онимов, полученных наблюдателем и обусловленных точкой зрения наблюдателя, развивается в работе [Bauko, 2021], посвященной восприятию официальных и неофициальных антропонимов в двуязычной словацко-венгерской среде. Материал, полученный таким образом, далее подразумевает систематизацию, и метафора картографирования, идущая от ландшафтного подхода в физической среде, становится инструментом для классификации в среде социальной и языковой.

Ономастический ландшафт фикционального текста

Семантический дрейф «ландшафтных» терминов в сторону семиотики, а также наличие образности обеспечили возможность переноса обозначений из физического пространства в пространство художественного текста. Согласно нашим наблюдениям, термин «ономастический ландшафт» (onomastic / onymic landscape) эпизодически появляется в работах по литературной ономастике с начала 2000-х годов и употребляется двойственным способом. С одной стороны, ономастический ландшафт используется как синоним «ономастического пространства» — термина, который уже имеет долгую историю, и автором которого в отечественной ономастике считается А.В. Суперанская [Суперанская, 1973, с. 147]; термин зафиксирован в словаре [Подольская, 1978, с. 104]. Термин чрезвычайно удобный, подходящий для любого описания, в том числе и для описания возможного мира художественного произведения, поскольку его определение является «экстенциональным», т.е. основанным на перечислении сущностей, а не на выделении признаков. Для исследуемой совокупности имен собственных в

арсенале ономастики есть еще один термин – «ономастическое поле». Авторство принадлежит В.И. Супруну, представившему развернутую концепцию ономастического поля в своей монографии [Супрун, 2000]. Эта концепция отражает системный взгляд на собственные имена, предлагая инструмент рассмотрения в виде структуры, включающей ядро и периферию, а также разнонаправленные векторы – связи между элементами поля. Ономастическое поле, согласно автору концепции, характеризуется достаточной стабильностью, но в то же время не лишено функциональной подвижности [там же, с. 9].

С другой стороны, образ имеет значение: все же есть разница в способе рассмотрения материала как пространства, которое может вовсе не иметь границ, и «ландшафта», или «пейзажа» (что этимологически одно и то же), заключенного в рамки картины. В статье немецкой исследовательницы Инес Собански, посвященной собственным именам в детективных рассказах Г.К. Честертона [Sobanski, 1998], термин «онимический ландшафт» (*onymic landscape*) употреблен в заглавии, и отличительной чертой подхода автора к анализу явилась системность и холистичность, т.е. в ограниченном текстовом пространстве исследовался полный состав, взаимосвязи и функции имен. Бесспорно, в позиции заглавия «ономастический ландшафт» деавтоматизирует восприятие, поэтому у термина есть еще и определенная fasciniрующая сила. Время показало, что эта статья, а также опубликованная в виде монографии диссертация И. Собански [Sobanski, 2000] оказали существенное влияние на становление ландшафтной концепции в европейской литературной ономастике.

Картографирование литературных онимов: корпусный подход

В начале 2000-х нидерландская исследовательница Карина Ван Дален-Оскам обратилась к теме, которую она назвала «картографированием онимического ландшафта» (*Mapping the Onymic Landscape*) [Van Dalen-Oskam 2006]. Главная мысль состояла в том, что настало время количественного подхода к литературному ономастикону, который позволит выявить системные связи онимических единиц в большом текстовом пространстве. Автор отдала должное достижениям европейской литературной ономастики XX-го века, занимавшейся преимущественно качественным анализом отдельных имен. Отсутствие у филологов интереса к мас-

штабному количественному анализу онимического ландшафта фикциональных текстов, учитывающему весь ономастикон во всех его связях, К. Ван Дален-Оскам связала с отсутствием в то время электронных баз данных и других компьютерных инструментов анализа. Достижения нового тысячелетия в области цифровых технологий сделали доступным количественный подход к большому массиву текстов, и уже нет необходимости в тех героических усилиях, которые, как пишет Ван Дален-Оскам, перечисляя предшественников («визионеров») цифрового подхода, пришлось приложить немецкой лингвистке Мартине Шванке [Schwanke, 1992], в начале 1990-х осуществившей корпусный анализ ономастикона пяти произведений Гёте [Van Dalen-Oskam, 2016, p. 398–399].

Достижения в области компьютерных технологий трансформируют и сами исследования собственных имен в художественных текстах, и язык их описания. В рассматриваемой нами терминологической истории именно компьютерный подход сформировал новую терминологическую отнесенность ранее несколько диффузного выражения «ономастический / онимический ландшафт». Термин обрел двойную категоризацию: он стал обозначением, во-первых, всего количества именованных сущностей в тексте и их связей; во-вторых – способа анализа и представления данных с помощью разработанных для этого компьютерных программ. Следует особо упомянуть в этой связи неологизм *Namescape*, закрепивший специализированное значение выражения «онимический ландшафт» (*onymic landscape*) в названии исследовательского проекта¹.

¹ Проект *Namescape* (полное название: *Namescape: Mapping the Landscape of Names in Modern Dutch Literature*, 2012–2013) был выполнен на материале современной нидерландской художественной литературы. Участниками проекта выступили ученые из Института истории Нидерландов им. Гюйгенса, Амстердамского университета и Института нидерландского языка. Проект был посвящен распознаванию именованных сущностей (*Named Entity Recognition*) в современной нидерландской литературе и разработке для этого новых инструментов. Обзор результатов проекта, а также его предыстория описаны в: [Van Dalen-Oskam, 2016]. В процессе работы над проектом возникали новые задачи, поскольку полученные результаты автоматического анализа большого корпуса текста содержали много «шума» (*noise*) – ошибок, допущенных программным обеспечением, которые при обсуждении вызывали негативную реакцию ученых-гуманитариев. Ответом участников проекта стали эксперименты по работе с шумом, результаты отражены в: [Van Dalen-Oskam, de Does, 2016].

Таким образом, вхождение термина «ономастический / онимический ландшафт» в инструментарий литературной ономастики последних десятилетий можно считать засвидетельствованным в двух вариантах: как свободный текстовой синоним к терминам «ономастическое пространство» и «ономастическое поле» и как специальное обозначение для цифровых корпусных исследований собственных имен в фикциональных текстах. Возникает вопрос: возможен ли третий вариант значения (или понимания) термина «онимический ландшафт» для литературной ономастики? Поскольку речь идет о термине, задающем фокус рассмотрения объекта, в данном случае совокупности онимов в тексте, существенной является его способность быть инструментом анализа. При «ландшафтном» подходе к онимическому составу художественного текста «инструментальность» анализа состоит не столько в выявлении списка онимов и распределении его по типам (антропонимы, топонимы, эргонимы и пр.), сколько в выявлении связей между различными онимами и другими элементами художественного текста. Актуальность такого подхода хорошо осознается филологами при сравнительном анализе собственных имен в различных жанрах фикциональных текстов, ср.: [Falck-Kjällquist, 2016]. Таким образом, приняв за основу тезис, что в формировании ономастического ландшафта участвуют различные типы онимов в их взаимосвязанности и в соотношении с другими элементами художественного текста, можно развить его дальше, включив в пространство взаимодействия еще одно отношение: собственное имя и безымянность.

Безымянность как часть ономастического ландшафта текста

Безымянность в виде значимого отсутствия имени представляет собой стилистический прием с прагматическими функциями, из которых в качестве главных назовем суггестивную и экспрессивную [Васильева, 2022, с. 33–38]. Связь прагматики и поэтики безымянности в художественном тексте образует особое – и весьма обширное – исследовательское поле, привлекающее как литературоведов, так и лингвистов, (см.: [Безродный, 1998; Васильева, 2021, с. 150–171] и др.). Отсутствие имени является значимым, если оно соразмерно «весу» персонажа в произведении. Поэтому безымянность периферийных фигур нельзя считать приемом (ср. в пьесах – первая служанка, вторая служанка и пр.). Но безымянность барыни в тургеневской «Муму» – это прием. Безымянность,

будучи тем «другим» в тексте, с чем взаимодействуют «нормальные» собственные имена, вместе с ними (или вместо них) участвует в формировании «ономастического ландшафта» текста.

Далее остановимся на одном из видов безымянности, который назовем приемом ноунейм (англ. *no name* ‘безымянный’)¹ и для реализации которого необходимо достаточное пространство текста. Суть приема в том, что в тексте вместо имени (на месте имени) возникает «как-бы-имя», «квази-имя». Номинация запускается как определенная дескрипция, и по мере продвижения по тексту происходит процесс «контекстной проприализации», поскольку эта номинация выполняет две основных функции собственного имени – идентифицирующую и делимитативную.

Пример использования приема ноунейм – номинация персонажей в романе Яны Вагнер «Тоннель» [Вагнер, 2024]². Жанр этого романа критики определяют как роман-катастрофа или как герметичный триллер. Герметичный – потому что все действие происходит в замкнутом пространстве, в трехкилометровом автомобильном тоннеле глубоко под Москвой-рекой, в котором поздним воскресным вечером оказываются заблокированными множество машин с самыми разными людьми. Причина неизвестна; на пятистах семидесяти страницах романа разворачивается апокалиптическая история с финалом, который открыт для интерпретации. Персонажей в романе очень много, но персонажей с антропонимами в начале повествования только три: это Митя, его жена Саша и дочь Ася. Во второй части романа появляется еще один герой с именем – водитель Валера. Все остальные участники действия, среди которых есть и те, которые присваивают себе голос рассказчика, есть и персонажи-статисты, – все они безымянны, т.е. не обозначены ни одним из компонентов нашей привычной антропо-

¹ В такой форме это слово уже существует в русском языке; в кодифицированные словари оно еще не вошло, но охотно используется в речи и в текстах для обозначения человека без статуса и громкого имени, а также чего-либо неизвестного, незначимого, не имеющего ценности (в бизнесе – не имеющего товарного знака, у геймеров – как обозначение новичка в игре). См., например, объяснение употребления этого слова с примерами: https://dzen.ru/a/Z7Ra6De_OB7wva FB (24.06.2025).

² Вагнер Яна Михайловна (1973 г. р.) – российская писательница, автор четырех романов, одной повести и многих рассказов. Ее тексты не оставляют равнодушными ни простых читателей, ни профессиональных критиков. В сети легко можно найти разнообразные рецензии и отзывы на ее творчество, в том числе и на роман «Тоннель».

нимической формулы ФИО. Для номинации персонажей и для дальнейшего их продвижения по тексту автор использует дескрипции с маркой автомобиля – *Тойота*, *Мерседес*, *Фольксваген* и др. Распознавание человеческих участников действия происходит, таким образом, по их метонимической соотнесенности с механическими участниками – оказавшимися в тоннеле автомобилями¹.

С точки зрения ономастики текста важно проследить, как именно происходит переход от интродуктивной номинации персонажа к идентифицирующей. Интродукция-экспозиция в романе основывается на зрительном восприятии одного из главных персонажей – Аси:

Все остальное вокруг было такое же скучное: чумазая Газель «Напитки Черноголовки», полированный Лексус со спящим бородатым стариком, несвежее желтое такси, УАЗ Патриот с наклейкой «Спасибо деду за Победу», косо приклеенной поперек задней двери [Вагнер, 2024, с. 12]².

Интродуктивная номинация, т.е. первое упоминание об объекте, вводит его в мир повествования. В начале текста романа такими объектами оказываются не персонажи, а автомобили, и тем самым задается общий «автомобильный код», определяющий сцену действия. Далее в повествование вводятся обозначения водителей и пассажиров в виде определенных дескрипций, содержащих марку автомобиля: «мордатый водитель УАЗа Патриот»; «круглолицая женщина из Пежо». О взаимодействии интродуктивной и идентифицирующей номинации писала Н.Д. Арутюнова, отмечая, что «те свойства предмета, которые были отмечены в интродук-

¹ Из беседы с Яной Вагнер, объяснившей вполне по-житейски такой способ названия персонажей: «Когда возникает ситуация с гигантским количеством незнакомцев-автомобилистов, то очень просто запомнить людей по маркам автомобилей: для автомобилистов это самый первый и самый простой маркер» URL: <https://litteratura.org/actual/5957-ne-boytes-tonnelya-ya-vse-navrala.html> (дата обращения: 24.06.2026). Ср. также мнение литературного обозревателя Г. Снегирева об этом приеме как об инструменте суггестии и погружения: «Словно для еще большего включения читателя в произведение Яна Вагнер практически не дает имен своим персонажам. ... Этот прием позволяет не углубляться слишком сильно в прошлое людей, недостаточно существенное для решения актуальной общей для них проблемы, и, как ни странно, превращает читателя как минимум в зрителя, если не в действующее лицо романа. Ну действительно, как много незнакомых человек вы бы запомнили в таких обстоятельствах? Для чего вам имена этих людей? Какова вероятность, что вы будете поддерживать связь в случае спасения?» [Снегирев, 2024].

² Далее примеры из текста романа даются без указания страниц.

тивной номинации, в последующем повествовании могут служить целям его идентификации адресатом» [Арутюнова, 1998, с. 100]. Когда интродуктивная номинация переходит в идентифицирующую, эти обозначения в тексте, повторяясь, приобретают функцию квазиантропонима. Основной используемый прием – метонимия (марка автомобиля → водитель или пассажир), однако на метонимическом обозначении номинативный процесс не завершается, потому что эта номинация запускает процесс деривации, и человек-автомобиль становится центром номинативного гнезда, его маркером и идентификатором.

На примере номинации водителя автомобиля УАЗ Патриот (внедорожник УАЗ-3163 «Patriot») и его семейства хорошо видно, как происходит метонимический сдвиг и как номинация *Патриот* утверждается в качестве квазиантропонима, ср: *мордатый водитель УАЗа Патриот* → *сказал УАЗ Патриот* → *Патриот* → *красный мокрый Патриот*.

От квазиантропонима *Патриот* далее в тексте образуются производные формы (посессивное прилагательное, аппозитивные составные наименования, множественное число как обозначение членов одной семьи, ср. *Ивановы*); формы образуют контекстное номинативное гнездо, и адресату не составляет труда соотносить все таким образом поименованное с нужным персонажем. Ср.:

патриотова ладонь→*патриотова приязнь*→*патриотов анекдот*;

Патриотова жена, чета Патриотов;

патриотово семейство / семейство Патриотов / Патриоты: Патриоты выгружали сонного батюшку из Лексуса;

мама–Патриот;

жена–Патриот;

сонные дети–Патриоты;

пухляя розовая патриотова дочка;

маленькие Патриоты давно спали.

Аналогичным способом формируются и другие номинации:

круглолицая женищина из Пежо→*женищина-Пежо*→*мама-Пежо*→*мамаша-Пежо*;

Женищина из Мерседеса→*женищина-Мерседес*.

Женищина из Порше Кайен→*женищина-Кайен*.

Мальчик-Фольксваген;

кабриолет→*красавец–Кабриолет*→*обиженно уточнил Кабриолет*→*За ними, морщась и охая, шла босая нимфа-Кабриолет*.

Обращает на себя внимание минимальная вариативность номинаций одного персонажа. Это связано с жанром данного романа. Обсуждая гетеронимативность, т.е. множественность возможных номинаций, Н.Д. Арутюнова отмечала, что это явление «органично для произведений, в которых действуют неопознанные, неидентифицированные в глазах читателя персонажи» [Арутюнова, 1998, с. 104]. Жанр романа-катастрофы подобного явления не допускает. Поэтому в возможном мире текстов этого жанра нет места разнообразию признаков номинации. В романе Вагнер признак, не дающий рассыпаться сюжету, один-единственный – связь персонажа с маркой машины. При отсутствии антропонима никак нельзя по-другому назвать человека, чтобы его не потерять в пространстве повествования. Одновременно признак марки машины формирует предтекст номинации, без знания которого невозможна идентификация. Пример с номинацией «Патриот» в этом романе предстает самым прагматически окрашенным, потому что при превращении марки машины в идентифицирующую номинацию человека происходит эффект бисоциации – одновременной актуализации разных смыслов. С одной стороны, товарный знак (марка автомобиля), а с другой – лексическое значение слова «патриот» со всеми актуальными коннотациями.

Таким образом, описанный выше вид безымянности, будучи распространенным как прием на целый текст, формирует ономастический ландшафт с минимумом антропонимов, предоставляя заместительный реквизит в виде метонимических номинаций. Последние, осуществляя суггестивную и экспрессивную функции, участвуют в конstellлировании персонажей и в вовлечении адресата в мир текста. Примененный Яной Вагнер в романе «Тоннель» прием ноунейм показал, что безымянность в художественном тексте многолика, и ее потенциал как стилистического и / или текстообразующего средства зависит от корреляции с онимическими единицами текста.

Терминологические итоги

Термин «ономастический ландшафт», рассмотренный в данной статье, относится к терминам, отражающим способ описания объекта. В отличие от терминологических единиц, обозначающих объект исследования (для ономастики это различные виды онимов), такие термины более субъективны, поскольку способ описания есть результат того фокуса рассмотрения, который исследова-

тель выбирает из существующих или формирует самостоятельно. Возрождение в ономастике термина «ономастический ландшафт» в обновленном образном значении, выходящем за пределы пространственно-топографического, можно считать свидетельством общности социогуманитарных наук, в которых «ландшафтная» парадигма нашла в настоящее время широкое применение. Для литературной ономастики, исследуемым пространством которой является фикциональный текст и имена собственные в нем, термин «ономастический ландшафт» во всех его представленных в данной статье пониманиях является полезным приобретением. Даже если «ономастический ландшафт» употребляется без строгого определения, например, просто для характеристики ономастикона какого-либо текста, то, будучи образным, этот термин становится тем инструментом, который дает возможность исследователю по-новому взглянуть на привычный объект.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- Безродный М.В.* Об одном приеме художественного имяупотребления: *nomina sunt odiosa* // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. – Тверь : ТГУ, 1994. – С. 157–164.
- Вагнер Я.* Тоннель. – Москва : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. – 569 с.
- Васильева Н.В.* Материалы к словарю терминов литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – 2022. – № 2 (17). – С. 28–47.
- Васильева Н.В.* О терминологических границах литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – 2020. – № 2 (13). – С. 44–55.
- Васильева Н.В.* Собственное имя в мире текста. – Изд. 3-е. – Москва : ЛЕНАНД, 2021. – 224 с.
- Голомидова М.В.* Актуальные вопросы изучения урбанонимических ландшафтов // Ономастика Поволжья: материалы XXII Международной научной конференции, Саратов, 26–29 сентября 2024 года. – Саратов : Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, 2024. – С. 211–216.
- Голомидова М.В., Дмитриева А.В.* Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала // Вопросы ономастики. – 2023. – Т. 20, № 2. – С. 144–173.
- Гордова Ю.Ю.* Топонимические исследования и мультинаучные коллаборации: в поисках общего языка // Филология : научные исследования. – 2022. – № 11. – С. 32–40.

- Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – Москва : Наука, 1978. – 198 с.
- Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Наука, 1988. – 192 с.
- Скуридина С.А.* Специфика терминологии литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 1 (36). – С. 105–117.
- Снегирёв Г.* «Тоннель» Яны Вагнер // Территория Л. Газета Российской государственной библиотеки для молодежи. – 2024. – 06.05 – URL: <https://gazetargub.ru/?tag=георгий-снегирев> (дата обращения: 05.06.2025).
- Стрелецкий В.Н.* Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2019. – № 1 (36). – С. 48–78.
- Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – Москва : Наука, 1973. – 366 с.
- Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 171 с.
- Хилханова Э.В.* Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки и люди // Монголоведение. – 2024. – № 16 (3). – С. 591–609.
- Backhaus P.* Linguistic Landscape: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio. – Clevedon, etc. : Multilingual Matters & Channel View Publications, 2007. – 158 p.
- Bauko J.* Úradné a neúradné vlastné mená v bilingválnej onymickej krajine [Official and unofficial proper names in a bilingual onymic landscape] // Jazykovedný časopis. – 2021. – Vol. 72 (1). – P. 124–141.
- Falck-Kjällquist B.* Genre-based approaches to names in literature // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 375–388.
- Galkowski A.* Charakterystyka terminologiczno-koncepcyjna zjawiska krajobrazu onimicznego jako budulca krajobrazu językowego // Onomastica. – 2025. – № 69. – S. 11–35.
- Gorter D., Cenoz J.* A Panorama of Linguistic Landscape Studies. – Bristol : Multilingual Matters, 2023. – 472 p.
- Schwanke M.* Name und Namengebung bei Goethe. Computergestützte Studien zu epischen Werken. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1992. – 490 S.
- Sobanski I.* Die Eigennamen in den Detektivgeschichten Gilbert Keith Chestertons: Ein Beitrag zur Theorie und Praxis der literarischen Onomastik. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2000. – 322 S.
- Sobanski I.* The Onymic Landscape of G.K. Chesterton's Detective Stories // Proceedings of the XIXth International Congress of Onomastic Sciences, Aberdeen, August 4–11, 1996. / ed. by F.H. Nicolaisen. – Aberdeen : Department of English, University of Aberdeen, 1998. – Vol. 3: Scope, Perspectives and Methods of Onomastics. – P. 373–378.
- Van Dalen-Oskam K.* Corpus-Based Approaches to Names in Literature // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 389–399.

- Van Dalen-Oskam K. Mapping the Onymic Landscape // *Il Nome Nel Testo. Rivista Internazionale di Onomastica Letteraria*. – 2006. – Vol. 8. – P. 93–103.
- Van Dalen-Oskam K.H., de Does J. Namescape, or How to Deal with Noise // *Names and Their Environment: Proceedings of the 25 Onomastic Sciences (Glasgow, 25–29 August 2014)* / ed. by C. Hough, D. Izdebska. – 2016. – Vol. 5. – P. 57–64. – URL: http://www.icos2014.com/wpcontent/uploads/icos2014_vol_5.pdf (accessed: 26.05.2026).

References

- Arutyunova N.D. *The Language and the Human World*. Moscow : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 p. (In Russian)
- Bezrodnij M.V. *On a Stylistic Device of Name Usage: Nomina Sunt Odiosa*. In: *Litreture Test: Problems amd methods of research*. Tver' : TGU, 1994. Pp. 157–164. (In Russian)
- Wagner YA. *The Tunnel*. Moscow : Izdatel'stvo AST: Redakciya Eleny Shubinoj, 2024. 569 p. (In Russian)
- Vasil'eva N.V. *Materials for the Glossary of Literary Onomastic Terms*. In: *Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages*. 2022. 2 (17). Pp. 28–47. (In Russian)
- Vasil'eva N.V. *On the Terminological Boundaries of Literary Onomastics*. In: *Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages*. 2020. 2 (13). Pp. 44–55. (In Russian)
- Vasil'eva N.V. *Proper Name in the World of the Text*. Ed. 3-e. Moscow : LENAND, 2021. 224 p. (In Russian)
- Golomidova M.V. *Current Issues in the Study of Urbanonymic Landscapes*. In: *Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the XXII International Scientific Conference, Saratov, 26–29 September 2024*. Saratov : Saratovskij gosudarstvennyj medicinskij universitet im. V.I. Razumovskogo, 2024. Pp. 211–216. (In Russian)
- Golomidova M.V., Dmitrieva A.V. *The Reflection of Territorial Identity in the Toponymic Landscape of Small Ural Towns*. In: *Onomastics Issues*. 2023. (2) 20. Pp. 144–173. (In Russian)
- Gordova Ju.Ju. *Toponymic Studies and Multidisciplinary Collaborations: In Search of a Common Language*. In: *Philology: Scientific Research*. 2022. 11. Pp. 32–40. (In Russian)
- Podol'skaja N.V. *Dictionary of Russian Onomastic Terminology*. Moscow : Nauka, 1978. 198 p. (In Russian)
- Podol'skaja N.V. *Dictionary of Russian Onomastic Terminology*. 2nd ed., revised a. enlarged. Moscow : Nauka, 1988. 192 p. (In Russian)
- Skuridina S.A. *The Specificity of Terminology in Literary Onomastics*. In: *Current Issues of Modern Philology and Journalism*. 2020. 1 (36). Pp. 105–117. (In Russian)
- Snegiryov G. *"The Tunnel" by Yana Wagner*. In: *Territory L. Newspaper of the Russian State Library for Youth*. URL: <https://gazetargub.ru/?tag=georgij-snegiryov> (accessed: 05.06.2025). (In Russian)
- Streleckij V.N. *The Concept of Cultural Landscape in World Cultural Geography: Scientific Origins and Contemporary Interpretations*. In: *Human Being : Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2018. 1 (36). Pp. 48–78. (In Russian)

- Superanskaja A.V. *General Theory of the Proper Name*. Moscow : Nauka, 1973. 366 p. (In Russian)
- Suprun V.I. *The Onomastic Field of the Russian Language and Its Artistic and Aesthetic Potential*. Volgograd: Peremena, 2000. 171 p. (In Russian)
- Hilhanova E.V. *The Linguistic Landscape of Ulaanbaatar: What Signs and People Tell Us*. In: *Mongolian Studies*. 2024. (3) 16. Pp. 591–609. (In Russian)
- Backhaus P. *Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. Clevedon, Buffalo, Toronto : Multilingual Matters & Channel View Publications, 2007. 158 p.
- Bauko J. *Úradné a Neúradné Vlastné Mená v Bilingválnej Onymickej Krajine*. In: *Jazykovedný časopis*. 2021. 72 (1). Pp. 124–141. (In Slovak)
- Falck-Kjällquist B. *Genre-Based Approaches to Names in Literature*. In: *The Oxford Handbook of Names and Naming* / ed. by C. Hough. Oxford : Oxford University Press, 2016. Pp. 375–388.
- Gałkowski A. *Charakterystyka Terminologiczno-Koncepcyjna Zjawiska Krajobrazu Onimicznego Jako Budulca Krajobrazu Językowego*. In: *Onomastica*. 2025. 69. Pp. 11–35. (In Polish)
- Gorter D., Cenoz J. *A Panorama of Linguistic Landscape Studies*. Bristol : Multilingual Matters, 2023. 472 p.
- Schwanke M. *Name und Namengebung bei Goethe. Computergestützte Studien zu epischen Werken*. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1992. 490 S.
- Sobanski I. *The Onymic Landscape of G.K. Chesterton's Detective Stories*. In: *Proceedings of the XIXth International Congress of Onomastic Sciences, Aberdeen, August 4–11, 1996*. / ed. by W.F. H. Nicolaisen. Vol. 3: Scope, Perspectives and Methods of Onomastics. Aberdeen : Department of English, University of Aberdeen. 1998. Pp. 373–378.
- Sobanski I. *Die Eigennamen in den Detektivgeschichten Gilbert Keith Chestertons: Ein Beitrag zur Theorie und Praxis der literarischen Onomastik*. Frankfurt on Main : Peter Lang, 2000. 322 S.
- Van Dalen-Oskam K. *Corpus-Based Approaches to Names in Literature*. In: *The Oxford Handbook of Names and Naming* / ed. by C. Hough. Oxford : Oxford University Press, 2016. Pp. 389–399.
- Van Dalen-Oskam K. *Mapping the Onymic Landscape*. In: *Il Nome Nel Testo. Rivista Internazionale di Onomastica Letteraria*. 2006. Vol. 8. Pp. 93–103.
- Van Dalen-Oskam K.H., de Does J. *Namescape, or How to Deal with Noise*. In: *Names and Their Environment: Proceedings of the 25 th International Congress of Onomastic Sciences (Glasgow, 25–29 August 2014)* / ed. by C. Hough, D. Izdebska. – 2016. – Vol. 5. – Pp. 57–64. URL: http://www.icos2014.com/wpcontent/uploads/icos2014_vol_5.pdf (accessed: 26.05.2026).

ФРАЗЕОЛОГИЯ PHRASEOLOGY

УДК 8 – 81`1

DOI: 10.31249/ling/2026.04.09

Ковшова М.Л.¹

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ: «СЛЕД» ИСХОДНЫХ ОБРАЗОВ В АКТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ ИДИОМЫ²

Аннотация. Исследование направлено на изучение связи между этимологией идиомы, исходным образом, лежащим в основе ее внутренней формы, и актуальным значением фразеологизмов. Особое внимание уделяется семантике идиом, возникших в результате фразеологической деривации. Вопросы семантической редукции исследуются с опорой на историко-этимологический, семантический и лингвокультурологический анализ идиомы *набитый дурак* ('очень глупый, тупой человек'). Обосновывается тезис о том, что исходные образы и смыслы пословиц, послужившие основой внутренней формы идиомы, в полной мере не «выветриваются». Экспериментальный опрос, включенный в исследование, показывает, что образ идиомы является не только способом указания на актуальное значение, но также способом хранения культурно значимых смыслов, когнитивно релевантных сознанию современных носителей языка.

Ключевые слова: фразеологическая деривация; редукция; идиома; пословица; семантика; исходный образ; мотив; значение; культурные смыслы.

¹ Ковшова М.Л., 2026

© Ковшова Мария Львовна – доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, главный научный сотрудник; kovshova_maria@list.ru

² Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025–0001, поддержанного Министерством образования и науки РФ.

Для цитирования: Ковшова М.Л. Об одном случае фразеологической деривации: «след» исходных образов в актуальной семантике идиомы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 4. – С. 131–145. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.09

Поступила в редакцию: 29.06.2026.

Принята в печать: 30.07.2026.

Kovshova M.L.*

**TRACES OF THE ORIGINAL UNDERLYING METAPHORS
IN THE FIGURATIVE MEANING OF THE IDIOMS:
A CASE STUDY OF PHRASEOLOGICAL DERIVATION¹**

Abstract. The paper studies the connection between the etymology of the idiom, its original underlying metaphor, and its current figurative meaning. Special attention is paid to the meanings of idioms that have appeared on account of phraseological derivation. Being a case study of the Russian idiom *nabityj durak* 'stupid or dumb person' (lit. "stuffed / beaten fool"), the paper researches semantic reduction by means of historical / etymological, semantic and linguacultural analysis. The author stipulates that original underlying metaphors, images, and meanings of proverbs that have been the basis of the underlying metaphor of idioms, are retained to some extent and do not erode completely. The study includes an experimental query showing that not only does the underlying image indicate the figurative meaning but it also serves as a way of preserving culturally laden meanings that are cognitively relevant for contemporary speakers.

Keywords: phraseological derivation; reduction; idiom; proverb; semantics; original underlying image; motive; meaning; cultural senses.

For citation: Kovshova M.L. Traces of the Original Underlying Metaphors in the Figurative Meaning of the Idioms: A Case Study of Phraseological Derivation // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N. 4. – Pp. 131.–145. DOI: 10.31249/ling/2026.04.09

* Kovshova Maria L'vovna – Doctor of Philology, Chief Researcher. Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; mlk@iling-ran.ru

¹ Endorsed by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Research Project FMNE-2025–0001.

Received: 29.06.2026.

Accepted: 30.07.2026.

Введение

Исследование связи между исходным образом и актуальным значением идиомы в аспекте изучения такого явления, как фразеологическая деривация, требует особого внимания к этимологии производной единицы и ее семантической связи с производящей единицей. Фразеологическая деривация представляет собой вид вторичной номинации, которая выражается в сокращении паремий или фразеологизмов и создании на их базе новых единиц. Вопросам фразеологической деривации уделяли внимание такие ученые, как М.А. Алексеенко, Г.Ф. Благова, В.П. Жуков, Ю.А. Гвоздарёв, В.М. Мокиенко и др. Так, Ю.А. Гвоздарёв исследует процесс редукции пословиц и образования фразеологизмов в аспекте преобразования понятий; ср.: «Вычлененный из состава пословицы *Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает* фрагмент – *собака на сене* – не сохраняет наименования всех трех предметопонятий, однако [при употреблении идиомы] слушающий устанавливает между ними именно те отношения, какие существуют в пословице» [Гвоздарев, 1977, с. 124–125]. В.М. Мокиенко вводит понятие «имплицирование» и выделяет следующие модели фразеологической деривации: большая единица → меньшая единица (*сказать к слову* → *к слову*); пословица → фразеологизм (*Кто заварил кашу, тот и расхлебывай* → *заварить кашу, расхлебывать кашу*); фразеологизм → слово (*болтать языком* → *болтать*) [Большой словарь русских пословиц, 2010, с. 94–99]. Г.Ф. Благова характеризует редукцию пословиц как компрессию, при которой «происходит сокращение объема пословицы, ужатие (ограничение) избыточной информации. <...> Наряду с пословичной компрессией действовало полярное ей развертывание пословицы за счет введения дополнительных деталей или дополнительной информации. <...> пословичная компрессия в целом представляется распространенной шире, чем развертывание пословиц» [Благова, 2000, с. 26–27].

В работе [Ковшова, 2026] на широком материале пословиц и фразеологизмов русского языка обосновывается тезис о том, что пословицы, фразеологизмы и слова состоят в отношениях формально-структурной и семантической производности, происходит постоянное живое движение от пословиц – к фразеологизмам и от

фразеологизмов – к словам. Особое внимание отводится выделению типов фразеологической деривации, в зависимости от того, единицы какого языкового уровня включены в процесс редукции. Первый тип представляет собой редукцию и образование единиц, принадлежащих одному уровню: от исходной пословицы образуется пословица; от исходного фразеологизма – фразеологизм. Ср., например: *Мал золотник, да дорог; велика Федула (Федора), да дура* → *Мал золотник, да дорог* и *Велика Федула (Федора), да дура*; *из ряда вон выходящий* (отличающийся от всего другого, особенный) → *из ряда вон*. Второй тип деривации затрагивает единицы, принадлежащие разным уровням: из пословицы возникает фразеологизм; из фразеологизма – слово. Ср., например: *Ни рыба ни мясо – ни кафтан ни ряса* → *ни рыба ни мясо* (ничем не примечательный, не имеющий каких-то пристрастий человек); *задевать* (ранить чувства, заставлять переживать) → *задевать*. Третий тип деривации заключается в образовании от единицы одного языкового уровня – единиц, принадлежащих разным уровням: от одной пословицы образуются и фразеологизм, и слово; от фразеологизма – фразеологизм и слово. Ср., например: *Загорелся сыр-бор из-за сосенки* → *загорелся сыр-бор* (начался переполох) и *сыр-бор*; *крутиться как белка в колесе* (вынужденно заниматься хлопотливыми делами, беспрестанно быть в заботах) → *как белка в колесе* и *крутиться*.

Изучение редукции пословиц и фразеологизмов в плане влияния сокращения форм на изменение семантики имеет свои особенности. Так, случай фразеологизма *на сто процентов* показал, что в ходе идиоматизации «бухгалтерского» устойчивого сочетания произошло ослабление параметрического семантического компонента; что в результате деривации идиомы существенно редуцируется семантический объем, «выветриваются» коннотации, отмеченные в: [АСРФ, 2015, с. 823–824]; в современном молодежном сленге редуцированное выражение *стопрот* представляет собой эмотивное междометие (см. историю трансформации фразеологизма *на сто процентов* подробнее в: [Ковшова, 2024]). Напротив, исследование возникшего в результате редукции слова *сыр-бор* показало, что связь его семантики с семантикой исходной пословицы и фразеологизма проявляется в эмотивно-оценочной коннотации иронии, сомнения, недоверия [Ковшова, 2026]. Тем самым, в процессах фразеологической деривации при редукции исходного выражения до его отдельных фрагментов какие-то смыслы «выветриваются», но какие-то «пропущенные составляю-

щие не исчезают» [Баранов, Добровольский, 2024, с. 25] и могут проявляться при употреблении редуцированной единицы.

Основной тезис и исследование случая «набитый дурак». Исследование связи исходного образа идиомы с ее актуальным значением, проводимое во взаимосвязи с вопросами фразеологической деривации, важно и в лингвокультурологическом аспекте. По гипотезе, исходная и производная единицы соединены образами и смыслами, имеющими культурные предпочтения, которые не редуцируются вместе с формой и не «выветриваются» полностью. Образ идиомы понимается не только как способ указания на актуальное значение, но также как способ хранения культурно значимых смыслов, когнитивно релевантных сознанию современных носителей языка.

Для исследования семантической редукции в данном аспекте обратимся к случаю «набитый дурак».

При ближайшем рассмотрении выясняется, что история идиомы не установлена, несмотря на то что образная мотивация представляется прозрачной; что в словарях идиома описывается как вариант другой идиомы в одной статье и с общим толкованием. Ср.: «*Набитый (круглый) дурак*. Очень глупый, тупой» [Фразеологический словарь русского языка, 1987, с. 147]; ср. также: [Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 205–206].

В сборнике М.И. Михельсона, впервые изданном в 1892 г., в толковании для выражения *набитый дурак* используются характеристики: «истый, полный, круглый». М.И. Михельсоном в качестве источника выражения указывается пословица, образы и смыслы расходятся с образом и смыслом идиомы; ср.: «*Набили дурака, да и отпустили* (обдурился)» [Михельсон, 1994а, с. 585–586]. В данном контексте глагол в пассивном залоге *обдурился* означает, что кто-то стал глупым после избиения. Тем самым, мотив битья в исходной пословице выходит в семантический «фокус», что не отвечает привычной трактовке образа идиомы.

Другая пословица по мотиву наполненности, набитости глупого человека как мешка с чем-то сыпучим более всего соответствует образу идиомы *набитый дурак*; ср.: «*У людей дураки в натруску, а наши – в набивку*» [Фразеологический словарь русского языка, 1987, с. 505].

Также обнаружена третья пословица с мотивом наполненности, имеющим «гастрономический» оттенок; ср.: «*Дурак натоцак и сытый – набитый*»: «*Однажды вечером генерал был сильно не в духе и не захотел отвезти княгиню домой <...> «Бог с вами, – ска-*

зала княгиня. – Дурак натошак и сытый набитый» [Князь Феликс Юсупов, 2008, с. 37].

Итак, выражение *набитый дурак* могло образоваться в результате деривации пословицы с мотивом «битья» или пословицы с мотивом «наполненности»; возможно, были и другие пословицы.

Семантический анализ позволяет сопоставить мотивы и выявить «след» того или иного исходного образа в актуальной семантике идиомы. Также в исследовании используется лингвокультурологический анализ, предполагающий интерпретацию образа в пространстве традиционной культуры.

Слово *набить* имеет несколько значений – 1. Наполнить, плотно вкладывая что-н. внутрь чего-н.; 2. Заполнить собой, скопясь в большом количестве где-н.; 3. Вложить, плотно вставить внутрь чего-н.; 4. Ударом или ударами насадить, надеть; 5. Ударом или ударами причинить вред кому-чему-н. <...>» [Толковый словарь русского языка, 2006, с. 374].

В поддержку мотива битья (см. 4-е значение слова *набить*) говорит образ деревенского дурня, которого неоднократно побивают в сказке «Набитый дурак» [Афанасьев]. Ср. также пословицы и поговорки: «*Дурь-то из тебя повыкололят*»; «*Учить дураков – не жалеть кулаков*»; «*Дурака и в алтаре бьют*»; «*Отбили дураку и последнюю память*» и др. [Даль, 1957, с. 439, 443, 444].

Сомнительной выглядит связь образа идиомы *набитый дурак* с семантикой приобретения опыта, знаний по аналогии с идиомами: *набить руку*; *глаз набит* [Журавлев, 2022].

Скорее, образу идиомы ближе образ балаганного Петрушки, шута и дурака. В народном кукольном театре Петрушка – озорной, грубый остряк, агрессивный задира, забияка и дебошир, в красном кафтане и красном колпаке с бубенчиками и с дубинкой в руке, с большой головой, на лице ярко прочерченные глаза, большой красный рот и длинный нос. Голос у Петрушки резкий, грубый и одновременно писклявый; для того, чтобы получался такой голос, кукольник языком к небу прижимал особое устройство, пищик. Своей дубинкой Петрушка дубасит всех других персонажей, шутиливо обыгрывает рифмы в диалогах, дурачится и веселится, но и ему достается. По типичному сюжету, Петрушка всем перечит, задирает глупыми виршами французского капрала, который обучает его воинской службе, или немца-доктора, который пришел его лечить, или цыгана, который пытается продать ему клячу, или самого черта; с этими персонажами, которые издавна в народе считались «лихоимцами», он дерется или их убивает; в конце по-

является собака, хватает Петрушку за нос и утаскивает его. Ср. отрывок из сценки «Капрал обучает Петрушку»: «[Петрушка:] Что? В салаты? [Офицер:] Нет, в солдаты. [Петрушка:] Что, в собаки? <...> Теперь я пропал. [Офицер:] Полно тебе плакать, вот тебе ружье. [Петрушка:] Это палка, а не ружье. [Офицер:] Сперва дураков бьют палкой, а потом ружьем» [Народный театр, 1991, с. 247]. Образ Петрушки, которого бьют за его глупые шутки и дурные проделки, вызывает связь по ассоциации с той пословицей, что уже приведена выше: «*Набили дурака, да и отпустили* (обдурился)». Однако говорить о том, что Петрушка или любая другая марионетка были чем-то набиты, не приходится: перчаточная кукла должна надеваться на руку кукловода. Большая голова, внутри пустая, изготавливалась из картона или из дерева и обивалась картоном, что обеспечивало громкий звук, когда по ней ударяли дубинкой. Внизу головы имелось отверстие, в которое вставлялись пальцы кукольника. Руку скрывал костюм куклы: к большой голове прикреплялся чехольчик с двумя рукавами и выходящими из них ладошками, иногда к красной рубаше пришивались штанишки, вправленные в лаковые сапожки. Скорее всего, на интерпретацию образа идиомы влияет не столько образ куклы, сколько ее амплуа как шута, наполненного грубостью, пустословием, вздором и дурью. Ср. толкование В.И. Даля: «Дурак, глупый человек <...> || Малоумный, безумный, юродивый || Шут, промышляющий дурью, шутовством» [Даль, 2004, с. 457].

Согласно изысканиям А.Ф. Журавлёва [Журавлев, 2022], выражение *набитый дурак* в авторской литературе появляется со 2-й половины XVIII в. в комедии Л.Т. (Луки Татищева?) «Свадьба господина Промоталова» (1774) и записках Д.И. Фонвизина «Чисто-сердечное признание в делах моих и помышлениях» (1780-е годы?) и его журнале «Друг честных людей, или Стародум» (1788). Интересно, что эпитет *набитый* со смыслом ‘абсолютный, законченный’ используется в сочетании с другими негативно-оценочными словами; ср. примеры в: [НКРЯ]: *набитые глупцы* (1838–1844); *набитые невежды* (1835); *набитые подлецы* (1849–1856).

С мотивом наполненности глупостью в образе идиомы *набитый дурак* соотносятся единицы, в основе внутренней формы которых лежит мотив полноты признака, его завершенности; ср.: *полный дурак, круглый дурак, законченный дурак, клинический дурак, дурак отпетый*. В двух последних выражениях к параметрическим смыслам завершенности добавляются смыслы безнадёжности и неотменимости: *отпетый* – ‘по которому уже совершен

церковный чин отпевания'. В соотношении с идиомами с мотивом полноты, завершенности признака воспринимается пословица: «*Набитые дураки – Богу печаль*» [Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 315]. Ср. также устарелое выражение: «*Патентованный дурак*. Всеми признанный таковым, имеющий полное право на такое название» [Михельсон, 1994б, с. 15]. Ср. поговорки: «*Он дурак прирожденный, самородковый, круглый*»; «*Глуп по самый кляч (кляч, на Волге, заметка на шесте осадки судна; глуп во всю глубину, во всю огрузку)*» [Даль, 1957, с. 437]. Есть и выражения, отражающие образы неполноты глупости: *с дурью; с придурью; пополам с дурью; половинный дурак* [Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 206, 208].

Однако образная семантика идиомы *набитый дурак* имеет свои особенности по сравнению с идиомами: *круглый дурак, полный дурак*, которые в словарях представлены как варианты (см. выше), поскольку прочитывается не только в пространственно-измерительном, но также в артефактивном коде культуры, образ набитого «переводит» человека в статус вещи, артефакта с пустым вместительным, которое служит для заполнения другими артефактами, вызывает ту самую «балаганную» ассоциацию с куклой как моделью человека, с персонажем, воплощающим глупость и дурость. Ср. диалектную идиому: *набитый дуростью* [Алексеев, Белоусова, Литвинникова, 2004, с. 132].

В русской фразеологии мотив наполненности глупостью, согласно первому значению слова *набить* – «наполнить, плотно вкладывая что-н. внутрь чего-н.» [Толковый словарь русского языка, 2006, с. 374], представлен в различных образах «неинтеллектуального» материала, негодного эквивалента мозгов, ума. Ср. отдельные примеры: *набит мякиной; мякина в голове; в башке опилки* [Большой словарь русских поговорок, 2008, с. 421, 32]. Сама голова как та часть тела, в которой, по сложившимся представлениям, осуществляется интеллектуальная деятельность, у глупого человека сделана из иного материала, часто растительного (как деревянная голова у куклы Петрушки); ср., например, устойчивые сочетания с опорным компонентом *голова / башка*: *деревянная, дубовая, еловая, мякинная, садовая* и др. [там же, с. 207]. Ср. также артефактивные образы: *башка из табачного горшка; дурилка картонная, лавсановая* [там же]. В этих и других фразеологизмах с семантикой глупости концептуализируется идея о том, что глупость неодинакова, и разные образы во фразеологии позволяют

систематизировать накопленные представления о мере глупости и формах ее проявления.

Обратимся к употреблению идиомы в речи по данным [НКРЯ].

На апрель 2026 г. зафиксировано 85 употреблений в прямом и косвенных падежах, с прямым и обратным порядком слов; из них в Основном корпусе: *набитый дурак* (46 текстов), *дурак набитый* (36 текстов); в Социальных сетях: *набитый дурак* (2), *дурак набитый* (1). В НКРЯ имеется 79 примеров употребления идиомы *набитая дура*: в Основном корпусе: *набитая дура* (19 текстов), *дура набитая* (53 текста); в Социальных сетях: *набитая дура* (1), *дура набитая* (6).

Во всех примерах без исключения идиомы *набитый дурак* и *набитая дура* служат выражению негативной оценки, часто в составе восходящей градации. Ср. [НКРЯ]: «*Лучшие поздно, чем никогда. Дурак я, дурак, набитый дурак*» (Владимир Личутин. Любостай (1987)); «– *Помилуйте, дядюшка, – сказал я полушепотом, – да ведь это просто дурак, набитый дурак!*» (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)); «*Как это ты до штаб-офицеров дослужился?.. Дурак набитый!*» (М.Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)); «*А муж – набитый дурак и, к тому же, ревнивец пристрашный*» (С.П. Жихарев. Записки современника (1806–1809)); «*Надька, конечно, дура набитая – алмаз на стекляшку меняет*» (Юрий Кашкин. Валюха–горюха // «Ковчег», 2013); «*Ах ты, Господи Боже мой, – думала в тот момент Маня. – Я такая набитая дура! Мне надо было с карандашом все высчитать...*» (Галина Щербакова. Ах, Маня... (2002)); «*... наконец, она дура набитая: у нее всегда все можно выпросить и даже выманить*» (А.Ф. Писемский. Хищники (1873)); «*А как молодая супруга моя была набитая дура, но превеликая красавица*» (Д.И. Фонвизин. Друг честных людей, или Стародум (1788)).

Важно отметить, что пропущенные составляющие, редуцированные в результате деривации пословиц, остаются предметом интерпретации и реконструкции валентности чем в окказиональном употреблении идиомы. Ср. [НКРЯ]: «*Набитый дурак. Именно набитый всякой блажью – советами, установками, набитый, как колбаса ливерная или мешок с горохом*» (Н.И. Кочин. Парни (1934)); «*Глупая! Дура набитая! Чем набитая? – спрашивала я, впервые услышав это выражение в Москве*» (Н.В. Нестерова. Избранник Евы (2006)); «*Русский культурный человек – дурак, набитый отбросами чужого мышления (чужим умом)*» (В.О. Ключев-

ский. Записные книжки (1893–1899)); «... дурак, который набит одними французскими глупостями» (Д.И. Фонвизин. Бригадир (1768–1769)).

Интерес к тому, чем именно набит глупый человек, проявляется в форме свободных рассуждений; ср. [НКРЯ]: «Большинство дураков читает мало. Но есть особая разновидность, которая всю жизнь учится. Это – дураки набитые. Название это, впрочем, очень неправильно, потому что в дураке, сколько он себя ни набивает, мало что удерживается» (Н.А. Тэффи. Дураки (1912)). Ср. также ставшую мемом фразу легендарного сыщика из российского телесериала «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», первая серия «Знакомство» (1979): «Человеческий мозг – это пустой чердак, куда можно набить все, что угодно. Дурак так и делает: тащит туда нужное и ненужное».

Подтверждением тому, что смыслы, идущие от этимологии идиомы, являются когнитивно релевантными сознанию современного носителя языка, служат результаты экспериментального исследования. Опрос, построенный методом анкетирования, по восприятию идиомы *набитый дурак (набитая дура)* проводился среди подписчиков в социальных сетях; в опросе приняли участие 40 человек обоего пола в возрасте от 22 до 42 лет, указавшие, что родным языком, на котором они думают, является русский язык. Основная часть анкеты представляла собой список вопросов, составленных в разговорной доверительной форме. «Что вы думаете – никуда не заглядывая и ни у кого не спрашивая – про выражение *набитый дурак (набитая дура)*? 1) Слышали ли вы эти выражения? 2) Что вы думаете о его происхождении? Какие ассоциации у вас возникают? 3) Усиливает ли негативную оценку *дурака* то, что он *набитый*? 4) Вы вообще так говорите? А если нет, то как? Пожалуйста, напишите свои ответы, даже самые безумные, на все или несколько из этих вопросов в комментариях! Это нужно и важно».

Приведем типичные ответы, полученные в результате проведенного опроса [в ответах респондентов сохранены орфография и пунктуация; выделение полужирным шрифтом наше. – М. К.].

1. [07.03.2026 14:35] Maudie 30 лет: у меня ассоциируется с *безмозглым чучелом, набитый соломой*.

2. [07.03.2026 14:36] Катрин 25 лет: По ассоциации типа как *набили соломой голову вместо мозгов*. Наверное какая-то отсылка к *чучелу* который искал мозги?

3. [07.03.2026 14:49] Ксения 23 года: *Набитый чем-то, ватой*, например. *Набитый* это усиление. Есть просто дурак, а есть набитый дурак.

4. [07.03.2026 14:52] Milena 25 лет: *Набитый*, наверное, *соломой*.

5. [07.03.2026 15:29] Рома 42 года: *Плюсю про солому, как чучело из Изумрудного города*. Мне кажется, набитый усиливает слово «дурак», как полный дурак. Не удивлюсь, что слово дурак изначально не было обзывательством, а просто обозначало некий предмет.

6. [07.03.2026 18:48] Ящерка 25 лет: *набитый это от слова «набивать»*, скорее всего чучело или что-то такое, что нужно чем-то наполнять / набивать.

7. [07.03.2026 18:49] Лимончик 38 лет: ну происхождение наверное от какого нибудь *фестиваля шутов или чучел*, наверное его надо было набить чем-то для чего то, ноль идей я чаще редко использую в речи слово дурак, обычно что то более емкое типа *банутый, или что то более точное типа «бесит своей тупостью».

8. [07.03.2026 18:50] Найтингейл 40 лет: У меня слово «набитый» вызывает мысль об *игрушке, набитой соломой* или чем-то таким. Что ума не больше, чем у куклы условно.

9. [07.03.2026 19:20] Гэвочка 26 лет: думаю, происхождение выражения первоначально было связано с какой-то *фигуркой/чучелом/чем-то подобным: набитый = полный*.

10. [08.03.2026 00:49] Musician 27 лет: для меня «набитый дурак» ассоциируется с *башкой, которая набита чем-то бесполезным*, ну как в песенке про Винни Пуха, или сеном как у чучела. Я обычно использую выражения покрепче и обиднее: набитый дурью по самую ж###, крезанутый, звезданутый, ###нутый, долбанутый.

11. [08.03.2026 01:30] Zanuda 31 год: Я пришел на зов сбора статистики (и буду разбавлять интеллектуальные результаты) первым всплывает визуальный образ, сформированный еще детским умом: *дурак, которому периодически крепко достаётся за его дурачества, но тупить он не перестает*) Но дураки в основном *небитые попадают*ся и вот вроде бы со временем конструкцию я переосмыслил, догнал, что «набитость» это *про набивных кукол, которые соломенные чучела* хоть для огорода, хоть для ритуального сожжения на масленицу, а чучела явно умом не блещут... но версия про необучаемость дурака все равно со мной. Надо было в детстве задавать вопросы, а не додумывать их.

Опрос показал связь в сознании носителей языка актуального значения идиомы с исходным образом, антропоморфным предметом, а также интерпретацию образа и значения идиомы в пространстве культуры.

Главным мотивом выражения, согласно ответам, является мотив наполненности глупца негодным материалом. Респонденты в ответах конкретизируют, чем набит «дурак»; тем самым, показано, что в сознании современных носителей языка пропущенные составляющие образа семантически не исчезают и при фиксации внимания на образе получают осмысление. Русский балаганный персонаж Петрушка, который набит дуростью, дерется и которого также за дурость бьют, не указан ни в одном из ответов; вместо этого были указаны другие культурные персонажи: Винни-Пух, Страшила и др. Приведены актуальные, на взгляд респондентов, аналоги идиомы (см. ответы 7 и 10), в которых выражается смысл агрессивного воздействия на человека, его «обдурения»; ср. также идиому: *пыльным мешком ударенный*. То, что данные выражения указаны как аналоги (синонимы) идиомы *набитый дурак*, говорит о глубинной связи образов с мотивом «дурака бьют», имеющим народные корни в сказках и пословицах.

Заключение

Историко-этимологический, семантический и лингвокультурологический анализы показали отличие идиомы *набитый дурак*, в основе которой лежит совокупность артефактивной и параметрической метафор, от выражений с параметрической метафорой: *полный дурак, круглый дурак*. В образе идиомы *набитый дурак* глупый человек уподоблен антропоморфному чучелу, шутовской марионетке как вместилищу глупости. Пропущенные в результате фразеологической деривации составляющие исходных пословиц в полной мере не «выветриваются» благодаря тому, что сохраняется культурный фон, представления о глупцах, нашедшие выражение в фольклоре и художественной литературе. Связь между исходными образами и смыслами в пословицах и актуальным значением идиомы обнаруживается при интерпретации идиомы *набитый дурак* в художественном контексте, а также реконструкции и конкретизации валентности *чем*. Экспериментальный опрос по восприятию идиомы выявил осознание образной мотивации идиомы и связь этой мотивации со стереотипами, идеями, установками, имеющими культурные предпочтения. Исследование этого и дру-

**Об одном случае фразеологической деривации:
«след» исходных образов в актуальной семантике идиомы**

гих случаев фразеологической деривации показывает, что образ является не только способом указания на актуальное значение, но также способом хранения культурных смыслов, которые и «держат связь» между исходными и производными единицами, которые, в данном конкретном случае, объединяет связь с предписаниями традиционной народной культуры.

Список литературы

- Алексеев М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И.* Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. – Москва : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. – 238 с.
- АСРФ – Академический словарь русской фразеологии* / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – Москва : ЛЕКСПУС, 2015. – 1168 с.
- Афанасьев А.Н.* Русские заветные сказки. – URL: <https://www.livelib.ru/book/20618/read-russkie-zavetnye-skazki-aleksandr-afanasev/~117> (дата обращения: 20.04.2026).
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Очерки общей и русской фразеологии. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2024. – 280 с.
- Благова Г.Ф.* Пословица и жизнь. – Москва : Восточная литература РАН, 2000. – 222 с.
- Большой словарь русских поговорок* / Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (сост.) – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
- Большой словарь русских пословиц* / Мокиенко В.М. (ред.). – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
- Гвоздарев Ю.А.* Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону : РГУ, 1977. – 184 с.
- Даль Вл.* Пословицы русского народа. – Москва : Гос. изд-во: художественной литературы, 1957. – 991 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва : ОЛМА–ПРЕСС, 2004. – Т. 1. – 640 с.
- Журавлев А.Ф.* Набитый дурак (к происхождению идиомы) // Русский язык в научном освещении. – 2022. – № 1 (43). – С. 206–216.
- Князь Феликс Юсупов.* Мемуары в двух книгах / пер. с фр. Е.Л. Кассировой. – Москва : Захаров, 2008. – 430 с.
- Ковишова М.Л.* Деривация идиом как системно-языковое и дискурсивное явление: на сто процентов // Язык, культура, коммуникация. – Орел : ОГУ имени И.С. Тургенева, 2024. – С. 43–51.
- Ковишова М.Л.* К вопросу о фразеологической деривации: редукция форм vs редукция смыслов // Научный журнал «Мир русского слова». – 2026. – № 1. – С. 141–145.
- Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. – Москва : Русские словари, 1994а. – Т. 1. – 819 с.
- Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. – Москва : Русские словари, 1994б. – Т. 2. – 936 с.

- Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – Москва : Высшая школа, 1980. – 207 с.
- Народный театр. Библиотека русского фольклора. – Москва : Сов. Россия, 1991. – 544 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.04.2026).
- Русские пословицы и поговорки / В.П. Аникин (ред.). – Москва : Художественная литература, 1988. – 431 с.
- Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова (ред.) – Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
- Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков (ред.). – Москва : Русский язык, 1987. – 543 с.

References

- Alekseenko M.A., Belousova T.P., Livtinnikova O.I. *The Human Being in Russian Dialectal Phraseology: Dictionary*. Moscow: ITI TEKHNLOGII Publ., 2004. 238 p. (In Russian)
- ASFR – *Academic Dictionary of Russian Phraseology* / A.N. Baranov, D.O. Dobrovol'skij (eds.) Moscow: LEKSURUS Publ., 2015. 1168 p. (In Russian)
- Afanas'ev A.N. *Russian Secret Tales*. URL: <https://www.livelib.ru/book/20618/read-russkie-zavetnye-skazki-aleksandr-afanasev/~117>. (accessed: 20.04.2026). (In Russian)
- Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. *Essays on General and Russian Phraseology*. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK Publ., 2024. 280 p. (In Russian)
- Blagova G.F. *A Proverb and Life*. Moscow: Oriental Literature RAN, 2000. 222 p. (In Russian)
- Unabridged Dictionary of Russian Folk Sayings* / comp. by V.M. Mokienko, T.G. Nikitina Moscow: ZAO "OLMA Media Grupp" Publ., comp. by 2008. 784 p. (In Russian)
- Unabridged Dictionary of Russian Proverbs* / ed. by V.M. Mokienko. Moscow: ZAO "OLMA Media Grupp" Publ., 2010. 1024 p. (In Russian)
- Gvozdev Yu.A. *The Basics of Russian Phraseology*. Rostov on Don: RGU, 1977. 184 p.
- Dal' V.I. *Proverbs of the Russian People*. Moscow: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957. 991 p. (In Russian)
- Dal' V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 Vol. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2004. Vol. 1640 p. (In Russian)
- Zhuravliov A.F. *Nabityi Durak 'Stuffed / Beaten Fool': on the Origin of the Idiom*. In: *Russian Language and Linguistic Theory*. 2022. N 1 (43). Pp. 206–216. (In Russian)
- Prince Felix Yusupov. *Memoirs in Two Books* / Transl. from French by E.L. Kassirova. Moscow: "Zakharov", 2008. 430 p. (In Russian)
- Kovshova M.L. *Derivation of Idioms as the System Derivation of Idioms as a Systematic-Linguistic and Discursive Phenomenon: Russian Idiom 'At One Hundred Per Cent'*. In: *Language, Culture, Communication*. Oryol: OGU im. I.S. Turgeneva Publ., 2024. Pp. 43–51. (In Russian)
- Kovshova M.L. *To the Issue of Phraseological Derivation: Forms Reduction vs. Meaning Reduction*. In: *Scientific Journal "The World of the Russian Word"*. 2026. N 1. Pp. 141–145. (In Russian)

**Об одном случае фразеологической деривации:
«след» исходных образов в актуальной семантике идиомы**

- Mikhel'son M.I. *Russian Thought and Speech: Own and Alien. An Essay on Russian Phraseology. Collection of Figurative Words and Allegories*. In 2 Vol. Moscow : Russkie slovari Publ., 1994a. Vol. 1. 819 p. (In Russian)
- Mikhel'son M.I. *Russian Thought and Speech: Own and Alien. An Essay on Russian Phraseology. Collection of Figurative Words and Allegories*. In 2 Vol. Moscow : Russkie slovari Publ., 1994b. Vol. 2. 936 p. (In Russian)
- Mokienko V.M. *Slavic Phraseology*. Moscow : Vysshaja shkola Publ., 1980. 207 p. (In Russian)
- Street Theatre. The Library of the Russian Folklore*. Moscow : Sovetskaja Rossija Publ., 1991. 544 p. (In Russian)
- NKRYA [RNC] –*Russian National Corpus*. URL: ruscorpora.ru (accessed: 20.04.2024).
- Russian Proverbs and Folk Sayings* / V.P. Anikin (ed.). Moscow : Khudozhestvennaja literatura Publ., 1988. 431 p. (In Russian)
- Explanatory Dictionary of the Russian Language* / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova (eds.). Moscow : OOO “A TEMP” Publ., 2006. 944 p. (In Russian)
- Russian Phraseological Dictionary* / A.I. Molotkov (ed.). Moscow : “Russkij jazyk” Publ., 1987. 543 p. (In Russian)

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

УДК 81.0

DOI: 10.31249/ling/2026.04.10

Раренко М.Б.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ГЕРМАНОВА Н.Н., КОСТЕВА В.М., РАДЧЕНКО О.А.
ЖЕНЩИНЫ В ЛИНГВИСТИКЕ XVIII ВЕКА:
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, РОССИЯ, ГЕРМАНИЯ / отв. ред.
О.А. РАДЧЕНКО. – МОСКВА: ЛЕНАНД, 2025. – 200 с.**

Аннотация. В рецензируемой книге исследован вклад, который внесли в лингвистику женщины в XVIII веке. Монография состоит из введения, пяти глав («Женский вклад в интеллектуальную жизнь Великобритании XVIII в.», «Женщины – авторы грамматик в Великобритании XVIII в.», «Эстер Линч Трейл Пьюцци и британская лексикология VIII в.», «Женщины-лингвисты в России XVIII в.», «Женский вклад в интеллектуальную жизнь Германии XVIII.»), заключения и библиографии.

Монография адресована широкому кругу читателей: профессиональным лингвистам, историкам культуры и всем, кто интересуется историографией лингвистики, историей культуры России, Великобритании, Германии.

Ключевые слова: история лингвистики; грамматика XVIII в.; лексикология XVIII в.; женщины в лингвистике; Россия; Великобритания; Германия.

Для цитирования: Раренко М.Б. Рецензия на книгу: Германова Н.Н., Костева В.М., Радченко О.А. Женщины в лингвистике XVIII века: Вели-

¹ Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; garenco@rambler.ru

Рецензия на книгу: Германова Н.Н., Костева В.М., Радченко О.А. Женщины в лингвистике XVIII века: Великобритания, Россия, Германия

кобритания, Россия, Германия / Отв. ред. О.А. Радченко. – Москва: ЛЕНАНД, 2025. – 200 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2026. – № 4. – С. 146–159. – DOI: 10.31249/ling/2026.04.10

Поступила в редакцию: 30.06.2026.

Принята в печать: 30.07.2026.

Rarenko M.B.*

**BOOK REVIEW: GUERMANOVA N.N., KOSTEVA V.M.,
RADCHENKO O.A. WOMEN IN LINGUISTICS OF THE
XVIIITH CENTURY: GREAT BRITAIN, RUSSIA, GERMANY /
ed. by O.A. RADCHENKO. – MOSCOW: LENAND PUBL.,
2025. – 200 p.**

Abstract. The peer-reviewed book presents the results of a study of the contribution that women made to linguistics in the 18th century. The monograph consists of an introduction and five chapters (“Women's contribution to the intellectual life of eighteenth-century Britain”, “Women authors of grammars in eighteenth-century Britain”, “Esther Lynch Trail Piozzi and eighteenth-century British Lexicology”, “Women Linguists in eighteenth-century Russia”, “Women's Contribution to the Intellectual life of eighteenth-century Germany”), Conclusions, and Bibliographies. The monograph is addressed to a wide range of readers: professional linguists, cultural historians, and anyone interested in the historiography of linguistics, cultural history of Russia, Great Britain, and Germany.

Keywords: history of linguistics; women in linguistics; Russia; Great Britain; Germany; 18th century grammar; 18th century lexicology.

For citation: Rarenko M.B. Book review: Guermanova N.N., Kosteva V.M., Radchenko O.A. Women in Linguistics of the XVIIIth Century: Great Britain, Russia, Germany / ed. by O.A. Radchenko. – Moscow: LENAND Publ., 2025. – 200 p. // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 4. – Pp. 146–159. DOI: 10.31249/ling/2026.04.10

* Rarenko Maria Borisovna – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; rarenco@rambler.ru

Received: 30.06.2026.

Accepted: 30.07.2026.

Рецензируемая монография трех докторов филологических наук – Н.Н. Германовой, В.М. Костевой, О.А. Радченко – представляет собой анализ того вклада, который внесли женщины в лингвистику XVIII в., на примере России, Великобритании и Германии. Монография состоит из введения, пяти глав, заключения и списка библиографии (с. 180–195).

Главы первая – третья монографии («Женский вклад в интеллектуальную жизнь Великобритании XVIII в.», «Женщины – авторы грамматик в Великобритании XVIII в.», «Эстер Линч Трейл Пьюцци и британская лексикография XVIII в.») написаны Н.Н. Германовой и представляют общую ситуацию, сложившуюся в XVIII столетии в области женского образования; они содержат редкие сведения о создательницах английских грамматик, женщинах-ученых, заложивших основы германистики в Великобритании, и авторах лексикографических работ. Персоналии, представленные в данных главах, мало знакомы русскоязычному читателю, что определяет особенную ценность этих глав. Глава четвертая «Женщины-лингвисты в России XVIII в.» (автор В.М. Костева) посвящена лингвистической деятельности женщин в России, прежде всего Е.Р. Дашковой и Екатерины Великой. Интерпретируя изученный материал, автор приходит к выводу о том, что, не будучи лингвистами в прямом значении этого слова, они сыграли, тем не менее, важную роль, направляя развитие науки в русло становления нового литературного языка. В главе пятой «Женский вклад в интеллектуальную жизнь Германии XVIII в.» О.А. Радченко обращает внимание на такую важную часть лингвистической историографии, как ее литофанический аспект, под которым понимает неявную, скрытую, негласную историю того, как удалось мужчинам-классикам языкознания стать таковыми. О.А. Радченко исследует роль женщин как соавторов научного успеха мужчин в развитии языкознания; их статус простирается от жены, подруги, организатора модного литературного салона, до руководительницы государства. Оригинальный материал первоисточников раскрывает внутреннюю атмосферу общественной и семейной жизни в Германии XVIII в. и позволяет создать четкое представление об условиях деятельности таких знаковых персонажей немецкой лингвистической науки, как В. фон Гумбольдт, Ф. Шлегель и др.

Авторы монографии касаются переводческой и, отчасти, литературоведческой деятельности женщин, что позволяет сделать вывод об общности интересов и универсальной дискурсивной практике (в трактовке М. Фуко) лингвистики XVIII в. Монография рассчитана на широкий круг читателей, она представляет интерес как для специалистов-языковедов, аспирантов и студентов, обучающихся по направлению «Лингвистика», так и для интересующихся историей в целом и историей языкознания, в частности.

Во введении отмечается, что тема женщины в науке исторически привлекала к себе внимание историографов той или иной отрасли знания, но особенно популярной она стала в последние два десятилетия. В этот период появился целый ряд значительных публикаций, как общей направленности, так и узкоспециальной. Однако обращение к теме женщин-лингвистов выявило ряд определенных лагун, что обуславливается довольно фрагментарным представлением об их деятельности в целом. Авторы констатируют отсутствие связной истории женщин в языкознании.

Авторами монографии в качестве основного был выбран метод нарративной лингвоисториографии. Это относительно новое научное направление было сформировано в 1980-е годы и существенно расширило горизонты историко-лингвистических изысканий. Метод нарративной лингвоисториографии позволяет исследователям выйти за рамки простого изложения фактов или хронологического обзора теорий и представить научную концепцию и личность ученого в их максимальной полноте и многомерности, охватить при этом разные аспекты исследования, к которым относятся как бесспорные достижения и сильные стороны, так и слабые места, спорные решения и даже ошибки, допущенные в процессе работы. В то же самое время этот всесторонний подход предоставляет читателю возможность сформировать собственное, личное и независимое суждение об изучаемой фигуре, которое при этом вовсе не обязано совпадать с устоявшимися в научной традиции оценками и стереотипными представлениями (с. 6).

Методологическая база нарративной лингвоисториографии опирается на широкую и разнородную эмпирическую базу; исследователь обращается к разным типам источников: законодательные и нормативные акты, учебники и учебные пособия, статьи в периодической печати, публицистические заметки и научно-популярные материалы, мемуары и дневниковые записи современников, личные впечатления и личная переписка. Многообразие привлекаемых документов позволяет исследователям выйти за узкие

пределы сугубо текстологического анализа и воссоздать так называемый личностно-исторический контекст.

Благодаря использованию метода нарративной лингвистикографии исследователям удастся найти ответы на ряд принципиальных вопросов, многие из которых до сих пор остаются на периферии традиционных историко-научных исследований. Центральным среди таких вопросов для авторов монографии является вопрос о том, какие именно обстоятельства – внутренние побуждения, внешние стимулы, семейная среда, общественные ожидания или случайные жизненные повороты – подталкивают женщину к лингвистическим изысканиям тогда, когда академическая карьера для них была скорее исключением, нежели правилом. Интересует авторов монографии и другой важный вопрос: почему у женщин-исследовательниц возникает устойчивый интерес именно к определенным, конкретным областям лингвистического знания – будь то лексикография, перевод, диалектология или проблемы языковой нормы, – и чем обусловлен выбор тех или иных научных приоритетов.

Характеризуя ситуацию в Великобритании XVIII в., Н.Н. Германова отмечает, что, несмотря на существующие значительные социальные различия, они тем не менее были преодолимы. Многие знаменитые люди, чьи имена вошли в культурную историю страны, имели более чем скромное происхождение и добились поразительного взлета благодаря собственным талантам. Это утверждение оказывается справедливым не только по отношению к мужчинам, но и к женщинам: «В Великобритании XVIII в. гендерные роли были достаточно четко очерченными, и в общественном мнении закрепилось представление об оппозиции между активной общественной жизнью мужчин и домашним досугом, считавшимся уделом женщин. Однако мир образования, культуры и эрудиции не был полностью закрыт для женщин, принадлежавших к среднему классу или аристократии, особенно если они обладали собственными средствами или пользовались поддержкой покровителей или покровительниц. Женщины могли проявлять себя как в частной, так и в институционализированной сферах» (с. 9–10). С одной стороны, мир женщин составляли «контексты, связанные с досугом и личностным общением, такие, как светские приемы, дискуссионные общества, посещение театров и общественных коммерческих парков; с другой – женщины могли преподавать, заниматься меценатством и участвовать в различных политических кампаниях» (с. 10). Но в большинстве случаев женщины были зависимы от

так называемых «социальных сетей», в которые они входили: «благодаря своим талантам одаренным дамам нередко удавалось заручиться поддержкой влиятельных особ, которые открывали им двери своих салонов, знакомили с издателями и собратями по перу, обеспечивали материальную поддержку публикации их сочинений (в том числе через распространение подписки на готовящееся издание, львиную долю которой оплачивал сам меценат)» (с. 10). Некоторые образованные дамы добивались поистине выдающихся успехов: Элизабет Картер под руководством отца-священника выучила в молодости латинский и греческий языки, а несколько позднее – иврит, французский, итальянский, испанский, немецкий, португальский и арабский, прославилась как переводчица философских трудов Эпиктета.

В Великобритании XVIII век принято считать пиком прескриптивизма в британской грамматической традиции, когда английский язык и его нормы оказываются в центре внимания. Число грамматик английского языка, выпущенных в Великобритании с начала XVIII в., неуклонно возрастает; всего за XVIII век было опубликовано около 240 грамматик. В XVIII веке вопрос о воспитании и образовании молодого поколения, в том числе и девочек, становится предметом активного обсуждения. В частности, девочки, по общему мнению, должны были владеть навыками речи, отвечающей социально одобренным требованиям чистоты и правильности, поскольку образование «повышало их шансы на рынке невест и готовило к более эффективному исполнению роли матери, готовой руководить обучением детей в юном возрасте» (с. 27). Девочки, как правило, получали домашнее образование, и нередко именно родители, чаще всего матери, занимались образованием своих дочерей.

В XVIII в. чтение становится весьма распространенной формой женского досуга в образованных, не обязательно с высоким достатком кругах – не все приходские, школьные, городские библиотеки брали плату за пользование книгами, а кроме того, книги, газеты и журналы можно было взять взаймы у более обеспеченных знакомых. В то же самое время многие британские женщины XVIII в., не претендуя на роль писательниц, пробовали свои силы в околोलитературных жанрах: письма, мемуары, дневники. Неудивительно, что многие грамматики в Великобритании XVIII в. были написаны женщинами – школьными учительницами и предназначены для учащихся школ для девочек, а также рассчитаны на использование в кругу семьи матерями, занимающимися воспитанием

своих детей. К числу хорошо описанных грамматик английского языка, принадлежащих перу женщин, относятся грамматики Энн Фишер (1745), Эллин Дэвис (1775), Джейн Гардинер (1799), М. Эдвардс (1796), Бланш Мерси (1799), миссис Тейлор (1791), миссис Ивз (1800). Особого внимания заслуживает серия грамматик и разнообразных учебных пособий леди Элеанор Фенн, публиковавшей их под псевдонимами Лавчайлд (Lovechild, дословно: «любить ребенка») или Тичвелл (Teachwell, дословно: «учить хорошо»). Н.Н. Германова отмечает, что ее грамматика “The Child's Grammar” выдержала 28 переизданий и продолжала издаваться в XIX в.

Элизабет Элстоб (1683–1756) заслуживает особого упоминания: будучи ученым в прямом смысле этого слова, она прославилась как издатель древних текстов и автор первой грамматики древнеанглийского языка, написанной на английском языке. Она является единственной женщиной-медиевистом XVIII в. не только в Великобритании, но и в Европе. Имеются сведения, что она планировала написать историю женщин-интеллектуалок – королев, аристократок и монахинь. Истории жизни и творчества Элизабет Элстоб Н.Н. Германова посвятила третий раздел второй главы.

Эстер Линч Трейл, во втором замужестве – Эстер Линч Пьюцци (1741–1821), часто упоминаемая в научной литературе в связи с ее дружбой со знаменитым лексикографом Сэмюэлем Джонсоном, была весьма известной в то время писательницей и автором второго в истории словаря синонимов английского языка, который, как утверждают исследователи, стал первым по-настоящему оригинальным словарем этого жанра (словарь ее предшественника Дж. Траслера, считающийся первым, во многом копировал словарь французских синонимов аббата Жирара). О жизни и творчестве Эстер Линч Трейл (Пьюцци) подробно рассказывается в третьей главе монографии. Н.Н. Германова отмечает, что «словарь Э.Л. Пьюцци, находящийся в самом начале “линейки” словарей синонимов английского языка, имеет все основания занять достойное место в их ряду, даже несмотря на достаточно вольный подход автора к своему предмету...» (с. 88).

Говоря о воспитании и образовании русских женщин в XVIII в., В.М. Костева предлагает выделить, условно, конечно, три периода: «1. языческий, где существует гендерное равенство в разных областях, в том числе и по физическим параметрам; 2. христианский, характеризующийся полным разделением полов; 3. западного влияния, когда русская женщина сменила свой теремной

(закрытый) образ жизни на открытую общественную жизнь», напоминая при этом, что «XVIII век вошел в историю России под названием Женского века» не только потому, что знаменуется царствованием четырех императриц, но и потому, что «именно в этот третий период начинается переосмысление роли женщины в обществе, изменились подходы к ее воспитанию и обучению» (с. 89). В XVIII в. большее значение стало приобретать обучение и образование женщин-дворянок: «вопрос стоял не просто об образовании женщин, а о его специфике. Идея эта касалась образования дворянских женщин, а ее целью было создание целой системы женского образования» (с. 91). Преобладающим типом образования для женщин было домашнее, включавшее обучение языкам, музыке, танцам и хорошим манерам, при этом качество образования зависело от финансовой состоятельности родителей и от потребностей семей в образовании.

В.М. Костева пишет: «Деятельность русских лингвистов вообще и русских женщин-лингвистов, в частности, была связана непосредственно с проводимой в XVIII в. языковой политикой, которая имеет для истории русского языка особое значение. Реформы Петра I затронули все сферы общественной жизни, в том числе и языковую. Как и в других явлениях культуры Петровской эпохи, речь шла о борьбе старого с новым; в реформе языка в качестве старого рассматривался церковнославянский, книжный язык, который обладал негативными качествами, тормозящими в определенной степени развитие общественного просвещения» (с. 97). В.М. Костева придерживается точки зрения, что деятельность русских женщин-лингвистов в тот период – прежде всего лексикографическая и переводческая – не являлась спонтанным занятием, а соответствовала требованиям времени и насущным задачам языковой политики того времени.

Указ Петра I, предписывавший «писать, как говорят», положил начало целому комплексу сложнейших филологических вопросов, которые не утратили своей остроты и по сей день. В центре этих дискуссий оказались ключевые понятия языкового узуса, литературной нормы и грамматического канона, а также их подвижные границы. Осознание необходимости системного решения данных задач пришло уже в XVIII столетии, и за их разрешение взялись несколько выдающихся ученых, каждый из которых, руководствуясь собственной лингвистической концепцией, предлагал оригинальные пути преодоления возникших трудностей. В ряду первых языковых реформаторов традиционно называют предста-

вителей «сильной половины» человечества – Василия Кирилловича Тредиаковского (1703–1768) и Алексея Петровича Ададурова (в некоторых источниках – Адодурова) (1758–1835), которые сосредоточили свои усилия на лексическом богатстве русского языка, подвергнув тщательному анализу архаичную лексику, региональные диалектизмы и обширный пласт иноязычных заимствований. Параллельно с ними колоссальный вклад в развитие отечественной словесности вносил Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765), чьи теоретические труды надолго определили вектор развития литературного языка. Однако было бы несправедливо обойти вниманием и роль женщин, сыгравших в этом процессе не менее значимую роль, – прежде всего княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810) и императрицы Екатерины II (1729–1796, царствование с 1762 по 1796 год).

Княгиня Е.Р. Дашкова вошла в историю не только как видный государственный и общественный деятель, но и как неутомимая подвижница на ниве литературы и лингвистики. Как подчеркивает исследователь В.М. Костева, обращаясь к вопросу о формировании Дашковой-языковеда, нельзя не принимать во внимание специфику аристократического домашнего воспитания, сложившегося в XVIII веке: в его программе изучение родного русского языка, как ни парадоксально, не предусматривалось вообще. Вплоть до своего достаточно раннего замужества Дашкова практически не владела письменной речью на русском языке и даже устно изъяснялась на нем с большим трудом, хотя в доме ее дяди М.Л. Воронцова, где она воспитывалась, с ней занимался русским языком Ф.Д. Бехтеев – известный переводчик, впоследствии секретарь Коллегии иностранных дел и российский поверенный в делах во Франции. Первые осознанные шаги в области лингвистики Е.Р. Дашкова сделала через переводческую деятельность, что было вполне типичным и даже традиционным занятием для образованных женщин той эпохи. В 1790 г. по ее инициативе был основан Институт для подготовки профессиональных переводчиков, фактическое руководство которым осуществлял А.П. Протасов.

Особого упоминания заслуживает выдающаяся роль Е.Р. Дашковой в продвижении и кодификации русского литературного языка. Именно 30 октября 1783 г. стало знаменательной датой основания Российской академии – идея этого научного учреждения родилась в ходе ее личной беседы с императрицей Екатериной II. Главным же плодом и бесспорным итогом работы Академии яви-

лось создание ее учеными знаменитого шеститомного «Словаря Академии Российской», вышедшего в свет в 1789–1794 гг. Этот фундаментальный труд по праву получил статус первого толкового словаря русского языка и включил в свой корпус свыше 43 тыс. слов. Словарь, выдержанный в духе своего времени, открывался торжественным посвящением на титульном листе: «Ея Императорскому величеству Екатерине II и Самодержице Всероссийской, Матери Отечества; Российская Академия, благодетельствующая Ея насажденная, первый плод трудов своих, в жертву благодарения, всеподданейше приносит» (с. 109). В пространном предисловии составители четко определили цель и задачи своего труда, которые заключались в «сочинении словаря или изъяснения слов, речений, речей и разного образа вещаний в языке Славеноросском употребительных», а также «в облегчении познания точного смысла и употребления языка», что, по их глубокому убеждению, «откроет путь к правилам и послужит упорядочиванию всех наук словесных» (с. 109). На семнадцатой странице первой части Словаря помещен полный перечень членов Российской академии, и на самой первой позиции среди них значится Председатель Е.Р. Дашкова, обозначенная как «Ея Императорского Величества статс-дама». Всего же для первого издания этого монументального лексикографического труда Дашкова лично подготовила около семисот словарных статей, что стало весомым личным вкладом в общее дело.

Подводя краткие итоги лингвистической деятельности Е.Р. Дашковой, В.И. Костева отмечает, что она, не будучи филологом по образованию, «по природе своей обладала большой языковой интуицией, многие ее идеи в части фонетики, лексикографии, семантики, теории и практики переводоведения нашли свое развитие в языковедческих работах нескольких поколений лингвистов» (с. 117).

В монографии нашла отражение лингвистическая деятельность Екатерины II. В числе просветительских задач, которые ставила перед собой Екатерина II, была задача изучения, нормирования, кодификации и распространения русского языка, к которому Екатерина относилась с большим пиететом, изучая его с большим прилежанием. В ее текстах, составленных по разным поводам, Екатерина II регулярно высказывалась на тему русского и других славянского языков, особенно ее интересовали вопросы этимологии славянских языков, что в последующем вылилось в лексикографический проект, цель которого состояла в том, чтобы «вы-

явить слова, обозначающие простые общие понятия, описать их и перевести на все доступные языки» (с. 121). Императрица собственноручно в течение девяти месяцев отбирала корневые слова для будущего словаря, а ее личное участие подтверждается в написанном Палласом предисловии к словарю от 1787 г., а также в названии самого словаря: «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы».

Как справедливо замечает В.М. Костева, данный лексикографический труд явился уникальным явлением для своей эпохи прежде всего потому, что в нем нашли органичное воплощение сразу несколько принципиально различных подходов к семантизации лексического материала. Во-первых, этот словарь с полным основанием может быть охарактеризован как тезаурус – т.е. такое лексикографическое издание, в котором все слова располагаются не в случайном или чисто алфавитном порядке, а объединяются в стройные смысловые группы (таксоны) в зависимости от их значения, что позволяло читателю видеть системные связи между понятиями и лучше понимать внутреннюю логику языка. Во-вторых, данное произведение представляет собой не просто одноязычный толковый словарь, но, по сути, многоязычный переводной словарь, поскольку помимо развернутого толкования на русском языке оно содержит ценнейшие сведения о произносительной стороне представленных лексем. Особого внимания заслуживает способ фиксации звучания иноязычных слов: их транскрипция осуществлялась не с помощью специальных фонетических знаков, а посредством обычных русских букв, что делало произношение доступным для понимания даже неподготовленному читателю. Остаётся не до конца выясненным, кому именно принадлежала эта новаторская идея – самой императрице Екатерине II или же академику П.С. Палласу, который в своем предисловии к первому изданию Словаря с убежденностью писал: «Для показания точного произношения всех сих языков нет лучше и способнее всех Европейских азбук, как Российская, что сколь бы странно с первого виду другим народам ни казалось, однако с помощью Греческой весьма легко ей изучиться можно» (с. 123). Это смелое заявление свидетельствовало о высокой оценке возможностей русского алфавита и о стремлении придать русской графике статус универсального фонетического инструмента.

Однако плодотворная деятельность Екатерины II в области отечественного языкознания отнюдь не ограничивалась созданием и поддержкой этого фундаментального академического словаря.

Императрица проявляла живой и неподдельный интерес к самым разным пластам русской народной речи, и в особенности – к пословицам и поговоркам, в которых, по ее глубокому убеждению, концентрировалась многовековая мудрость народа, его бытовой уклад, нравственные идеалы и своеобразие национального характера. Прямым воплощением этого интереса стало издание небольшой, но примечательной по своему замыслу книги под названием «Выборные российские пословицы», вышедшей в свет в 1790 г. Это скромное по объему издание насчитывало всего 126 пословичных выражений, размещенных на пятнадцати страницах, однако его культурное и лингвистическое значение оказалось гораздо весомее, чем может показаться на первый взгляд. Примечательно, что на титульном листе книги имя автора или составителя отсутствует, что породило среди исследователей немало вопросов и догадок. Тем не менее большинство специалистов сходятся во мнении, что сама инициатива создания подобного сборника принадлежала, бесспорно, Екатерине II, которая нередко выступала вдохновительницей многих просветительских предприятий своей эпохи. Вместе с тем вопрос о непосредственном авторстве собирателей и систематизаторов этих пословиц до сих пор остается открытым: достоверно неизвестно, кто именно занимался отбором, записью и литературной обработкой паремий, – возможно, это была работа целого круга приближенных к императрице литераторов и филологов, либо же сам материал собирался по крупицам из разных источников, что лишь добавляет этой небольшой книге дополнительной загадочности и привлекает к ней внимание современных историков языка.

Отдавая дань уважения и признания труду Е.Р. Дашковой и Екатерины II, В.М. Костева, тем не менее, отмечает, что этих дам «при всех их безусловных заслугах нельзя назвать лингвистами в полном смысле этого слова. Их роль состояла в организации науки, в планировании проектов, подборе кадров, контроле за их реализацией. В современной научной парадигме они были скорее отличными менеджерами науки, использовавшими хороший административный ресурс» (с. 125).

Среди других женщин, сыгравших важную роль в развитии лингвистических идей в России в XVIII в., в главе упоминаются Катерина Александровна Княжнина (1746?–1797), Александра Федоровна Ржевская (1740–1769), Екатерина Алексеевна Долгорукая (1712–1747), Мария Воиновна Зубова (Римская-Корсакова) (1749?–1799), Елизавета Васильевна Хераскова (1737–1809) и др.

В главе «Женский вклад в интеллектуальную жизнь Германии XVIII в.» О.А. Радченко отмечает, что восемнадцатый век занимает особое место в истории интеллектуального дискурса в Германии, поскольку в этом веке на историческую сцену выходят женщина-писатель и женская читающая публика. Причину О.А. Радченко видит частично в том, что женское образование рассматривалось представителями немецкого Просвещения как один из важнейших социальных экспериментов, наряду с насыщением книжного рынка словарями и прочими изданиями, а частично в изменении в книгоиздании: к началу XVIII в. примерно две трети всех книг печатались на немецком языке и одна треть – на латыни.

В отличие от своих соавторов по монографии, О.А. Радченко довольно сдержанно характеризует вклад женщин в интеллектуальную жизнь Германии XVIII в., отводя им роль скорее добросовестных помощниц и справедливо отмечая, что в тот период «ни о каком равноправии в научной и образовательной сферах речь не шла, а доступ к высшему образованию для женщин случится лишь через двести лет» (с. 130). В то же самое время несколько женщин были удостоены научной степени: Доротея Кристиана Лепорин (1715 – 1762) получила в 1754 г. степень доктора медицины университета Галле, Доротея Шлецер (1770 – 1825) – степень доктора философии в Геттингенском университете в 1787 г. В Германии этого периода были также известны имена переводчиц и писательниц, например маркизы Эмили дю Шатле, Иоганны Шарлотты Унцер (урожденной Циглер), герцогини Саксонской и Гота-Альтенбургской Луизы Доротеи, пятнадцатилетней баронессы Филиппины, Сидонии Хедвиг Цойнеманн Анны Маргареты Пфедфер и др.

Тем не менее О.А. Радченко отмечает, что «эти небольшие примеры не позволяют выявить персоналии в истории науки о языке, которые составили бы галерею выдающихся женщин-лингвистов XVIII в. Однако они объясняют, почему история лингвистики должна включать литофанический аспект, неявную, скрытую, негласную историю того, как удалось мужчинам-классикам языкознания стать таковыми, кто был соавтором их научного успеха» (с. 135). Исследователь признает, что «принятый в лингвистической традиции строгий академический стиль изложения ее истории большей частью игнорирует обстоятельства личного характера, особенности личности и судьбы классиков языкознания, превращая историографию в поверхностный набор памятников и парадных портретов, за которым скрывается живая действи-

тельность научного тезогенеза» (с. 135). Большая часть главы пятой посвящена описанию роли женщин – супруг и спутниц великих немецких ученых. Одной из таких уникальных женщин была Луиза Адельгунда Виктория Готтшед (1713–1762), супруга выдающегося немецкого просветителя, философа, издателя, писателя и теоретика театра И.К. Готтшеда. Ещё более значимую роль в становлении немецкого языкознания XVIII в., по мнению О.А. Радченко, сыграла Каролина фон Гумбольдт – супруга крупного философа, политика, дипломата, организатора высшего образования Пруссии, основателя и вдохновителя науки о языке барона Фридриха Вильгельма Кристиана Карла Фердинанда фон Гумбольдта (1767–1835). Особого упоминания в монографии удостоились Каролина Шлегель (1763–1809) и Мария Каролина Гердер (1750–1809), Анна Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (1766–1817).

Среди женщин-меценатов, способствовавших развитию лингвистической мысли, О.А. Радченко отмечает деятельность княгини Амалии фон Галлицын (1748–1806), Шарлотты Софии Юлианы фон Кальб (1761–1863), Генриетты фон Вольцоген (1745–1788), а также хозяйек светских салонов Сузанны Юлианы Бондели (1732–1778), Каролины Августы Фишер (1764–1842) и др.

Подводя итоги пятой главы, О.А. Радченко пишет: «Эти замечательные женщины сформировали особый литофанический круг, не написав трудов по лингвистике, но внеся большой вклад в формирование немецкой литературной традиции в ее разнообразных жанрах. Их участие в судьбе великих немецких лингвистов является крайне важным фактором, повлиявшим на обстоятельства жизни и творчества, без учета которых невозможно представить себе историю формирования науки о языке в XVIII–XIX столетиях» (с. 178).

В заключение авторы монографии намечают возможные перспективы развития историографического представления женщин в лингвистике: 1) создание каталога дискурсивных практик, в соответствии с которыми действуют женщины-языковеды; 2) выявление отличий или сходства дискурсивных практик в гендерном аспекте; 3) создание портрета женщины-ученой с учетом исторического контекста и исторического периода; 4) написание истории роли женщины в становлении и развитии науки о языке в аспекте литофании (с. 179).

Отметим, что данная монография, являясь во многом уникальным авторским проектом, на наш взгляд, вносит значительный вклад в историографию языкознания XVIII в.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026 № 4

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 20.09.2026

Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 10,0
Тираж 800 экз.

Цена свободная
Уч.-изд. л. 8,6
Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: 8(499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6